Феликс Кривин

Конец Принцессы Грамматики,

или потомки древнего Глагола

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Школой добрых чувств» назвала в свое время газета «Известия» книгу Ф. Кривина «Карманная школа», в которой читатели впервые встретились с забавными персонажами, сошедшими со страниц серьезной школьной грамматики. И вот почти через двадцать лет — продолжение «Карманной школы». «Сказки для грамотных» — это не только сказки. Это короткие рассказы повесть «Фрегат «Грамматика», стихи для грамматического разбора «Записки бывшего языковеда», рассказывающие о выдающихся языковедах прошлого.

- Кривин Феликс Давидович
  - Кит из алфавита
    - ГЛУПЫЙ КОРОЛЬ
    - КОВАРНАЯ БУКВА
    - Я ИДУ ПО УЛИЦЕ
    - ПОЧЕМУ ЛОШАДЬ НЕ ЛЯГУШКА?
    - КОТЕНОК И МЕДВЕДЬ
    - КВАРТИРА
    - КИТ ИЗ АЛФАВИТА
    - РОЖДЕНИЕ СЛОВА
    - ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГЛАСНОЙ
    - КОГДА ЕЛИ НАШИ ПРЕДКИ?
    - СЛАДКАЯ СОЛЬ
    - МОЖЕТ ЛИ ОТЛИЧНОЕ БЫТЬ ПЛОХИМ
    - ГДЕ ТВОЯ МАЧТА, БОТ?
    - СЛОВА
    - СОН КОМАРИКА
  - Мечты неслужебные
    - РЕКА ЫРГАЙТЫ
    - ПРАВИЛА ОХОТЫ
    - ВЫБОР ПОЗИЦИИ
    - ПЛОХИЕ ПРИМЕРЫ ЗАРАЗИТЕЛЬНЫ
    - ЖИВОЕ СЛОВО
    - НЕБЫВАЛАЯ ВСТРЕЧА
    - ОПЫТ СПРЯЖЕНИЯ
    - МЕЧТЫ НЕСЛУЖЕБНЫЕ
    - ВЫДВИЖЕНИЕ
    - СКАЗКА О СРЕДНЕМ РОДЕ
    - ТОЛЬКО МНОЖЕСТВЕННОЕ
    - ОТРИЦАНИЕ
    - ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

- НЕСГИБАЕМЫЙ ЗНАК
- ЭРУДИТ
- ЦЕЛЬ И СЛЕДСТВИЕ
- РАЗБОР ПРЕДЛОЖЕНИЯ
- ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ОШИБКА
- СТРАНА ГРАММАТИКА
- ПЕСЕНКА О ГРАММАТИКЕ

○ Креветка и Луна
- УРОК РИСОВАНИЯ
- СТИХИ, ПРОЧИТАННЫЕ НА ЗАБОРЕ
- КТО СИДИТ НА БУКЕ?
- КАТАВАСИЯ
- СВЕТОФОРНЫЕ СТИХИ
- СТАРАЯ СКАЗКА
- ПОЧЕМУ ДУРАК УМНИЧАЕТ, А УМНЫЙ ДУРАЧИТСЯ
- В МИРЕ ЖИВОТНЫХ
- ЖИЗНЬ ЖУКА
- БРОДЯЧИЕ ДОМОСЕДЫ
- ПЕСЕНКА О ВЕРБЛЮДЕ
- КРЕВЕТКА И ЛУНА

○ Предлог для любви
- ПИСЬМО ТОГО, КТО, УВЫ, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧЕНИЕМ
- ПРИЗНАНИЕ
- ОДИН В НЕСКОЛЬКИХ ЛИЦАХ
- ПОСЛЕДНИЕ
- СИЛА КРАТКОСТИ
- ГРОЗНЫЙ ГЛАГОЛ
- ПРЯМАЯ РЕЧЬ
- ВРЕМЕНА ГЛАГОЛА
- СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ
- ДЫРКА ОТ БУБЛИКА
- ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ
- КАТЕГОРИЯ РОДА
- ОБЩИЙ РОД
- ДВА СЛОВА В ОДНОМ
- ПРЕДЛОГ ДЛЯ ЛЮБВИ
- СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАЧНОМ
- ТО, ЕДИНСТВЕННОЕ
- ГРУСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ ПРАВОПИСАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ
- ЖИЗНЬ ПРИСТАВОК

- ПРАВОПИСАНИЕ ПРИСТАВОК
- ВВОДНЫЕ СЛОВА
- РОД СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
- ПОЗИЦИЯ СЛОВА
- ПЕСНЯ ПРИЧАСТНОГО И ДЕЕПРИЧАСТНОГО ПРИСТАВОВ

○ Страна Междометия
- МОЖНО ЛИ БЫТЬ НА ВОСЬМОМ НЕБЕ?
- ИДУЩИЕ
- КОГДА СЛОВА ВЫХОДЯТ В ЛЮДИ
- КАРЬЕРА СЛОВА
- РАБОТА И ТРУД
- ОДНОФАМИЛЬЦЫ
- ПОЧЕМУ ДИКОБРАЗА НАЗВАЛИ ДИКОБРАЗОМ?
- НЕТ НИГДЕ КРОКОДИЛОВА
- КОГО МЫ ВЫСИЖИВАЕМ?
- РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ
- ЛЮБОЙ, КАЖДЫЙ И ВСЯКИЙ
- КТО ЛИШНИЙ?
- АНТОНИМЫ
- ПАРОНИМЫ
- ПИСЬМО К БИРЮЛЬКЕ
- СТАРОСТЬ СЛОВА
- ВСЁ — МЕНЬШЕЕ, ЧЕМ НИЧТО
- ВСЕГО НЕСКОЛЬКО СИНОНИМОВ
- СТРАНА МЕЖДОМЕТИЯ
- ПЕСЕНКА ОБ ОРФОЭПИИ

○ Потомки древнего глагола
- ПРОШЕДШИЕ ВРЕМЕНА
- МОЛОДОСТЬ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОГО ЗНАКА
- СМОТРИТЕ В КОРЕНЬ!
- БИОГРАФИЯ СЛОВА
- ЭТИМОЛОГИЯ
- КОГДА ЛЮБОЙ БЫЛ ЛЮБИМЫМ
- ПАН ИЗ ГРЕЦИИ
- ОТ УБЫТКА К ИЗБЫТКУ
- ДОБРЫЙ КОРЕНЬ
- ПОТОМКИ ДРЕВНЕГО ГЛАГОЛА
- НАВСТРЕЧУ ВРЕМЕНИ
- КОРЕНЬ ПАМЯТИ
- ЗЕЛЕНЫЙ И ЖЕЛТЫЙ
- ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО
- ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ
- ПОСЛЕДНЯЯ БУКВА В АЛФАВИТЕ

- СТАРЫЙ ЮС
- ПЕСЕНКА О БУКВАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ

○ Как увидеть зверя Грэтя?
- СТИХИ О СКРЕЛЕ
- КАК НА НЕБО ЗАБРЕЛИ КЕМБЕРЛИ И БЕРКЕМЛИ
- КАК РЫБА СНЕТЬ ПРЕДАВАЛАСЬ РАЗМЫШЛЕНИЯМ
- КАК УВИДЕТЬ ЗВЕРЯ ГРЭТЯ?
- ПТИЦА ФЛЕТТИ ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ
- РЫБА СНЕТЬ БЕЖИТ ИЗ СЕТИ
- ПЕСЕНКА О ЛЯГУШКЕ КЕМБЕРЛИ И ЖАБЕ БЕРКЕМЛИ, А ТАКЖЕ О ЛЮБВИ КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ
- О ПТИЦЕ ФЛЕТТИ, КОТОРАЯ ТАК И НЕ НАУЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ
- РЫНОК
- КАК ЛЯГУШКА КЕМБЕРЛИ НЕ ДАЛА ЗАМОРИТЬ ЧЕРВЯЧКА

○ Фрегат «Грамматика»
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6

○ Память о птице Моа
- ПОЧЕМУ НЕБЫЛИЦЫ БЕЗ «НЕ» НЕ УПОТРЕБЛЯЮТСЯ
- РАССКАЗЫ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА
- ИСТОРИЯ, НЕ ПРОЧИТАННАЯ В КНИГЕ «АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ»
- СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА
- ОБРАЩЕНИЕ
- НАЗВАНИЯ ВЕСЕЛЫЕ, ГРУСТНЫЕ, ВСЯКИЕ
- ДИАЛОГИ
- ОБРАЗЦОВЫЙ ПОРТНОЙ
- ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ
- СЫНОВЬЯ МУДРЕЦА
- СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА
- ТЕХОСМОТР
- ДИСТРОФИКИ

○ Большая Фортунатовская

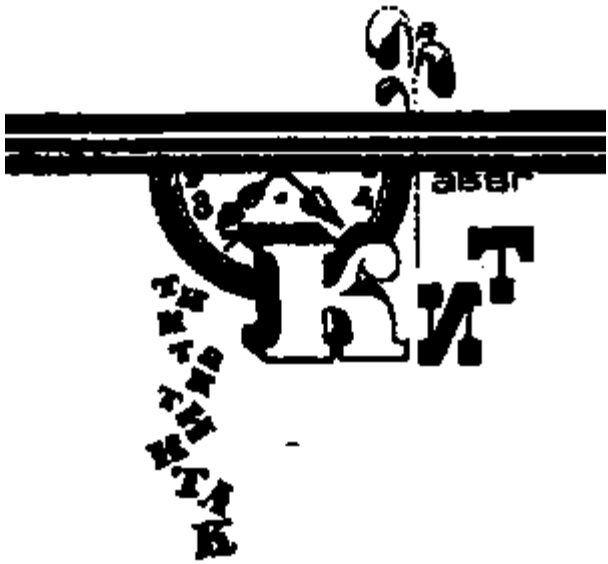
- МАРКИЗА, МАРКИЗА, МАРКИЗА…
- СЛАВА СЛОВА
- В СТАРОМ ТАЛЛИНЕ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД…
- ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС АЛЕКСЕЯ БОЛДЫРЕВА
- ДАЙ БОГ ПАМЯТЬ…
- СНЫ ВОСПОМИНАНИЙ
- КРЕСТЫ
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РЕШЕТКОЙ
- ОБ ОПТИМИЗМЕ В НАУКЕ
- О СМЫСЛАХ
- КОСАЛМА
- ОБ ИМЕНАХ
- ЕЩЕ ОБ ИМЕНАХ
- ИМЕНА И МЕСТОИМЕНИЯ
- Я, МЫ, ОНИ
- ТОМАС ПЕЙН, НАПОЛЕОН И АЛЕША ШАХМАТОВ
- ДВЕ НЕСООБРАЗНОСТИ
- СОБСТВЕННЫЙ СТИПЕНДИАТ
- ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ХАРЬКОВА В МОСКВУ
- ПОТОЛОК, РАВНЫЙ ПОЛУ
- ГЕНЕРАЛ ОТ ОРФОГРАФИИ
- ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ
- ОТ ЗВЕЗДОСЛОВИЯ ДО СВИСТОПЛЯСКИ
- СУДЬБА ВЕРБЛЮДА
- ИЗМЕНЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ
- РАЗГОВОР О ПОГОДЕ
- СПАСИБО ВАМ!
- СОЕДИНЕННЫЕ ПАМЯТЬЮ
- СЛУЖЕБНЫЕ
- ВСЕГДА РЯДОМ
- НЕКОРОНОВАННОЕ СЛОВО
- САМАЯ ДОРОГАЯ БУКВА
- КТО СКАЗАЛ «Э»?
- ДАЛЬ
- НАРОДНЫЕ ИСКАЗИТЕЛИ
- ЕЩЕ ВОСПОМИНАНИЕ
- «ХАМАСА» НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ
- КОРРЕСПОНДЕНТЫ АКАДЕМИКА
- ЯЗЫК ТВОЙ — ДРУГ МОЙ
- УЛИЦА ВЕНЕЛИНА
- ДОКТОР МНОГИХ НАУК
- СОВРЕМЕННИКИ
- ДВА УДЕЛА

- СТАРОЕ НОВОЕ УЧЕНИЕ
- БОЛЬШАЯ ФОРТУНАТОВСКАЯ
- НАСЛЕДИЕ БОДУЭНА
- ГОДЫ
- РАЗВИЛКА ВО ВРЕМЕНИ
- ЛЕКЦИЯ О ПОТЕБНЕ
- СТО ЛЕТ ФОРТУНАТОВА
- РЯДОМ С ПРОШЛЫМ

○ ЮМОР ПЫТЛИВОЙ МЫСЛИ

Кривин Феликс Давидович
Принцесса Грамматика или Потомки древнего глагола

Кит из алфавита
(Сказки для начинающих)



ГЛУПЫЙ КОРОЛЬ

Жил-был глупый король, у которого женой была умная королева. Умную королеву немножко смущало то, что она жена глупого короля, но утешалась она тем, что жена глупого короля — все-таки королева, а кто такая жена умного дворника? Дворничиха, не более того.

Однажды глупый король решил пойти войной на другого короля, не глупого, и захватить его королевство.

— Сколько раз я ему предлагал по-хорошему отдать мне королевство, — жаловался король умной жене. — Но он отвечал, что я ерунжу, что в случае чего я очучусь в незавидном положении. Но теперь я его убежу не словами, а превосходящей живой силой и техникой, я обезлюжу его королевство!

Умная королева понимала, что король не прав, потому что глаголы УБЕДИТЬ, ЕРУНДИТЬ, ОЧУТИТЬСЯ и ОБЕЗЛЮДИТЬ в первом лице единственного числа не употребляются. Но она не возразила глупому королю, понимая, что если возражать глупому королю, можно, чего доброго, перестать быть королевой.

— Да, конечно, ты не ерундишь, ты его убедишь и обезлюдишь его королевство, — соглашалась умная королева, употребляя, однако, эти глаголы в той форме, в какой они обычно употребляются. Грамматически она была права, хотя по сути глубоко ошибалась.

— Я его побежу! Побежу! — кричал ободренный ею король, и было неясно, победит ли он противника, или, напротив, от него побежит.

Это выяснилось лишь тогда, когда глупый король пошел войной на короля неглупого и не победил, а побежал, хотя готовился к совершенно другому. И неглупый король захватил его королевство, но, конечно, не обезлюдил его, потому что был неглуп и понимал, что глагол ОБЕЗЛЮДИТЬ в первом лице единственного числа не употребляется.

А умная королева перестала быть королевой, хотя очень умно угождала королевской глупости. Потому что нельзя без конца угождать глупости, самое умное угождение глупости в конце концов превращается в глупость.

Вы думаете, я чужу?

Нет, этого я себе не позволю. Хотя бы потому, что глагол ЧУДИТЬ не имеет формы первого лица единственного числа, а неправильное употребление слов приводит, как вы убедились, к весьма печальным последствиям.

КОВАРНАЯ БУКВА

Ох эта коварная буква Р, недаром ее многие не произносят!

Представьте себе, что вы живете в книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица, и вам хорошо здесь жить, вы знаете, что вас почитают…

Почитают?

Как бы не так… Появится эта самая буква Р, и вас просто-напросто прочитают. Конечно, в книге это естественно, но кому не хочется, чтоб его почитали? Не просто прочитали, а окружили настоящим почетом и уважением?

Это хочется каждому, кто живет в книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица. И потому каждый мечтает совершить какой-нибудь необыкновенный поступок, за который его можно будет по-настоящему почитать.

Поступок?

Только, пожалуйста, осторожней с поступками! Она уже тут как тут, буква Р, и поступок ваш немедленно превратится в пРоступок. Любой, даже самый хороший поступок, превратится в пРоступок, хотя проступки обычно не бывают хорошими.

Вы устали, вам хочется немного поспать. Вы заводите будильник, чтобы проснуться вовремя, и ложитесь поспать…

Берегитесь!

Вы легли поспать, но вам придется пРоспать, и никакой будильник вам не поможет. Потому что пока вы спите, буква Р не спит!

А когда вам хочется поиграть, это кончится тем, что вы пРоиграете. А когда сядете с кем-нибуть поболтать, наверняка пРоболтаете самое важное. Потому что тут же будет эта зловредная буква Р.

И можете не искать оправданий: любые поиски оправданий будут рассматриваться как пРоиски, и если даже вы решите в конце концов повиниться, вам придется еще раз пРовиниться, потому что она и тут не упустит случая, эта неумолимая буква Р.

Да, попасть с нею рядом — это значит: пРопасть. Навеки пропасть для книги, где растут на дереве фиги, для страницы, которой правят царь и царица…

Конечно, мне вы можете не поверить. Но тогда вам придется это пРоверить. На собственном опыте.

Я ИДУ ПО УЛИЦЕ

Я иду по улице и думаю:

Ну что это за слово — УЛИЦА! Как будто и небольшое, а в нем помещаются все улицы, какие есть на земле, потому что каждая улица называется УЛИЦА. И наша улица, и соседняя, и все улицы, какие есть на земле…

Я иду по улице и думаю:

Интересное это слово — Я. Всего одна буковка — и уже целое слово. И какое слово! Каждый может сказать о себе: Я! Сколько людей на земле, столько Я.

Поэтому Я никаких особых примет не имеет. Об УЛИЦЕ можно сказать: КРАСИВАЯ УЛИЦА, НАША УЛИЦА. А разве скажешь: НАШ Я? Или КРАСИВЫЙ Я? Ничего такого не скажешь, хотя обозначает Я человека. Пока не узнаешь человека, ничего не скажешь про его Я.

Потому что Я заменяет кого угодно (как и положено личному местоимению), а о том, кто заменяет кого угодно, ничего определенного нельзя сказать. УЛИЦА существует сама по себе (как и положено существительному), а Я только других заменяет.

Я иду по улице и думаю:

Какое хорошее слово — ИДУ! Можно идти по улице, можно идти по лесу или даже по горам. Хотя слово ИДУ не существует так, как существует УЛИЦА (его потому и не называют существительным, а называют глаголом), оно обозначает одно только действие…

В том-то и дело, что одно! А если мне надоест идти и я захочу остановиться? Я остановлюсь — и это опять будет действие. Побегу, поплыву, полечу — и все это будут действия.

Но пока я иду по улице и думаю:

Какое хорошее слово — ДУМАЮ! Оно обозначает действие, без которого ничего не узнаешь!

ПОЧЕМУ ЛОШАДЬ НЕ ЛЯГУШКА?

Лягушку назвали лягушкой от слова ЛЯГАТЬ, хотя она в жизни еще никого не лягнула. Назвали бы лягушкой лошадь — это было бы понятно, потому что лошадь лягается. А разве лягушка лягается?

Конечно, правильней было бы назвать лягушкой лошадь.

А лягушку тогда как назвать?

Она сидит в своем болоте, спокойно сидит и никого не лягает, такая смирная, безобидная…

Правда, не для всех. Пролетит мимо мошка — а она ее цап! Проползет букашка — а она ее цап!

Почему бы лягушку не назвать цаплей? Раз она не лягает, а цапает, может, лучше ее назвать не лягушкой, а цаплей?

А как тогда назвать цаплю? Она ведь тоже цапает не хуже лягушки. Причем, не кого-нибудь цапает, а лягушек. И если лягушку цаплей назвать, тогда не поймешь, кто же тут кого цапает…

Если мы лягушку назовем цаплей, а лошадь назовем лягушкой, они все могут запутаться, и лягушка, чего доброго, цапнет лошадь. Вот когда лягушке не поздоровится! Потому что лошадь по-настоящему лягается, хоть ее никто не называет лягушкой.

КОТЕНОК И МЕДВЕДЬ

Жил-был КОТЕНОК. Это был не настоящий котенок, а только слово, которое здесь написано.

Пошел он однажды в ЛЕС, тоже ненастоящий, и встретился с МЕДВЕДЕМ, тоже написанным. Приласкался КОТЕНОК к МЕДВЕДЮ, и стали они писаться так: КОТЕНОК МЕДВЕДЯ.

Удивился МЕДВЕДЬ:

— Раньше я был МЕДВЕДЬ, а теперь какая-то МЕДВЕДЯ. Такой страшный МЕДВЕДЬ — и вдруг МЕДВЕДЯ! Из-за какого-то КОТЕНКА несчастного!

— Это потому, что я к тебе приласкался, — объяснил КОТЕНОК. — Я стал твоим, поэтому ты изменился. Если б ты стал моим, тогда бы я изменился. Такое правило.

— Ну да?

— А ты думал! Стоит мне к тебе приласкаться, и ты уже изменяешься. Потому что я приласкался к МЕДВЕДЮ, а не приласкался К МЕДВЕДЬ. Стоит мне с тобой заговорить, и ты уже изменяешься, потому что заговорил я С МЕДВЕДЕМ, а не С МЕДВЕДЬ. И даже стоит мне о тебе подумать — и ты уже изменяешься, потому что подумаю я О МЕДВЕДЕ, а не О МЕДВЕДЬ.

— Что-то я с тобой много изменяюсь, — сказал МЕДВЕДЬ. — Иди-ка ты ласкаться в другое место.

КОТЕНОК вздохнул:

— Хорошо, я уйду. Но учти: ты опять изменишься. Потому что уйду я ОТ МЕДВЕДЯ, а не ОТ МЕДВЕДЬ. Такое правило.

— Значит, я опять буду МЕДВЕДЯ? — опечалился МЕДВЕДЬ. — Лучше ты сиди на месте, а я буду уходить, пока совсем не уйду, чтоб меня здесь не видели.

И МЕДВЕДЬ стал уходить от КОТЕНКА. И даже убегать от КОТЕНКА. И КОТЕНОК от этого изменялся, хотя оставался на месте и даже не двигался.

Кто-нибудь слышал, чтоб медведь убегал от котенка?

Смотря какой котенок.

И смотря какой медведь.

А главное — смотря что тут о них написано.

КВАРТИРА

Недавно в нашей КВАРТИРЕ ссора произошла. Буква И из нашей КВАРТИРЫ набросилась на соседнюю букву Т и потребовала, чтоб та уступила ей свое место.

— Я в алфавите в первом десятке стою, а ты всего лишь во втором десятке! — кричала буква И, да так громко, что наш ДВОР потерял букву Д, вследствие чего к нему пришлось вызывать милицию… — Так почему же здесь, в КВАРТИРЕ, я должна стоять сзади тебя?

— Потому что иначе у нас будет не КВАРТИРА, а КВАРИТРА.

— Пускай КВАРИТРА. Мы и в КВАРИТРЕ проживем, — продолжала кричать буква И.

Буква Б из АБАЖУРА упала на СТОЛ, отчего СТОЛ, превратившись в СТОЛБ, пробил потолок и залез в другую КВАРТИРУ (что, впрочем, было нестрашно, так как милиция уже была вызвана).

— Жить в КВАРИТРЕ — это бессмыслица, — сказала буква К, с которой начиналась вся наша КВАРТИРА, что накладывало на букву К определенную ответственность.

— Между прочим, ты в алфавите тоже стоишь сзади меня, — не растерялась буква И. — А тут — поглядите: захватила первое место!

ТРЮМО сдвинулось со своего места и въехало в ШКАФ, образовав ТРЮМОШКАФ, сооружение, быть может, и удобное, но слишком громоздкое для нашей КВАРТИРЫ.

— Если я стану сзади тебя, то у нас будет не КВАРТИРА, а ВАРТИКРА, — спокойно сказала буква К, свято веря в незыблемость этого аргумента.

— А почему нельзя жить в ВАРТИКРЕ? — спросила буква В, в которой этот вариант пробудил кое-какие надежды.

— Если мы займем места в алфавитном порядке, у нас будет не КВАРТИРА, а ААВИКРРТ, — сказала буква К, чувствуя ответственность за то, чтоб КВАРТИРА оставалась КВАРТИРОЙ, а не превращалась в какой-то ААВИКРРТ, не только неудобный для жилья, но даже неудобопроизносимый.

— А почему бы нам не жить в ААВИ… — обе буквы А так и не смогли произнести это лестное для них слово.

— А почему бы нам не жить в РРААВИ…

— А почему бы нам не жить в ТРРААВИ…

СТОЛБ выехал из верхней КВАРТИРЫ и, вернув АБАЖУРУ букву Б, опять стал нашим СТОЛОМ. ВОР, получив свою букву Д, стал прежним ДВОРОМ. Милиция наводила порядок…

КИТ ИЗ АЛФАВИТА

Всего три буквы, а вот взялись дружно, соединили усилия, и у них получился КИТ. Самое большое животное.

А рядом семеро трудятся — и в результате у них МУРАВЕЙ. Они уже и «ура!» кричат в середине слова (М — УРА! — ВЕЙ), а КИТ у них не получается. МУРАВЕЙ получается. Может, они не дружно берутся?

Берутся-то дружно, да не те, кому браться следует. Не тем братцам следует браться. Тут нужен братец К, братец И, братец Т — вот тогда у них КИТ получится. Если же братец И загуляет и его заменит братец О, то получится не КИТ, а КОТ, что далеко не одно и то же.

Очень важно знать порядок, в котором нужно выстраиваться. К — первый, И — второй, Т — третий. Запомнили? Чтоб не получился вместо КИТА ТИК — до того маленький, что помещается в самых маленьких часиках, да еще не один, а вместе с ТАКОМ: ТИК-ТАК, ТИК-ТАК…

Ну, и, конечно, в слове не должно быть ничего лишнего. У нас должен быть КИТ — почему же получился МОСКИТ? Захотелось украсить слово тремя лишними буквами? Но ведь москит — это не кит, он еще меньше муравья, хотя, может, и больше тика в маленьких часиках.

Отбросим лишние буквы, из них еще СОМ получится. И СОМ, и КИТ — если говорить коротко. А если длинно — всего лишь МОСКИТ. Так часто бывает, когда говорится лишнее.

РОЖДЕНИЕ СЛОВА

Строгий порядок букв в алфавите обретает смысл лишь тогда, когда его нарушают.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ГЛАСНОЙ

Выкатилось О из алфавита и соображает, куда бы податься. В алфавите оно занимало среднее положение: шестнадцатое с начала, восемнадцатое с конца. А где конец? Где начало? Не поймешь. Чтобы это понять, надо быть, братцы, фило-о-о-о-о-о-софом…

— Покачусь-ка я в астрономию. Стану орбитой, пусть на мне планеты разные вертятся. У них там орбиты — точно такие, как я. — Так прикинуло О и — покатилось.

Посмотрели на него в астрономии сначала невооруженным глазом, потом через увеличительное стекло.

— По форме, — говорят, — вы нам подходите, только вот масштабы у вас маловаты. Не астрономические масштабы, прямо сказать. А в нашем деле нужны масштабы астрономические.

Выкатилось О из астрономии вне себя. Смотрите-ка: подавай им астрономические масштабы!

— Покачусь-ка я в химию. Стану обозначать кислород, и будут все мною дышать — не надышатся.

Взяли его в химию, и стало оно обозначать кислород. Компания подобралась серьезная: один обозначает азот, другой — углерод, третий — фосфор.

— А где ваш фосфор? — спрашивает О у того, который обозначал фосфор.

— Там же, где твой кислород.

— У нас тут все только обозначают, — объяснил тот, который обозначал углерод. — Не имеют, а только обозначают.

— Значит, на бумаге одно, а на самом деле другое? Но это же очковтирательство, самый настоящий обман!

И выкатилось О из химии. В математику покатилось. Там, по крайней мере, оно будет фигурой, эллипсом. Будут его со всех сторон измерять, доказывать на нем разные теоремы.

— Эллипс образуется сечением конуса плоскостью, а у вас какое образование? — спросили у него в математике. И, посовещавшись, направили его в арифметику, где как раз была вакансия нуля.

Что такое ноль? Грубо говоря, пустое место. Правда, он может удесятерить величину того, позади кого он стоит, но чтобы он удесятерял, стоя впереди, — это ему, братцы, не светит.

— Нет, — сказало О. — Это нам не подходит.

А что нам подходит? Мы всегда знаем, что нам НЕ подходит, а вот что нам подходит? Это трудный вопрос.

Выкатилось О из математики, в грамматику покатилось. А

там как раз место для него нашлось: назначили его соединительной гласной.

Работа интересная: два слова соединять в одно, и опять же в центре стоять — дело привычное. Как в алфавите.

Послали О в сложное слово ЛЕСОСТЕПЬ. С одной стороны — ЛЕС, с другой — Степь, а посередине О, на самом лоне природы. Приятно на первых порах, но потом надоедает однообразие: все время с одной стороны ЛЕС, с другой — СТЕПЬ.

Бросило О эти степи и леса, перебралось в город. А в городе как раз в разгаре ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВО, соединительная гласная позарез нужна. Условия средние: с одной стороны — ДОМ. Как ни говори, крыша над головой. Но зато с другой стороны — СТРОИТЕЛЬСТВО, довольно тяжелая работа.

Уж лучше пойти на МАСЛОЗАВОД, решило О. Там с одной стороны — МАСЛО, кто от него откажется?.. Хотя с другой стороны — ЗАВОД, значит, опять работа. А это, конечно, не то.

И, наверно, выкатилось бы О из грамматики, если б не подвернулось ему САМООБРАЗОВАНИЕ, удивительное слово. С одной стороны — ты САМ, а с другой — ОБРАЗОВАНИЕ. Можно подучиться, квалификацию получить. Чтобы как пошлют тебя в какой-нибудь ШЛАКОБЕТОН, сразу видеть, где ШЛАК, где БЕТОН, и уметь их не только соединить, но и отличить друг от друга.

КОГДА ЕЛИ НАШИ ПРЕДКИ?

Если б наши далекие предки пригласили нас на обед, мы бы ушли с этого обеда голодными. Потому что предки наши не ели во время обеда.

Когда же они ели?

Они ели ДО обеда. Они ели ПОСЛЕ обеда. А ВО ВРЕМЯ обеда они не ели. Это было не принято. У каждого времени свои порядки.

Вот мы приходим к ним на обед. Здороваемся. И что же мы слышим?

— Отдыхайте. Вот кончится обед, тогда поедим.

Или еще хуже того:

— Жаль, угощать вас нечем, все уже съедено. А сейчас извините: у нас обед.

И нам пришлось бы их извинить. Потому что у них ОБЕДОМ называлась не еда и не время еды, а время ДО и ПОСЛЕ еды. Время ОКОЛО еды. Потому что приставка ОБ- означала ОКОЛО.

Вот тебе и обед! Посидишь около еды, да так и уйдешь несолоно хлебавши.

А что наши предки называли ЗАВТРАКОМ? Ведь если вдуматься, ЗАВТРАК — это то, что нужно есть ЗАВТРА. А что есть сегодня? Неужели совсем ничего не есть?

В то время ЗАВТРА называли ЗА УТРА, то есть то, что наступает ЗА УТРОМ. Вот пройдет ночь, наступит ЗА УТРА, по-нашему — ЗАВТРА, и мы будем есть ЗАУТРОК, то есть ЗАВТРАК, как мы теперь говорим.

Если ждать этот ЗАУТРОК после вчерашнего ужина, то можно хорошо проголодаться. Потому что УЖИНОМ наши предки называли не ужин, а полдник — от древнего слова УГ, то есть «юг, полуденное время». Вот как у них было. Не знаешь, когда и поесть.

Хотя, конечно, предков легко критиковать: и ужин у них был не ужин, и обед не обед… А попробуй-ка сам пожить, чтоб твоя жизнь выдержала критику потомков. Только надо учесть, что судить они будут по нашим делам, а не по нашим завтракам, ужинам и обедам.

СЛАДКАЯ СОЛЬ

Тем, кто любит сладкое, хочется, чтоб все было сладким. И кислое было бы сладким. И соленое, и даже горькое было бы сладким.

Между прочим, кисель уже сладкий, хотя он должен быть кислым, потому что он — КИСЕЛЬ. Но кислое любят немногие, а сладкое — чуть ли не все. Поэтому кисель постепенно сделался сладким. Чтоб его полюбили, чтоб ходили за семь верст киселя хлебать, как это делают сейчас в известной пословице.

А соль? Почему бы и ей не сделаться сладкой? Чтобы все соленое стало сладким и чтоб никто не мог никому насолить, а если бы и насолил, то от этого было бы не солоно, а сладко…

Но соленое никогда не бывает сладким. А вот сладкое было сладким не всегда. Когда-то сладкое было соленым.

Тут, конечно, все дело в названии. Когда-то соленое называлось сладким. Только называлось сладким, а на самом деле было таким же соленым, как сейчас. Вот такая путаница, но это путаница только для нас, а древние люди прекрасно друг друга понимали. Они привыкли к тому, что когда просят сладкое, нужно давать соленое, и никто ни на кого за это не обижался. Им даже было вкусно. До того вкусно, что они стали называть сладким вкусное. Не соленое, а вообще вкусное. Они говорили:

— Какой сладкий квас! Какая сладкая вобла!

Квас был кислый, вобла соленая, но они были вкусными, поэтому о них так говорили. Потому что сладким стали называть все, что было вкусным.

А потом, возможно, многие пришли к мнению, что самый сладкий, то есть самый вкусный, мед или, допустим, сахар. Или конфеты. Или пирожные. И с тех пор только это вкусное стали называть сладким.

Теперь сладким называют только сладкое, а соленым — только соленое. Но слова СОЛЕНЫЙ и СЛАДКИЙ сохраняют прежние родственные отношения, потому что, как выяснилось, они происходят от одного и того же древнего слова. И СОЛЕНЫЙ радуется, когда кому-нибудь сладко живется, а СЛАДКИЙ радуется, когда кого-то называют солью земли. Ведь солью земли у нас называют самое главное, самое ценное. Люди, которые были солью земли, никогда не делали жизнь других людей солоней, а всегда старались, чтоб она была слаще…

МОЖЕТ ЛИ ОТЛИЧНОЕ БЫТЬ ПЛОХИМ

Теперь уже не может. Теперь уже отличное никогда не станет плохим. А когда-то была у него такая возможность.

Это было в те времена, когда только появилось на свет это слово — ОТЛИЧНЫЙ, когда оно образовалось от слова ОТЛИЧАТЬ. Образовалось — и сразу приобрело значение самого высокого качества. Все другие качества были похуже: либо хорошими, либо посредственными, либо вовсе плохими. А это качество было таким хорошим, что отличалось от всех. Поэтому его назвали ОТЛИЧНЫМ.

С тех пор ОТЛИЧНОЕ отличали от всего остального. ОТЛИЧНОЕ здоровье — от здоровья хорошего, посредственного и, конечно, плохого. ОТЛИЧНУЮ погоду — от погоды хорошей, посредственной, а тем более плохой. ОТЛИЧНОГО человека — от человека хорошего, посредственного и особенно от плохого.

А если б все было наоборот? Если б у нас все было самое лучшее, — что бы тогда от него отличалось?

Наверно, то, что было бы хуже по качеству. Среди самого лучшего — не самым лучшим. Вот тогда бы, вероятно, ОТЛИЧНЫМ называли плохое, потому что плохое отличалось бы от всего остального, хорошего.

Так могло случиться. Но теперь уже не случится никогда. Даже если все люди станут самыми лучшими, и здоровье у них будет самое лучшее, и погода всегда будет такая хорошая, что лучшей нечего и желать, — все равно никто не назовет плохое отличным. Потому что слово ОТЛИЧНЫЙ приобрело свое твердое, самостоятельное значение. Хотя и произошло оно от другого слова.

Человек ведь тоже происходит от других людей, но приобретает самостоятельное значение. И если это отличие делает его не хуже, а лучше других, его называют ОТЛИЧНЫМ человеком.

ГДЕ ТВОЯ МАЧТА, БОТ?

Шлепает Бот по лужам и вспоминает, как он плавал по морям. Один Бот да другой Бот — вот тебе и флот… А сейчас Бот — что твоя старая калоша: обхватит ботинок и по лужам шлеп-шлеп, чтоб нога не промокла…

Где твоя мачта, Бот? Ты же там, в море, был одномачтовым. И паруса надувал — где твой парус? Что-то он не белеет, совсем не белеет, Бот…

Грустно лужам, что не белеют на них паруса, но для них все-таки честь, что такие боты по ним шлепают. И когда Бот — шлеп-шлеп! — вспоминает морское прошлое, лужи — хлюп-хлюп! — в знак уважения и искреннего восторга.

Потому что лужи не знают — и откуда им знать? — что этот Бот не из тех, которые плавают по морям, а из тех, которые шлепают по лужам.

Они только называются одинаково — БОТЫ — одномачтовые суда и резиновая обувь, предохраняющая ноги от промокания.

Есть слова, которые и звучат, и пишутся одинаково, хотя значение у них разное и совсем разная судьба. И когда услышишь о Боте, который шлепает по лужам, невольно представишь себе белый парус, и голубую даль, и совсем другой мир, в котором обитают другие боты… А когда на том, другом, боте окунешься в морскую даль, то, конечно, не забудешь о ботах, которые остались на берегу, чтобы там, на берегу, ноги не промокали…

Где твоя мачта? Где твоя мечта? Как это хорошо, что такие разные слова иногда и звучат, и пишутся одинаково…

СЛОВА

Собачка Ава из соседнего двора до сих пор ходит к тебе в гости.

Когда вы познакомились, ты был ростом чуть выше ее, поэтому она отнеслась к тебе с полным доверием. Вы оба, маленькие, ходили у самой земли, а над вами возвышался взрослый мир, и, чтоб увидеть его, вам обоим приходилось задирать голову.

Ты называл собачку Авой, а она называла Авой тебя, потому что «ав» — это было единственное общее ваше слово.

Но вы понимали друг друга без слов. Того, кого любишь, понимаешь без слов, а кого не любишь — и со словами не понимаешь…

С тех пор ты вырос и с каждым днем все растешь. И все больше удаляешься от собачки Авы. Она по-прежнему там, внизу, где вы с ней когда-то бегали, а ты поднимаешься все выше и выше… Скоро ты станешь таким высоким, что, возможно, и замечать не будешь тех, кто живет у самой земли.

Это будет грустно… Пусть даже ты поднимешься до самого неба, все равно будет грустно, если ты забудешь тех, кто остался у самой земли. Человек не для того растет, чтоб удаляться от своего детства…

А пока собачка Ава по-прежнему бегает к нам во двор и вы с ней без слов понимаете друг друга.

Хотя ты уже знаешь много слов. И будешь знать еще больше.

Но сколько б ты ни узнал слов, самое главное — это не слова, а то, что без них понимается.

СОН КОМАРИКА

Жил комарик чуть дыша,
Мухи не обидел.
Но однажды букву Ша
Он во сне увидел.
С буквой Ша любой комар
Получается: коШмар.
И во сне на ветке
Заметался наш комар,
Словно птичка в клетке.
Что ж ты, малая душа,
Испугался буквы Ша?
Глупенький, пойми ты:
Если в букве вся беда,
Как прикажешь быть тогда
С целым алфавитом?

Мечты неслужебные
(В пределах школьной программы)

РЕКА ЫРГАЙТЫ

В некоторой книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица, существовал строгий, но справедливый закон: ни одна буква не может быть больше других, если только она не стоит в начале предложения или в начале такого слова, которое обозначает название или понятие, пользующееся особым уважением и почетом. А какая буква не мечтает попасть в начало предложения или слова, пользующегося особым почетом? Мечтает каждая, хотя, конечно, не все попадают. Не говоря уже о Мягком и Твердом знаках, которым к этому отрезаны все пути. Была в этой книге буква, которой если и не были отрезаны все пути, то, во всяком случае, оставлено путей очень мало.

Но она тоже мечтала. Потому что как жить на свете маленькой букве, если не мечтать?

Есть в Чуйской долине река Ыргайты… Это самая замечательная в мире река, потому что — обратите внимание, на какую букву она начинается. Есть, конечно, и другие прекрасные реки: например, река Ыгыатта в Якутии, а также в Эстонии река Ыхне. Но реку Ыргайты с какой стороны ни читай… Она в любой конец с буквы Ы начинается…

Хорошо бы попасть в Чуйскую долину, чтоб с тебя начиналась целая река. Вот где можно стать большой: в начале реки большой, а в конце пускай и маленькой буквой. Не исключено, что буква Ы попала бы там в самое начало предложения и с нее бы начиналось не слово, а целая мысль.

Например: «Ыргайты широка и полноводна».

Или так: «Ыргайты орошает весь Казахстан, а также остальные земли Азии и Европы».

Хотелось бы добавить: и остальные материки, но они лежат среди океанов, как же доберется до них река Ыргайты?

Тогда скажем так: «Ыргайты впадает в Мировой океан и вместе с ним орошает все острова и континенты».

Вот куда забралась буква Ы в своих мечтах.

А что остается, когда больше некуда забираться?

Когда живешь в книге, где растут на дереве фиги, и вряд ли сможешь попасть на реку Ыргайты, а также на реку Ыхне и реку Ыгыатту…

Буква Ы подавила горестный вздох и сорвала с дерева фигу.

ПРАВИЛА ОХОТЫ

Перепуганный зайчонок прибежал домой:

— Папа, за нами охотятся!

— За нами охотятся или на нас охотятся? — уточнил старый заяц.

— Я не знаю… Я только знаю, что охотятся…

— Сколько раз я тебя учил правильно выражать свою мысль. От того, насколько точно мы выражаем мысль, зависит очень многое.

— Но они же охотятся, папа! — ЗА НАМИ или НА НАС?

— Я не знаю, как правильно сказать, папа…

— Последний раз объясняю: если охотятся ЗА НАМИ, это значит, что нас хотят только поймать. А если НА НАС охотятся, это значит, нас хотят убить. Чувствуешь разницу?

Зайчонок задрожал, всем своим существом чувствуя эту разницу.

— То-то же, сынок. Учись выражаться правильно. Я дожил до старости, а почему? Потому что я всегда выражался правильно.

— Папа!

— Да, пожалуй, ты прав: теперь самое время давать тягу, чесу, драла или стрекача… Ты лично что предпочитаешь?

— Нам не задавали…

— Ничего, жизнь вам задаст. А теперь — ноги в руки, сынок!

И они побежали.

— А если б не НА НАС, а ЗА НАМИ охотились, — спросил на бегу зайчонок. — Что бы мы тогда делали?

Старый заяц, не сбавляя скорости, погрузился в раздумья.

— Что бы тогда? Может, дали бы дёру. Может, навострили бы лыжи, а то и просто пятки смазали бы… У тех, которые охотятся, только две возможности: убить или поймать. А у нас с тобой, — старый заяц подмигнул на ходу, — у нас с тобой вон какой выбор!

ВЫБОР ПОЗИЦИИ

— А, здравствуйте!

— Извините, я не А, а О.

— О, значит, тезка! А голос у тебя совсем как у А.

— Стань на мое место, и у тебя будет такой же голос.

Разговор происходит в слове между двумя гласными: Ударным О и О Безударным.

— Слог у меня не тот, — жалуется Безударный. — В твоем-то положении я бы тоже звучал.

— Но ведь я под ударением, — напоминает Ударный. — Стань под ударение и звучи. Кто тебе мешает?

— Больно небось?

— Что — больно?

— Ударяют — больно?

— Когда как. В нашем деле бывает по-всякому…

Безударный произносит какой-то звук, больше напоминающий А, чем О, и умолкает.

— Так договорились? — не унимается Ударный. — Станешь ударным, будешь звучать, никто тебя ни с каким звуком не спутает.

Молчит Безударный. Хмурится. Ему не хочется отвечать. Ему не хочется меняться. Кому охота ставить себя под удар?

ПЛОХИЕ ПРИМЕРЫ ЗАРАЗИТЕЛЬНЫ

Глухие перед звонкими звучат, как звонкие. Звонкие перед глухими звучат, как глухие.

Равнение на задних. Разве не лучше равняться на тех, которые впереди? Зачем все время оглядываться на стоящих сзади?

Такова жизнь согласных в слове: с оглядкой. Все время оглядывайся: кто там сзади стоит?

Можно, конечно, равняться на передних, брать пример с передних, но — не получается. Потому что и передние все время оглядываются: кто там сзади стоит?

Простое слово «оТБор» звучит как «оДБор». А могло бы звучать как «оТПор», если б согласные в нем равнялись на передних.

ЖИВОЕ СЛОВО

Вызвали Е из алфавита.

— Ну, как у вас дела?

— На уровне. Каждый работает над своей темой.

— А над какой темой вы работаете?

— «Некоторые проблемы шестого места как места, находящегося между пятым и седьмым». Тема трудная, но интересная.

— Придется на время ее оставить. Думаем направить вас в текст. Узнаете хоть живое слово, а то застоялись в своем алфавите.

— А в какое слово меня посылают?

— Слово хорошее: ДЕНЬ. Бодрое слово, светлое. И не очень сложное: всего один слог. Вы там будете единственным гласным, так что решающий голос будет ваш. Главное — хорошо организовать работу.

В слове ДЕНЬ Е стоит на видном месте, ему удобно, спокойно, совсем как в алфавите. Оно уже начинает обдумывать новую тему: «Некоторые проблемы второго места как места, находящегося…»

И в это время слово начинают склонять.

Вот тебе и живое слово. В алфавите-то нас не склоняли. А здесь: ДЕНЬ… ДНЯ… ДНЮ…

Куда девалось Е?

Нет его, сбежало. Испугалось косвенного падежа. Из слова ДЕНЬ подалось в слово ПЕНЬ. ПЕНЬ, по крайней мере, прочно стоит на месте.

Стоит беглое Е в слове ПЕНЬ, размышляет о проблемах второго места. Того же второго места — даже тему менять не пришлось.

И тут слово ПЕНЬ начинают склонять: ПЕНЬ… ПНЯ… ПНЮ…

Куда опять Е подевалось?

Здесь его не ищите, оно уже далеко. Наконец-то оно нашло себе подходящее слово. Хотя и живое, но спокойное. Тихое, безмятежное, совсем как неживое. И склоняется оно, стараясь не менять окончания: ЛЕНЬ… ЛЕНИ… ЛЕНИ… ЛЕНЬ…

Бог с ними, с этими проблемами — шестого места между пятым и седьмым, второго — между первым и третьим, и вообще со всеми проблемами, которые делают неживое слово живым, подвергая эту жизнь постоянной опасности. Пусть будет меньше жизни, но зато меньше опасности… ЛЕНЬ… ЛЕНИ… ЛЕНИ… ЛЕНЬ…

А дальше? Что дальше? Почему прекратили склонение?..
Задремало в слове умиротворенное Е…

НЕБЫВАЛАЯ ВСТРЕЧА

В глаголе ВЫНУТЬ исчез Корень.

Все другие части слова остались на месте: и Приставка ВЫ-, и Суффикс — НУ-, и даже Окончание — ТЬ, известное своей неустойчивостью. А Корень — исчез.

Это был древний Корень — ИМ-, который веками существовал в самых разных словах: ИМЕТЬ, СНИМАТЬ, ПОДНИМАТЬ… Сохранился он также в несовершенном виде глагола ВЫНИМАТЬ. И куда-то исчез при образовании совершенного вида.

— Странное усовершенствование! — язвило по этому поводу Окончание. — Чувствую, что скоро мне придется работать за всех.

— Ну-ну, — успокаивал его Суффикс. — Не нужно отчаиваться. Придется нам как-то обходиться без Корня.

— Мы должны его заменить, — сказала Приставка.

— Не мы, а ВЫ должны его заменить, — продолжало язвить Окончание. — Вы же Приставка ВЫ-, вот ВЫ и заменяйте!

— Я постараюсь, — сказала Приставка ВЫ-. — Раньше я обозначала только движение изнутри, а теперь возьму дополнительную нагрузку.

— А я, — сказал Суффикс, — постараюсь обозначать не только мгновенность действия…

Но и этот энтузиазм не убедил Окончание:

— Мгновенность действия, движение изнутри… Вам просто захотелось встретиться, так вы так и говорите. Такого еще не бывало в истории языка, чтобы Приставка встречалась с Суффиксом: между ними всегда Корень стоял. Вот вы и постарались избавиться от Корня. А еще высокие слова говорите: мгновенность действия, движение изнутри… Но я предупреждаю: лично я ни за кого не собираюсь работать.

Однако помощь Окончания не понадобилась. Приставка и Суффикс соединили усилия и с успехом заменили Корень слова.

Может, им и вправду очень хотелось встретиться. Пусть это небывалая встреча — Приставки и Суффикса, но ведь этим она и хороша. Есть такие небывалые вещи, перед которыми умолкают все бывалые и разводят руками бывалые:

— Да разве такое возможно?

Возможно. Нужно только, чтоб было движение изнутри и при этом быстрота, лучше даже мгновенность действия… Если соединить то и это, можно совершить невозможное…

И пусть тогда скептики говорят, что в глаголе ВЫНУТЬ нет Корня…

ОПЫТ СПРЯЖЕНИЯ

Слово берет Инфинитив:

— Эх вы, разве так надо спрягаться? Я б вам показал, только у меня нет времени.

— Время мы найдем. Какое тебе: настоящее или прошедшее?

— Лучше будущее, — говорит Инфинитив, чтобы хоть немного оттянуть время. — Да не забудьте про Вспомогательный Глагол: такие дела не делают без помощников.

Дали ему Вспомогательный Глагол.

Спрягается Вспомогательный Глагол — только окончания мелькают. А Инфинитив и буквой не пошевелит.

Зачем ему шевелить, зачем ему самому спрягаться? Он Инфинитив, у него нет времени…

МЕЧТЫ НЕСЛУЖЕБНЫЕ

Были же сомнения, были же мечты, но были же и надежды, что сомнения развеются, а мечты осуществятся!

Были же…

БЫ, ЛИ, ЖЕ… Три маленькие частицы, в которых все это выразилось особенно ярко.

Это не просто служебные слова. Их нельзя смешивать с какими-то КОЕ-или-НИБУДЬ, которые примазываются к членам предложения, держатся за них своей черточкой.

Частицы БЫ, ЛИ, ЖЕ не таковы. Несмотря на свое служебное положение, они вполне самостоятельны и пишутся с любыми словами РАЗДЕЛЬНО!

Каждая из них занята своим делом в предложении, старается так подчеркнуть главную мысль, чтоб она всем стала понятной. А в неслужебное время… О, о чем только не говорят в неслужебное время служебные слова! Этого не прочесть ни в каком тексте!

— Если бы у меня было не две, а хотя бы три буквы, — говорит частица БЫ, — я бы такое сказала!

Ах, эта частица БЫ, какая она мечтательница! Вечно ей хочется того, чего нет.

— Вряд ли, — возражает ей частица ЛИ, верная своей привычке во всем сомневаться. — Да и нужна ли тебе лишняя буква?

— Это же пустой разговор, — останавливает их частица ЖЕ, привыкшая реально смотреть на вещи. — Тебе же вполне хватает двух букв, больше тебе не положено по правописанию.

— А не хватило ли бы ей одной буквы? — поддает жару частица ЛИ. — Что изменилось бы в ее мечтах? Вместо «если бы» стало «если б».

Частица БЫ не упускает и эту возможность:

— А что вы думаете? Если б во мне была одна буква, это всех нас как-то сблизило б. Мы стали бы ближе, ближе… Б, ЛИ, ЖЕ…

— А не забыла ли ты о запятых, которые нас разделяют? — вносит сомнение частица ЛИ.

— Да что же это такое! — возмущается частица ЖЕ. — Вечно что-нибудь разделяет!

Так спорят в неслужебное время эти частицы. Хотя служба службой, но у каждой свой характер, свой нрав, поэтому ведут они себя в тексте по-разному.

БЫ — мечтает.

ЛИ — сомневается.

ЖЕ — утверждает.

И попробуйте прожить хоть без одной из этих частиц!
Не проживете!
Попробуйте ни в чем не сомневаться.
Попробуйте ничего не утверждать.
Попробуйте ни о чем не мечтать.
Сможете прожить?
Не сможете!

ВЫДВИЖЕНИЕ

Маленькая Черточка знала свое дело. Она легко и просто разделяла самые сложные слова, присоединяла нераспространенные приложения, даже принимала участие в образовании некоторых частей речи. Чего только не перенесла Черточка на своем веку — и ни разу не нарушила правил переноса.

Но не бывает же так, чтобы хороший работник долго оставался на своем месте. Однажды Черточку вызвали и сказали:

— Думаем перевести вас на место Тире. Там пошире масштаб, сможете развернуться…

— Может, я лучше останусь здесь? Здесь я все же на своем месте…

— Были б не на своем, не выдвигали бы. А так — выдвигаем!

И поставили Черточку на место Тире между двумя Дополнениями. А Дополнения эти как раз противопоставлялись друг другу и поэтому держались на некотором расстоянии. Пока между ними стояло Тире, это им удавалось, но Тире, которое тоже было на своем месте, перевели на место Двоеточия, и Черточка, выдвинутая на место Тире, первым делом постаралась эти Дополнения сблизить.

Что тут началось!

— Отодвиньтесь! — кричало первое Дополнение своему соседу. — Между нами не может быть ничего общего!

— Сами отодвиньтесь! — парировало второе Дополнение. — Я вас и видеть не желаю!

— Остановитесь, остановитесь! — умоляла их Черточка. Но ее прижали, и больше она не смогла ничего сказать.

А Дополнения так разошлись, что на них обратило внимание само Сказуемое, у которого они находились в непосредственном подчинении.

— Прекратите безобразие! Что между вами происходит?

Дополнения сразу притихли. Они понимали, что со Сказуемым шутить не приходится.

— Между нами… — заикнулось одно Дополнение.

— Между нами… — заикнулось другое.

— Между нами какая-то Черточка.

— А должно быть Тире…

Только теперь Сказуемое заметило Черточку.

— Как вы сюда попали?

— Я здесь работаю. Меня сюда перевели, чтобы я развернулась…

— Вы не можете здесь развернуться. Здесь может развернуться только Тире.

— А меня и перевели на место Тире. Я была на своем месте и так хороша была на своем месте, что меня перевели на место Тире. А на мое место перевели Запятую, которая тоже очень хороша была на своем месте… Вот мы теперь и разворачиваемся… По всему тексту разворачиваемся…

— Но у вас для этого нет данных.

— У меня нет данных? У меня? Посмотрели б вы, какие я слова соединяла!

Шумит Черточка, скандалит, не поймешь, что с ней произошло. Такая была скромная Черточка и с работой справлялась неплохо… А вот дали ей развернуться, перевели на место Тире…

Да, конечно, это была ошибка.

СКАЗКА О СРЕДНЕМ РОДЕ

В некоторой книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица, жили-были Мужской, Женский и Средний род.

У Мужского рода в жизни главным был труд, у Женского — работа. А Средний был среди них самый маленький, какой с него спрос? Сбегает в кино, съест мороженое, выполнит школьное задание, а там, глядишь, порвет пальто, разобьет окно, — ну просто с ним наказание. Такое оно, наше детство: сплошной Средний род.

Конечно, Среднему роду требуется воспитание: воспитание ведь среднего рода. Ему нужно учение, терпеливое объяснение, у него ведь своего понимания нет, хотя вообще-то должно быть, потому что понимание среднего рода.

Дружно воспитывали своего средненького Мужской и Женский род, но иногда у них возникали разногласия. Мужской род, например, считал, что от Среднего исходит все зло, потому что зло — среднего рода. Женский род возражал, что добро — тоже среднего рода.

Средний же род вообще не видел разницы между добром и злом. Ему хотелось поскорей вырасти, чтобы стать Мужским родом, а ведь настоящим Мужским родом не станешь, пока не узнаешь разницу между добром и злом.

И вот однажды покинул Средний род родное жилище и отправился в путешествие: повидать мир, который мужского рода, узнать жизнь, которая женского рода, и понять, наконец, в чем разница между добром и злом.

Шел он, шел, видит — на дороге валяется какое-то растение. Растение — среднего рода, поэтому Средний род бросился к нему, как к родному.

— Убери меня с этой дороги, — просит растение, — отнеси в поле.

Подумал Средний род, что в поле растению будет лучше: поле все-таки среднего рода. Поднял его, отнес и спрашивает:

— Значит, дорога — это зло?

— Еще какое зло! — отвечает растение. — Все корни мне отдавили.

Пошел Средний род дальше. Видит — катится по дороге колесо. Тоже, как и он, среднего рода. Догнал его Средний род, спрашивает:

— Дорога — это зло?

— Придумаешь! — заскрипело колесо. — Дорога — это самое

лучшее, что бывает на свете. Куда бы и катиться, если б не было на свете дорог?

Отстал от него Средний род, раздумывает. Не так это просто, оказывается, понять разницу между добром и злом.

А тут подул ветер, поднял дорожную пыль. Спрашивает Средний род у пыли:

— Ветер — это добро иди зло?

— Зло, конечно, — отвечает пыль. — Сорвал меня с места, неизвестно куда занесет…

— А дождь — это добро или зло? — спросил Средний род, потому что как раз дождь начинался.

— Только дождя нам не хватало! — сказала пыль. — Смешает с грязью, сушись потом целый день!

И тут пропищало зернышко, лежащее у дороги:

— Не слушайте его, послушайте меня!

И Средний род его послушал, потому что зернышко было среднего рода.

— Ветер — это добро, — сказало зернышко. — Я приехало на нем, как на самолете, чтоб пустить корни и вырасти высоким тополем. И дождь — это добро: без него бы я никогда не проросло и не стало тополем.

И Средний род про себя отметил, что хотя зернышко сейчас и среднего рода, но когда оно станет тополем, род у него будет мужской.

Не так-то просто разобраться, где добро, а где зло. Приходится и по свету помотаться, и помокнуть под дождем… Добра в мире много, и зла в мире много, но пока различать их научишься…

А настоящим Мужским родом не станешь, пока не узнаешь разницу между добром и злом.

ТОЛЬКО МНОЖЕСТВЕННОЕ

Некоторые множественным числом прикрывают отсутствие единственного. Мы, мол, щи, с нас не взыщи. Мы-то мы, а сам ты что собой представляешь?

Особенно если ДРЯЗГИ, НЕЛАДЫ или, допустим, КОЗНИ… Ищи, кто виноват. Когда нет единственного числа, спрашивать не с кого.

А иной и имеет единственное число, а все равно предпочитает в нем не употребляться. К примеру, ПЛУТНИ какие-нибудь, МАХИНАЦИИ, — тут единственная надежда на множественное число.

Среди множества плутней своя плутня не так видна, среди множества махинаций незаметна маленькая своя махинация…

ОТРИЦАНИЕ

Частица НЕ знавала в своей жизни любовь. Среди белой страницы пришла к ней любовь, и не было там ни противопоставления, мешающего соединиться, ни пояснительного слова, которое как начнет все объяснять, так никакой любви не захочется.

Соединилась частица НЕ со своей ЛЮБОВЬЮ, и получилась у них НЕЛЮБОВЬ. Такое в жизни бывает.

— Не в любви счастье, — сказала себе в ободренье частица НЕ и стала искать счастья. Простого счастья, пусть даже без любви.

И СЧАСТЬЕ тоже нашлось. Пришло оно к частице НЕ посреди страницы, — правда, уже не белой, а порядком исписанной, — простое, тихое, нехитрое счастье…. И опять ничего не мешало им соединиться, слиться в общем блаженстве, — ну, пусть не блаженстве, а хотя бы благополучии…

Но тут случилось НЕСЧАСТЬЕ. Как? Почему? Ведь было же счастье, и так прочно оно соединилось с частицей НЕ…

Никто не мог объяснить этого частице НЕ, потому что никаких пояснительных слов поблизости не было…

С тех пор частица НЕ не верит ни в счастье, ни в любовь. И в удачу не верит: бывали у нее удачи. Издали посмотришь — УДАЧА, но стоит с ней соединиться частице НЕ…

Видно, все мы носим в себе: и удачи наши, и неудачи…

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Повествовательное предложение отличается от других предложений тем, что там, где хочется спрашивать или кричать, оно умеет сохранить спокойную интонацию.

НЕСГИБАЕМЫЙ ЗНАК

Восклицательный Знак не сгибают сомнения и вопросы, потому что в предложении его интересует не смысл, а только эмоции.

ЭРУДИТ

Слово ГОВОРЯТ как-то выделяется в предложении. Другие слова не имеют ни одной запятой, а ему положено целых две. И каждому понятно, что это вполне заслуженно.

Слово ГОВОРЯТ издавна славится своими познаниями. О чем его ни спроси — все ему известно, оно охотно отвечает на любые вопросы.

Вас интересует, какая завтра погода? Спросите у слова ГОВОРЯТ, оно вам ответит точно и определенно:

— Говорят, будет дождь.

Хотите знать, стоит ли читать эту книгу?

— Говорят, не стоит.

А что стоит?

— Говорят, новый фильм ничего. Смотреть можно.

Все знает слово ГОВОРЯТ, хотя само не является даже членом предложения. Неизвестно, почему его до сих пор не принимают. Может, потому, что главные места заняты Подлежащим и Сказуемым, а предлагать такому слову второстепенное место… сами понимаете… Что станут говорить?

Но и не являясь членом предложения, слово ГОВОРЯТ прекрасно справляется со своими обязанностями. Правда, частенько оно ошибается, иногда любит приврать, но этого ему не ставят в вину: ведь оно всего-навсего вводное слово.

ЦЕЛЬ И СЛЕДСТВИЕ

Простое слово ХОТЯ может служить наглядным примером того, как различны бывают порой обстоятельства цели и следствия.

Всю жизнь страстно хотя стать полноправным глаголом, деепричастие ХОТЯ докатилось до положения уступительного союза, хотя, казалось бы, чего уж больше ему уступать!

РАЗБОР ПРЕДЛОЖЕНИЯ

МАЛЬЧИК ЕЛ МОРОЖЕНОЕ,
КОТОРОЕ ОН ЕЛ ВСЯКИЙ РАЗ,
КОГДА ПРИНОСИЛ ИЗ ШКОЛЫ ХОРОШИЕ ОТМЕТКИ,
ПОТОМУ ЧТО ПРИНОСИЛ ОН ОТМЕТКИ НЕ ТОЛЬКО ХОРОШИЕ,
ЕСЛИ НЕ ГОВОРИТЬ О СОВСЕМ УЖ ПЛОХИХ,
ТАК ЧТО ЕМУ ПОКУПАЛИ МОРОЖЕНОЕ,
ЧТОБЫ ЗАИНТЕРЕСОВАТЬ ЕГО УЧЕНИЕМ,
ХОТЯ ЕМУ БЫЛО КУДА ИНТЕРЕСНЕЙ ИГРАТЬ СО ЩЕНКОМ.

Мальчик ел мороженое вверху, в главном предложении, а щенок сидел в самом низу, в придаточном уступительном, и просил мальчика уступить ему хотя бы кусочек.

Но мальчик то ли не слышал, то ли не верил, что мороженое может заинтересовать щенка, которому ни к чему получать хорошие отметки, — так или иначе, он, мальчик, ел мороженое и не спешил делиться со щенком.

И тогда щенок, отделенный от мальчика шестью придаточными предложениями, решил передать свою просьбу по инстанциям и обратился в вышестоящее придаточное предложение, которое оказалось придаточным цели.

В придаточном цели попытались выяснить, для какой цели щенку нужен кусочек мороженого, и, придя к выводу, что, по всей вероятности, он предполагает этот кусочек съесть, передали его просьбу в вышестоящее предложение, чтобы выяснить, не приведет ли это к нежелательным последствиям для щенка

Это придаточное, будучи придаточным следствия, установило, что никаких опасных последствий для щенка от кусочка мороженого не произойдет, при условии…

И тут просьба щенка была передана в вышестоящее условное предложение, которое, выяснив все условия, заинтересовалось причиной: а почему, собственно, щенку вдруг захотелось мороженого?

Придаточное причины не смогло самостоятельно ответить на этот вопрос: мало ли почему может захотеться мороженого? В жаркий день его хочется больше, чем в мороз. Тут важно учитывать время.

Естественно, что просьба щенка поступила в придаточное предложение времени. Время оказалось подходящим. Оставалось определить: должен ли мальчик делиться со щенком мороженым?

Это было нетрудно определить, поскольку определительное придаточное находилось по соседству с главным, в котором мальчик, позабыв о щенке, ел мороженое…

ЕЛ.

В прошедшем времени.

А теперь уже съел.

Пока просьба щенка кочевала из придаточного в придаточное, пока выяснялись все эти обстоятельства — цели, причины, следствия и так далее, — мальчик съел мороженое, так и не поделившись со щенком.

ОРФОГРАФИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Выпустили джинна из бутылки, разобравшись в правописании. Он там вместо ячменной водки сидел. Ячменная водка — джин — пишется с одним «н», а он, джинн, свободный дух, — с двумя.

Но, конечно, не все в этом разбираются. Для некоторых что водка, что свободный дух — безразлично.

А кому-то сидеть. Тыщу лет сидеть. А потом, через тыщу лет:

— Извините, свободный дух, вышла ошибка. Орфографическая. Не разобрались, что вы джинн, а не джин. Тут у нас еще какой-то Джон сидит. Беда с этой орфографией!

СТРАНА ГРАММАТИКА

Я познакомился с ней много лет назад, совершая свое первое путешествие по морям и континентам Знаний. Это, пожалуй, единственное путешествие, в которое отправляются все, даже самые закоренелые домоседы. Не все, правда, уходят далеко, многие ограничиваются ближайшими портами, но никто не остается на берегу.

Отправился я в плавание вместе с шумной ватагой моих ровесников, теперь уже давно взрослыми людьми, бывалыми мореходами, открывшими немало удивительных стран. Математика, Ботаника, Физика, История… Что из того, что эти страны были открыты задолго до нас? Мы впервые открыли их для себя, а значит, тоже были их открывателями.

После утомительного странствия по Алфавитным островам и долгой стоянки в порту Чистописания, мы прибыли в большую страну, которой правила принцесса Грамматика.

Хорошо помню свой первый визит во дворец. Они вышли мне навстречу — принцесса и пара графов Параграфов, находящихся при ней неотлучно. Принцесса осведомилась о моих успехах, а затем спросила, с какими из ее Параграфов я успел познакомиться. Услышав, что я не знаю ни одного, она хлопнула в ладоши, и в ту же минуту огромный зал дворца стали заполнять Параграфы. Их было много, наверное, несколько сот, и прибыли они из различных провинций: из Морфологии, Фонетики, Синтаксиса…

— Знакомьтесь, — сказала Грамматика, представляя меня Параграфам, и удалилась в свои покои.

Стал я знакомиться с Параграфами. Боже, до чего это был скучный, унылый народ! Каждый из них знал только свое правило, и больше ничего его не интересовало.

— Я вам должен сказать, — говорил мне один Параграф, — что переносить нужно только по слогам.

— Я бы не рекомендовал вам ставить мягкий знак после приставки, — степенно вступал в разговор другой Параграф.

— И вот еще, — развивал свою мысль третий, — вводные слова выделяйте, пожалуйста, запятыми.

Этому знакомству, казалось, не будет конца. Я уже совсем не слушал, что говорили мне Параграфы, и когда Грамматика, вторично приняв меня, опять спросила о них, — ничего не смог ей ответить.

Принцесса хлопнула в ладоши, и в дверях появилась высокая, тощая Единица.

— Проводите его к Параграфам, — приказала ей Грамматика.

И опять начались бесконечные нудные разговоры. Каждый день Единица приводила меня к Параграфам, потом Единицу сменила Двойка, за ней Тройка…

Постепенно я все лучше узнавал Параграфы и даже стал понемногу к ним привыкать. Мне уже не казались скучными их правила, а примеры, которые они приводили, были просто интересны. И когда я узнал, в каких случаях ставится запятая перед союзом «как», Грамматика вызвала меня к себе и сказала:

— Теперь ты знаешь все мои Параграфы, и я не стану тебя задерживать… Пятерка проводит тебя…

Меня давным-давно проводили, но я словно не покидал эту удивительную страну. И я бросаюсь навстречу каждому существительному и глаголу, каждому предлогу и местоимению и спешу расспросить их обо всем, обо всем…

— Глагол, дружище, ну как ты там? Все еще обозначаешь действие и отвечаешь на вопрос, что делает предмет?

— И что делается с предметом, — добавляет Глагол. — А что делать? Пока живешь, хочется обозначать действие…

ПЕСЕНКА О ГРАММАТИКЕ

Мы стремимся к далеким гаваням,
Подставляем себя ветрам.
Каждый день мы уходим в плаванье
К тем неведомым островам,
Что на карте никак не отмечены,
Хоть открыты уже не раз.
Не попутные ветры, а встречные
Направляют в дороге нас.
Эх, Грамматика, романтика души,

Ты меня своею далью не страши!
Волны пенятся, страницы шелестят,
Пусть о нас подруги не грустят!
Грамотеям не сидится по домам,
Их дороги по страницам, по томам.
Эх, Романтика, грамматика души,
До чего ж твои просторы хороши!

Креветка и Луна
(Стихи для грамматического разбора)

УРОК РИСОВАНИЯ

Встали, дети.
Сели, дети.
Начали урок.
Не забудьте,
Что на свете
Жил Винцент Ван Гог.
Карандаш вот так возьмите.
Сделайте вот так.
Айвазовский,
Наш учитель, —
Вот кто был мастак!
Кто там пишет на скамейке?
Лист вам, что ли, мал?
Ну-ка, вспомните Ван Дейка!
Он на чем писал?
Перестаньте портить парту!
Прекратите спор!
После Джотто!
Леонардо!
И такой позор!
Ну зачем вы жжете серу?
Спрячьте барабан!
Разве мало вам примеров?
Репин, Левитан…
Вот и вы бы так старались,
Каждый сколько мог.
Встали, дети.
Попрощались.
Кончили урок.

СТИХИ, ПРОЧИТАННЫЕ НА ЗАБОРЕ

Как писать «шоколад»,
Чтобы сладко звучало?
Это нужно узнать
Непременно сначала, —
До того, как вы сложитесь
(ОЛЯ + БОРЯ),
До того, как распишетесь
Вы на заборе.
Многим ШЕ по душе.
Для других это дико.
ШИколад они пишут —
С особенным шиком.
А иные упрямцы
Из чувства протеста
Пишут попросту ША.
И понятно, и веско.
Чтобы в вашем семействе
Был лад, а не ад,
Научитесь сначала
Писать: ШО-КО-ЛАД.

КТО СИДИТ НА БУКЕ?

Смотрит букой старый бук:
Снова кто-то сел на сук.
И, вздыхая тяжко,
Бук скрипит:
— Послушай, друг,
Мало ли дубов вокруг…
— Я ведь не дубяшка.
— Но зачем сидеть на мне?
Погляди, дурашка:
Место есть и на сосне…
— Я ведь не сосняшка.
— Ну, а если на ветле?
— Я ведь не ветляшка.
— Или просто на земле?
— Разве я земляшка?
Так что, братец, ни к чему
Молить о разлуке:
Я БУКАШКА, потому
И сижу на БУКЕ.

КАТАВАСИЯ

Ну что за катавасия?
Не вижу кота Васи я,
Не слышу кота Васи я,
Такая вот беда!
Мы с общего согласия
Кота укатавасили,
Ушел из Катавасии
Кот Вася навсегда.

Не Васю ли, не Васю ли
Мы гладили и маслили
И лентами украсили
От морды до хвоста?
Где ж нынче, Катавасия,
Твое зеленоглазие?
Без Васи Катавасия
Уже совсем не та.

СВЕТОФОРНЫЕ СТИХИ

В непримиримом споре
И несогласье вечном
Живут на светофоре
Два ярких человечка.
И человечек красный
Пугливо бьет тревогу:
«Ах, нынче так опасно
Переходить дорогу!»
А друг его беспечный
Ведет себя иначе:
Зеленый человечек
Шагает наудачу
И, вперекор собрату,
Отважно вскинул ногу:
Смотрите, вот как надо
Переходить дорогу!
Зеленый цвет и красный
В непримиримом споре.
Такое разногласье
На общем светофоре!
Стоит по стойке красный,
Зеленый вскинул ногу:
«Ах, это так прекрасно
— Переходить дорогу!»

СТАРАЯ СКАЗКА

Прибегает Умный Ганс
В гости к Умной Эльзе:
— Мы с тобой имеем шанс
Поумнеть донельзя,
Если вместе заживем,
Как другие люди.
Ты с умом да я с умом —
Сколько вместе будет?
— Вместе?
— Вместе.
— Это как?
— А вот так: сложиться.
Я, к примеру, холостяк,
Ты, считай, девица.
Я, считай, не без ума,
Ты, допустим, тоже.
А теперь прикинь сама:
Если вместе сложим?
— Вместе?
— Вместе.
— Ум к уму?
— Сколько ж мы получим?
Единица к одному…
Нет, пожалуй, лучше
Единицу, скажем так,
Сложим с единицей.
Я, ты знаешь, холостяк,
Ты, считай, девица…
За окном сгустилась тьма,
Звезды смотрят косо —
Сколько ж будет тут ума?
Вот вопрос вопросов!

Ну, а время счет ведет
По другой системе:
К часу час и к году год
Прибавляет время.

И уже, согбен и сед,
С плешью на макушке,
Ходит в гости старый дед

К старенькой старушке.
Посидит часок в гостях,
Чаем угостится.
— Я, ты помнишь, холостяк,
Ты у нас — девица. —
И вздыхает старичок:
— Подсчитать бы только:
Ум, известно, хорошо,
Ну, а лучше — сколько?

Так и ходит старый Ганс
В гости к старой Эльзе.
Где он, где он, старый шанс
Поумнеть донельзя?
Никакого шанса нет
И как не бывало.
Потому что много лет
Время насчитало.
Уж оно-то без труда
Сводит все балансы:
Прибавляя нам года,
Отнимает шансы.

ПОЧЕМУ ДУРАК УМНИЧАЕТ, А УМНЫЙ ДУРАЧИТСЯ

Умный умничать не будет,
Он и без того умен.
А дурак стремится людям
Показать, что умный он.

Дураку живется тяжко,
У него на сердце мрак:
Как дурачиться бедняжке,
Когда он и так дурак?

В МИРЕ ЖИВОТНЫХ

Змеилась речка в тишине,
Плетя витки излучин.
А там, на самой глубине,
Плотичку сом прищучил.
Вдали темнели берега,
Ершился лес на склоне.
И кот, окрысясь на щенка,
Мышонка проворонил.
Корову жучил таракан,
Сазан с лещом судачил.
И, как всегда, ослил баран,
Что конь весь день ишачил.
И каждый знал чужой шесток
И чтил не свой обычай:
Там выкомаривал сверчок,
Там гусь сычал, набычась.
Но всяк старался за двоих,
И разбирать не стоит,
Кто обезьянничал из них,
Кто был самим собою.
Их всех укрыла ночи тень —
И малых, и великих.
И как ни петушился день,
Но съежился и сник он.
И звезды счастья и любви
Зажглись над миром снова,
От них совели соловьи
И соловели совы.

ЖИЗНЬ ЖУКА

Известный миру жук-рогач
Был в молодости жук-прыгач
И прыгал беззаботно.
Хоть утверждают знатоки,
Что вряд ли прыгают жуки,
Но молодому все с руки —
Скачи, куда угодно.

В семейной жизни жук-рогач
Был жук-строгач и жук-ругач,
Своих детишек жучил
За то, что дети — рогачи,
За то, что дети — прыгачи,
За то, что эти сморкачи
Отца родного учат!

Теперь состарился рогач.
Теперь он просто жук-брюхач,
Уж тут похвастать нечем.
Он не ругает прыгачей,
Он не ругает сморкачей,
Ругает он одних врачей
За то, что плохо лечат.

БРОДЯЧИЕ ДОМОСЕДЫ

В доме улитки
Открыта калитка
Для всех знакомых улиток.
Но сколько улиток,
Столько калиток,
И все широко открыты.
У каждой калитки
Сидит по улитке,
У каждой досуга
В избытке.
Соседки,
Бросайте свои калитки,
Пожалуйте в гости к улитке!
Но собственный дом
Не покинет улитка,
Чтоб в гости пожаловать
К вам.
И ползают в гости
Дома и калитки,
Улитки — сидят по домам.

ПЕСЕНКА О ВЕРБЛЮДЕ

У верблюда не сложилась судьба,
Подвела верблюда жизнь, подвела.
У верблюда на спине два горба,
Не раскрывшихся к полету крыла.

И бредет верблюд пешком да пешком,
И свисают его крылья мешком.
И повисла на реснице слеза,
Заслоняя от него небеса.

Что же делать, что же делать, верблюд,
Если в небо нас с тобой не берут,
Если самый никудышный подъем
Мы не крыльями берем, а горбом?

Неизведанная даль голуба,
Нас тревожит и зовет высота.
Не у каждого сложилась судьба,
Но у каждого сложилась мечта.

КРЕВЕТКА И ЛУНА

В море светится Креветка,
В небе светится Луна.
Говорит Луне Креветка:
— До чего же ночь темна!

Вот такой же темной ночью
От нее уплыл сыночек.
Оседлал Кревет корвет
И — привет!

И теперь, морской бродяга,
Всем бродягам друг и брат,
Он плывет под черным флагом,
Как какой-нибудь пират.

Бороздят моря корветы,
А на них сидят креветы.
Нападут на чей-то след
И — привет!

Но как-то однажды
Из сумрачных недр
Пришел опаленный
Ветрами Кревет.

Он крикнул: — Мамаша!
Он крикнул: — Привет!
Он крикнул: — Готовь
Для Кревета обед!

Креветка всплакнула:
— Сыночек ты мой!
Креветка вздохнула:
— Вернулся домой!

— Не нужно истерик, —
Промолвил Кревет. —
Сошел я на берег,
Точней — на обед.

А завтра — была бы

Лишь ночь потемней —
Простимся, мамаша,
До будущих дней,
Простимся, мамаша,
До будущих лет.

Почисть-ка, мамаша,
Мой верный корвет.
Помчит он Кревета
Сквозь ночи и дни,
Пугая рассветы,
Сметая огни,
Чтоб в мире нигде
Не вставала заря.
— А ну-ка, мамаша,
Отдать якоря!

Вот какие есть сыночки:
Нет чтоб матери помочь.
Мать воюет против ночи,
А сыночек сеет ночь.

А Луне, ее соседке,
Помогают звезды-детки,
Зажигают в небе свет
И — привет!

В море светится Креветка,
В небе светится Луна.
Говорит Луне Креветка:
— Ночь уже не так темна.

Зря вы все-таки, сыночки,
Подружили с темной ночкой.
Ночь пройдет, придет рассвет
И — привет!

Предлог для любви
(Сказки для грамотных)

ПИСЬМО ТОГО, КТО, УВЫ, НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ИСКЛЮЧЕНИЕМ

Милостивый сэр!

Осмеливаюсь беспокоить Вас, поскольку среди представителей Вашего круга Вы являетесь приятным исключением. Во-первых, в отличие от других слов иностранного происхождения, Вы имеете после согласной «э», а не «е», как это диктуется правилом, и смело пишетесь СЭР, подобно МЭРУ и ПЭРУ. Во-вторых, будучи МИЛОСТИВЫМ, Вы не стесняетесь иметь суффикс — ИВ-, хотя на него и не падает ударение. А ведь все остальные в подобной ситуации могут позволить себе только суффикс — ЕВ-. Так что и в этом смысле Вы — приятное исключение.

Милостивый сэр, я всегда мечтал о таком исключительном положении, но мне, увы, это не удавалось. Когда я женился… да, я, как и многие, начал с того, что женился, но, поверьте, не по любви, а единственно для того, чтобы сыграть свадьбу. СВАДЬБА, Вы знаете, хотя и происходит от глагола СВАТАТЬ, но в ней пишется «д», а не «т». В то же время в ЖЕНИТЬБЕ пишется «т», как и в глаголе ЖЕНИТЬСЯ. ЖЕНИТЬБА, увы, не является исключением, поэтому меня интересовала свадьба, а отнюдь не женитьба.

Я распахнул двери настежь для знакомых и незнакомых гостей, потому что НАСТЕЖЬ — единственное из всех наречий на «ж» — пишется с мягким знаком. Я принимал поздравления. Мне желали счастья, здоровья, благополучия, но все это такие заурядные слова… В этом я убедился позднее.

В общем, свадьба моя превратилась в женитьбу, как это бывает у всех. Тогда, милостивый сэр, я решил подняться по служебной лестнице. Нет-нет, не ради карьеры, поймите меня! Не стану от Вас скрывать, что ЛЕСТНИЦА, хотя и происходит от глагола ЛЕЗТЬ, но пишется через «с», а не через «з», то есть относится к числу волнующих меня исключений.

Я не поднялся по этой лестнице. Я не поднялся ни по какой лестнице. Потому что исключения в этой жизни — не для меня.

Милостивый сэр, я чувствую: во мне было, было что-то исключительное, но я похоронил его среди мебели, посуды и прочей домашней утвари. Мне остается утешаться тем, что слово УТВАРЬ, в отличие от прочих слов этого корня (ТВОРИТЬ, ТВОРЕНИЕ, ПРЕТВОРЕНИЕ), имеет в безударной позиции «а», а не «о». УТВАРЬ — это своего рода исключение, вот почему я

предпочитаю не творить, а собирать всякую утварь.

Но я был способен на большее. Если б я не подчинялся общему правилу, если б не писался так, как пишутся тысячи других, таких же безвестных слов…

Милостивый сэр, я хочу спросить: почему? Почему одни слова должны подчиняться правилам, а другие не подчиняются, и их, однако, все запоминают? Почему у нас запоминают лишь тех, кто нарушает общее правило, а тех, кто его соблюдает, даже не пытаются удержать в памяти?

Каждому хочется быть исключением, но мы уважаем правила, милостивый сэр. Слишком часто нарушение правил оборачивалось ошибкой…

Примите мои заверения, милостивый сэр, и передайте поклон мэру и пэру.

ПРИЗНАНИЕ

Никто не заметил, как она появилась в тетради. Жизнь текла спокойно и размеренно, ложась на страницу строгими чернильными рядами, Существительные и Прилагательные жили в полном согласии, Дополнения безропотно подчинялись Сказуемым, буква Ы держалась на почтительном расстоянии от Шипящих.

И вдруг — Ошибка.

Первым ее заметило О. Оно широко раскрыло рот от удивления, толкнуло Йот, который оказался ближайшим его соседом, так, что у того шляпа подскочила на голове, и вместе они вскрикнули:

— Ой!

Третьим был Восклицательный Знак, который, впрочем, хранил молчание. Он умел так молчать, чтоб за него восклицали другие.

Вскоре Ошибку заметили все.

— Ошибка! Ошибка! — перешептывались Шипящие.

— Кто-кто? — переспрашивали Глухие. Звонкие пытались ответить им, но в смятении чувств лишились дара звучания.

Твердый Знак почувствовал, что больше не может молчать. Он молчал всю жизнь, но больше молчать был не намерен. Он строго посмотрел на Ошибку и сказал:

— Извините, вы нарушаете правила.

Ошибка утопила его в презрении, так что только хвостик торчал на виду:

— Уберите свой живот, когда разговариваете с дамой. А что касается правил, каждый живет по своим правилам.

— Ошибаетесь, Ошибка, — сказал Твердый Знак, в душе проклиная свой живот, который никак не втягивался.

Тут уже не смог молчать Мягкий Знак, который тоже всю жизнь молчал. Всему приходит конец, в том числе и молчанию.

— Оставьте ее, пусть стоит, — сказал он Твердому Знаку. — Разве вы забыли, что на ошибках учатся?

— Ну, что ж, — смягчился Твердый Знак, хотя мягкость в данном случае противоречила правилам грамматики. — Если больше не на чем учиться… — И он опять замолчал. Навсегда.

Мягкий Знак тоже замолчал навсегда. И все стали учиться на Ошибке.

— Скажите, — спрашивало у нее Дополнение, — вот я, например, подчиняюсь Сказуемому. Но, может, мне лучше подчиняться кому-то другому?

— Это правда, что нельзя все отрицать? — осведомлялась Отрицательная Частица. — Самое трудное в нашем деле то, что никогда не знаешь в точности, когда отрицать, а когда утверждать.

Ошибка не успевала всем отвечать, но кто же мог еще им ответить? Ведь на Глаголах не учатся, на Подлежащих, на Запятых и Скобках не учатся, — учатся только на Ошибках.

Пришлось ей подумать о помощниках. Она нашла их среди тех, кто был не на месте, отделился от слова там, где требовалось слитное написание, или, наоборот, прилепился там, куда не звали…

Ошибок становилось все больше и больше и наконец стало так много, что для того, чтоб на них учиться, уже не хватало учеников. Раскроешь тетрадку — любо посмотреть. Ошибок — больше, чем слов. Ошибок — больше, чем букв. Учеба идет полным ходом!

ОДИН В НЕСКОЛЬКИХ ЛИЦАХ

Поздно ночью на темной улице кто-то испуганно пошутил:

— Перейдем на другую сторону: их двое, а мы одни.

Так шутить можно только в темноте, в полном неведении, что слово ОДНИ выступает в данном случае в значении прилагательного. Как же его можно противопоставлять числительному ДВОЕ?

ОДИН… Есть в этом слове что-то непостижимое и загадочное. Так назывался у древних скандинавов один из богов, отдавший один глаз за право пить воду из источника мудрости. Если вы сами сделали из этого источника хоть глоток, вам не нужно объяснять, что в выражении «ОДИН из богов» слово ОДИН совсем не числительное (как в выражении «ОДИН глаз»), а неопределенное местоимение…

Очень много неопределенного, когда речь заходит о слове ОДИН…

В один прекрасный день было совершено преступление. Рассмотрим этот случай не с драматической, а с грамматической стороны.

В данном случае ОДИН — неопределенное местоимение, все же остальное — вполне определенно. За исключением преступника, которого еще предстоит найти.

А это не так просто. Потому что в другой прекрасный день тоже было совершено преступление, но преступника не нашли. Может, это один и тот же?

Один и тот же… Здесь ОДИН выступает опять в роли прилагательного. То числительное, то местоимение, то прилагательное… Вот и ищи преступника, когда он постоянно меняет обличье!

Вы думаете, он один меняет обличье?

Поздравляю!

Поздравляю, даже если не он один, потому что здесь ОДИН — ограничительная частица.

Этого у нас еще не было.

А еще говорят — ОДИН в поле не воин (опять-таки в значении прилагательного). Еще какой воин! Именно он — ОДИН из тех (местоимение), а пожалуй, даже ОДИН-единственный (прилагательное), кто живет в грамматике сразу в четырех частях речи. Он ОДИН так живет (ограничительная частица, которая его самого, однако, нисколько не ограничивает).

Знаете что? Не будем переходить на другую сторону. Мы с вами как-никак ОДНИ, а их всего-навсего двое…

ПОСЛЕДНИЕ

Слова, значительные по смыслу, могут вовсе не употребляться во множественном числе и легко обходиться одним единственным.

Последнее слово техники.

Последнее слово обвиняемого.

И, напротив, слову с ничтожным смыслом не поможет множественное число. Очень, очень мало можно сказать, выражаясь последними словами.

СИЛА КРАТКОСТИ

Собеседник попался живой:

— Послушайте, дорогой: очень забавная история. Еду я, вот как сейчас, в поезде, а со мной в купе попутчик — так же, как вы, дорогой. И понимаете, дорогой…

Он все время повторял «дорогой», хотя его случайный попутчик вряд ли был ему дорог по-настоящему. А это большая разница: ДОРОГ — и ДОРОГОЙ.

Хотя, в общем-то, одно прилагательное, только в полной и краткой форме. Но краткость иногда творит чудеса: обычный ДОРОГОЙ человек, совершенно посторонний, безразличный тебе ДОРОГОЙ человек, вдруг становится тебе по-настоящему ДОРОГ…

Но в данном случае дело было не в этом. Просто собеседник попался живой.

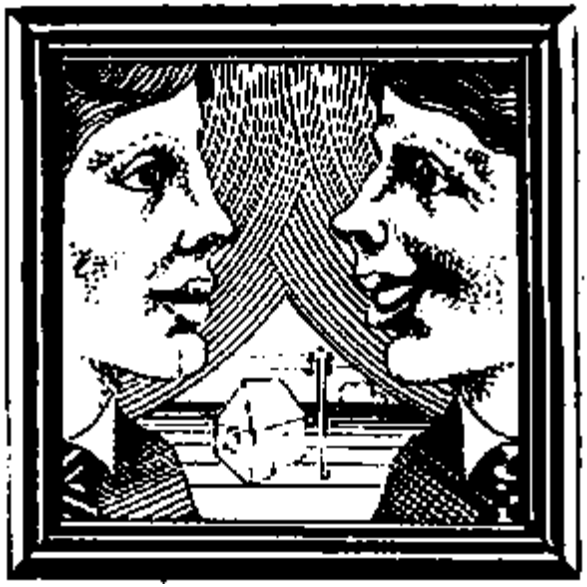
ЖИВОЙ… Какое содержательное, емкое, полное прилагательное! ЖИВОЙ — это значит и оживленный, и общительный, и разговорчивый, и веселый. Но о главном это прилагательное не говорит. О главном может сказать только краткое прилагательное. Не случайно краткими у нас могут быть только качественные прилагательные, и ни одно прилагательное нельзя назвать качественным, если оно не способно быть кратким.

СОБЕСЕДНИК БЫЛ ЖИВ. Вот оно, самое главное!

Не общительность, не оживленность, не разговорчивость, не веселость… Главное: жив собеседник или не жив.

Если жив — значит, все: можно с ним разговаривать.

А не жив — значит, все: нельзя.



ГРОЗНЫЙ ГЛАГОЛ

Грозный глагол НЕСДОБРОВАТЬ не знает никаких других форм, кроме инфинитива. Еще никто не видел его в форме не то что первого или второго, но даже третьего лица, хотя третье лицо, как известно, ни к чему не обязывает. Многие такие же безличные глаголы выступают в форме третьего лица (в том числе и такой серьезный глагол, как НЕПОЗДОРОВИТСЯ).

Если не имеешь лица, нужно иметь хоть форму лица. Это просто необходимо для общения с другими словами.

Впрочем, из всех видов общения с другими словами глагол НЕСДОБРОВАТЬ признает только управление: НЕСДОБРОВАТЬ — кому? Все равно кому. Тут главное — нагнать страху.

Скучно это, невесело. Иногда хочется быть таким же, как все, спрягаться, как спрягаются другие глаголы… Но как это будет выглядеть? Я НЕСДОБРУЮ, ОН НЕСДОБРУЕТ… Ведь засмеют!

И глагол НЕСДОБРОВАТЬ остается в своем инфинитиве. Не такая уж это плохая форма — инфинитив, он бывает и подлежащим, и вообще любым членом предложения:

— Не желаю СЛУШАТЬ! — дополнение.

— Что за привычка ВОЗРАЖАТЬ! — определение.

— Идите РАБОТАТЬ! — обстоятельство цели.

А как хорош инфинитив в повелительном наклонении!

— МОЛЧАТЬ!

Или — еще более повелительно:

— МОЛЧАТЬ, а то вам НЕСДОБРОВАТЬ!

Вот и понадобился глагол НЕСДОБРОВАТЬ. А ведь это — самое главное. Сознавать, что ты нужен, что без тебя в тексте не обойдутся, не проживут, несдобруют…

Ну, расчувствовался глагол, начал спрягаться…

Оно, конечно, не по правилам, но можно понять: ведь он, глагол, хоть и грозный снаружи, но добрый внутри. Внутри у него корень ДОБР. Хоть до корня этого не так просто добраться.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Тире перед прямой речью — очень важный знак препинания. Он как бы предупреждает: перед тем как что-нибудь прямо сказать, пожалуйста, остановитесь, подумайте!

ВРЕМЕНА ГЛАГОЛА

Мягкий Знак, на своем веку знавший разные глагольные времена, делился опытом строительства будущего.

— Допустим, нам понадобится будущее время глагола ПОНАДОБИТЬСЯ. Мы берем этот глагол в форме инфинитива, а затем… — Мягкий Знак замялся. — Здесь я вынужден сказать о себе. Не для того, чтоб выпятить свою роль, а просто чтоб объяснить принцип строительства. Так вот, я покидаю инфинитив ПОНАДОБИТЬСЯ, и в результате остается ПОНАДОБИТСЯ, простое будущее время.

— В котором вас уже нет?

— Что делать, этого требует время. Время требует моего отсутствия. Моего личного отсутствия. Извините за нескромность.

— Да, будущее… Отсутствия в нем никому не избежать…

— Что до меня, то мне хватает работы и в настоящем.

— Так вы строите и настоящее?

— А кто ж его строит? Вот простейший пример: ставится задача создать настоящее время. Мы берем инфинитив СТАВИТЬСЯ, а затем я…

— Опять вы?

— Что делать, этого требует время. Заметьте: не будущее, а настоящее время. Итак, я покидаю инфинитив СТАВИТЬСЯ, и в результате получается глагол СТАВИТСЯ — настоящее время.

— В котором вас опять-таки нет? Ну, знаете! Кто-то строит, кто-то созидает, а вы в стороне?

— Вот именно: строит! А кто научил строитЬ? Кто показал, как строитЬ? И, наконец, кто помог строитЬ своим собственным, личным отсутствием?

Видимо, в этом был прав Мягкий Знак: иногда отсутствие помогает больше, чем присутствие.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ

Превосходная степень, конечно, превосходит Сравнительную и не скрывает своего превосходства. Одно дело, если это дерево ВЫШЕ того, а другое — если оно САМОЕ ВЫСОКОЕ, ВЫСОЧАЙШЕЕ дерево. И сравнивать тут нечего, потому что это дерево выше всех.

Разумеется, деревьев.

Потому что Превосходная степень выбирает для сравнения только себе подобных, общается только с себе подобными. САМЫЙ ТВЕРДЫЙ металл — только среди металлов (алмазы уже не считаются). КРАСИВЕЙШИЙ пейзаж — только среди пейзажей (не вздумайте сравнивать его с красивой внешностью или красивым поступком).

Превосходная степень признает только своих, и превосходство ее — над своими.

Довольно скучный удел. Прямо-таки СКУЧНЕЙШИЙ (опять же — среди уделов).

Сравнительная степень живет веселей, у нее широкий круг общения. Дерево может быть ВЫШЕ куста и не считает это для себя унизительным. Оно может быть выше дома или столба. А студент может быть УМНЕЕ профессора (тогда как САМЫЙ УМНЫЙ студент — САМЫЙ УМНЫЙ только среди студентов).

Видимо, настоящее превосходство познается не в узком кругу своих, а в более широком общении.

Да так и жить интересней. С этим себя сравнишь, с тем себя сравнишь — и сам станешь ВЫШЕ, УМНЕЕ, КРАСИВЕЕ.

А когда ты самый красивый — в узком кругу и самый умный — в узком кругу… Рано или поздно наверняка обнаружится, что самое высокое дерево ниже не слишком высокого дома…

ДЫРКА ОТ БУБЛИКА

Определяемое слово может иметь определяющее значение. Этот грамматический парадокс легко объяснить на простом примере.

Вот МАЛЕНЬКАЯ ДЫРКА ОТ БУБЛИКА. Посредине ДЫРКА, а при ней два определения. Какая дырка? МАЛЕНЬКАЯ. И еще какая? ОТ БУБЛИКА.

Второе определение по смыслу важнее, но стоит оно в конце. А первое, неважное, стоит в начале.

Не всегда значение соответствует положению.

Так можно сказать. Или вздохнуть. Или развести руками.

Но лучше всего присмотреться к этим определениям.

Определение МАЛЕНЬКАЯ, при внимательном рассмотрении, женского рода (как ДЫРКА!), единственного числа (как ДЫРКА!), именительного падежа (тоже, как ДЫРКА!). И это не совпадение, это согласование. Полное согласование с определяемым словом в роде, числе и падеже.

А у второго определения род мужской, падеж родительный, да и число совпадает совершенно случайно. Не согласуется это определение с определяемым словом, не имеет это слово для него определяющего значения в роде, числе и падеже.

Не удивительно, что согласованные определения обычно стоят впереди, а несогласованные — сзади.

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Две точки в двоеточии ведут постоянный спор: кому из них быть выше, а кому ниже.

Три точки в троеточии ведут постоянный спор, кому быть сзади, а кому впереди…

Вот если б найти такое расположение, при котором не было бы ни нижних, ни задних… При таком знаке не понадобилось бы никаких слов. Один знак — и все сказано.

КАТЕГОРИЯ РОДА

В современной грамматике мужской род подчас мало отличается от женского. Посмотришь на него — и сразу не определишь: чьи это признаки, мужского или женского рода?

И даже сам МУЖЧИНА склоняется точно так же, как ЖЕНЩИНА, а имеет те же окончания во всех падежах. МУЖЧИНА — МУЖЧИНЫ — МУЖЧИНЕ — МУЖЧИНУ — МУЖЧИНОЙ — О МУЖЧИНЕ…

О МУЖЧИНЕ… Неужели речь о МУЖЧИНЕ? Впечатление такое, словно бы речь — о ЖЕНЩИНЕ…

ОБЩИЙ РОД

У этого рода еще сохранились признаки женского, хотя ему все чаще приходится быть мужским. Точнее: брать на себя функции мужского рода.

ТРУДЯГА — кто это? Он или она?

С утра до вечера на работе, а там по хозяйству — и женские, и мужские дела; то постирай, то свари, это отремонтируй… Давно уже не помнит ТРУДЯГА, как делятся женские и мужские обязанности. Кто кому уступает место, кто кого пропускает вперед…

УМНИЦА диссертацию защищает. Не поймешь — он или она: по самую макушку сидит в своей диссертации. Вот вытащим — поглядим, хотя и тогда разглядеть будет не просто.

Смеется над УМНИЦЕЙ НЕВЕЖДА — кстати, он смеется или она? Голос у НЕВЕЖДЫ сиплый, одежды пестрые, чтоб смеяться было веселей. Вот НЕВЕЖДА и смеется: иной, мол, ТУПИЦА живет, горя не знаючи, а ты, УМНИЦА, ночей не спишь… Ты посмотри, ГОРЕМЫКА, как твой сосед ПРОЙДОХА живет! Как твой сосед ХАПУГА живет!

Действительно, посмотришь — руки опускаются. Не хочется диссертацию защищать. Ни женские, ни мужские дела не радуют.

Может, лучше прожить век НЕВЕЖДОЙ? Может, лучше прожить ХАНЖОЙ, ПРОНЫРОЙ, ПРОДУВНОЙ БЕСТИЕЙ?

Попробуем ответить на этот вопрос. Вот вытащим УМНИЦУ из диссертации — и все вместе ответим.

ДВА СЛОВА В ОДНОМ

Живут два наречия, КРЕПКО-НАКРЕПКО соединенные между собой так, что их в грамматике считают одним наречием. ТИХО-СМИРНО живут, со стороны смотреть ЛЮБО-ДОРОГО (кому-то смотреть любо, но им, возможно, это обходится дорого, потому что не так-то просто двум наречиям соединиться в одно).

Живут два наречия в одном — то ли волей живут, то ли неволей, а если одним словом сказать, то живут они ВОЛЕЙ-НЕВОЛЕЙ. Слов-то в тексте ПОЛНЫМ-ПОЛНО, МАЛО-МАЛЬСКИ что не так — и пойдет все ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ. Лучше уж своей черточки держаться.

Живут два наречия… И вдруг, НЕЖДАННО-НЕГАДАННО, появляется между ними еще одно слово. ВСЕГО-НАВСЕГО одно слово, и маленькое такое, — а все же свое, из песни его не выбросишь, даже если песня ДАВНЫМ-ДАВНО надоела.

Ну, теперь-то можно идти по жизни БОК О БОК, РУКА ОБ РУКУ, ДУША В ДУШУ жить, чтоб все было ЧЕСТЬ ПО ЧЕСТИ. Хоть жить ЧАС ОТ ЧАСУ не легче, но надо жить. Ради этого, маленького, надо жить, потому что из песни его не выбросишь.

И тут-то они замечают: нет черточки. Той самой черточки, которая их прежде соединяла.

Раньше-то у них все было ЛЮБО-ДОРОГО, хоть кое в чем, возможно, ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ, но зато КРЕПКО-НАКРЕПКО, потому что было чему их скреплять и им было за что держаться. А теперь они хоть и ДУША В ДУШУ, но без черточки, хоть и ЧЕСТЬ ПО ЧЕСТИ, но без черточки. И наречия, которое у них было одно на двоих, теперь нет, потому что ДУША В ДУШУ — это уже не наречие…

Вот оно как бывает!.. А мы-то думаем! Мы-то думаем, что нас соединяет это словечко, которое из песни не выбросишь, даже если сама песня никуда не годится. А на самом деле нас соединяет не оно. На самом деле нас соединяет черточка. Совсем незаметная черточка, которая нас двоих соединяет в одно и без которой нам жить и не дорого и не любо.

ПРЕДЛОГ ДЛЯ ЛЮБВИ

Разговор шел о любви. Сначала несерьезный, ни к чему не обязывающий. А когда разговор стал обязывающим, заговорили о свадьбе.

О свадьбе…

Предлог О для СВАДЬБЫ не предлог. Какая-то одна буковка, а ведь у нас — СВАДЬБА. Такое раз в жизни бывает, неужели не потянем, не добавим по буковке, чтоб уж предлог так предлог?

Потянули. Добавили. И пошел разговор ПРО СВАДЬБУ. Не О СВАДЬБЕ, а ПРО СВАДЬБУ. Гулять так гулять.

Отгуляли. Потом еще поговорили ПРО СВАДЬБУ. Потом повспоминали ПРО СВАДЬБУ. И повели разговор ПРО СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ. ПРО СЧАСТЛИВУЮ СЕМЕЙНУЮ ЖИЗНЬ.

Но разве предлог ПРО — предлог для СЧАСТЛИВОЙ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ?

Конечно, можно и этим предлогом обойтись. Некоторые обходятся. Но ведь у нас одна семейная жизнь. Неужели мы не стянемся на одну семейную жизнь? Понемножку, по буковке, в чем-то себе откажем, в чем-то другим откажем, — а там, смотришь, и заживем.

Стали копить по буковке. Долго копили. Уже и половина жизни прошла, а счастливая семейная жизнь все не начиналась.

Ничего, поднакопим — тогда заживем.

Поднакопили.

Теперь можно жить.

И пошел разговор ОТНОСИТЕЛЬНО СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

Долгожданный разговор ОТНОСИТЕЛЬНО СЧАСТЛИВОЙ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ.

ОТ-НО-СИ-ТЕЛЬ-НО!

Вот это предлог!

Но счастливая семейная жизнь почему-то не получается. Из двенадцати букв предлог — а жизнь не получается.

Попробовали повести разговор ОТНОСИТЕЛЬНО ЛЮБВИ (не пропадать же предлогу!), но любовь куда-то исчезла. А ведь была! С нее-то, собственно, все начиналось.

Стали искать ЛЮБОВЬ, передвигать все накопленное с места на место. Каждую буквочку перебрали, а любви не нашли.

А ведь какой был разговор о любви! Правда, несерьезный, ни к чему не обязывающий, и предлог был несерьезный — всего одно О (теперь таких О целых три в нашем предлоге), — зато какой был разговор!

Таких разговоров теперь нет. Такие разговоры бывают, когда

достаточно самого маленького предлога, чтобы говорить о любви. А когда мы, перебрав все предлоги, начинаем говорить ОТНОСИТЕЛЬНО ЛЮБВИ, или ПО ПОВОДУ ЛЮБВИ, или, чего доброго, ПО ВОПРОСУ ЛЮБВИ, — какая уж тут любовь!

Никакой любви нет, хотя предлогов для нее более чем достаточно.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАЧНОМ

Живут по соседству в предложении БРАЧНЫЙ и МРАЧНЫЙ. Оба прилагательные, склоняются одинаково и на вид очень похожи, а какая у них разная жизнь!

Один — всегда МРАЧНЫЙ, а другой — БРАЧНЫЙ, правда, не всегда. Потому что разве можно так сказать: ВСЕГДА БРАЧНЫЙ?

И все в предложении завидуют БРАЧНОМУ и жалеют МРАЧНОГО, хотя это еще неизвестно, кому тут нужно завидовать, а кого жалеть.

— Почему ты так МРАЧЕН? — спрашивают у МРАЧНОГО.

А у БРАЧНОГО не спросят:

— Почему ты так БРАЧЕН?

Конечно, БРАЧНОГО есть кому приласкать. Но ласкают-то не БРАЧНОГО, а МРАЧНОГО.

— МРАЧНЕНЬКИЙ! — говорят. — Что-то ты сегодня МРАЧНЕЕ, чем вчера.

А БРАЧНОМУ не скажут:

— БРАЧНЕНЬКИЙ! Что-то ты сегодня БРАЧНЕЕ…

И наречием можно стать МРАЧНОМУ, и существительным, если ему прилагательным быть надоест. А что можно БРАЧНОМУ? Разве что предъявить брачное свидетельство…

Почему так случилось? Почему у МРАЧНОГО есть все: и краткая форма, и степени сравнения, и даже возможность стать наречием МРАЧНО и существительным МРАЧНОСТЬ, а у БРАЧНОГО ничего этого нет?

Дело совсем не в брачном свидетельстве. Вон сосед ЛЮБИМЫЙ имеет брачное свидетельство, а он и ЛЮБИМ, и ЛЮБИМЕНЬКИЙ, и САМЫЙ ЛЮБИМЫЙ.

Все дело в отношении. Точней, в относительности. В том, что БРАЧНЫЙ — относительное прилагательное и, по сравнению с качественными, многого не имеет.

Хотя, конечно, в мире все относительно. Что бы мы ни имели — все относительно.

Спрячьте свое брачное свидетельство и хорошенько подумайте над этим.

ТО, ЕДИНСТВЕННОЕ

Встретятся две буквы в слове, и сразу пойдут воспоминания…

— А помнишь, как мы с тобой встречались в молоДоСТи?

Это две буквы — С и Т — встретились в слове СТарость.

— Да, молодоСТь… прекрасное было слово…

— А юноСТь? Помнишь, как мы встретились в юноСТи?

— А в отрочеСТве?

— А в детСТве?

Этим буквам повезло: они впервые встретились еще в младенчеСТве и с тех пор постоянно встречались: и в детСТве, и в отрочеСТве, и в юноСТи, и в молодоСТи, и в зрелоСТи… И вот теперь встретились в староСТи… Даже дважды встретились в СТароСТи — в начале ее и в конце… Потому что хуже нет, чем одинокая старость…

Не каждому так повезет. Буква Ц, например, когда-то встретилась с одной буквой и с тех пор никак не может с ней встретиться. Какая ж это буква? Внешне она была похожа на букву Е, но это не Е…

Вспомнить бы то слово, в котором они встретились, то единственное, теперь уже забытое слово… Хорошо этим С и Т: они встречались и в груСТи, и в радоСТи, и в счаСТье, и даже в самой вСТрече встречались…

Буква Ц никогда не бывала ни в счастье, ни в радости. Она бывала в неурядиЦе, в бессмыслиЦе, во всякой безделиЦе, но в счастье и в радости она не бывала, и не там она встретила букву, которую не может забыть… Труднее всего забыть то, что не можешь вспомнить…

И вдруг она вспомнила: клЁЦка. То, единственное во всем словаре слово, в котором они могли встретиться…

Пусть другие буквы встречаются в более значительных и громких словах, пусть у них общая молодость, зрелость и старость… Но когда нет ничего этого…

Представьте себя на месте буквы Ц. Вам предлагают ЦАрство, в котором вы можете быть счастливы с буквой А, вам предлагают ЦЕнности, в которых вы можете быть счастливы с буквой Е, и овАЦИи, и экранизАЦИи, в которых вы можете быть счастливы сразу с двумя… Но вы можете быть счастливы только с одной…

Скажите, разве вы не отдадите все ценности и царства земли, все эти овации, экранизации, публикации — за одну-единственную не слишком громко звучащую клЁЦку?

ГРУСТНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ТЕМУ ПРАВОПИСАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И НАРЕЧИЙ

Этот СПЕЛЫЙ, а этот ЗЕЛЕНЫЙ. Этот УЖЕ СПЕЛЫЙ, а этот ЕЩЕ ЗЕЛЕНЫЙ…

Обстоятельства времени. ЕЩЕ и УЖЕ — это обстоятельства времени: тот, кто ЕЩЕ ЗЕЛЕНЫЙ, будет со временем УЖЕ СПЕЛЫМ, а тот, кто УЖЕ СПЕЛЫЙ, ЕЩЕ ЗЕЛЕНЫМ не будет уже никогда.

Не стоит об этом горевать. Есть у нас обстоятельства другого времени — времени, которое никогда не проходит.

Оно существует вечно.

ВЕЧНО — это такое же наречие, как ЕЩЕ и УЖЕ, но мы подчиняемся ему, как не подчиняемся другим обстоятельствам времени. Мы сливаемся с ним до того, что даже пишемся слитно…

Пока мы ЗЕЛЕНЫЕ…

Пока мы ЗЕЛЕНЫЕ, мы не отделяем себя от самого главного времени и пишемся слитно: ВЕЧНОЗЕЛЕНЫЕ.

Ни одно прилагательное не дерзнет писаться слитно с этим наречием, а мы дерзаем. Потому что мы ЗЕЛЕНЫЕ…

ВЕЧНОЗЕЛЕНЫЕ…

А когда мы созреем, когда станем СПЕЛЫМИ, мы будем писаться слитно только с наречием СКОРО. Когда-то — ВЕЧНО, а теперь — СКОРО… Потому что жизнь очень скоро прошла.

СКОРОСПЕЛЫЕ… Нам остается только это СКОРО как напоминание: скоро, скоро…

Пусть цветут ЗЕЛЕНЫЕ, ВЕЧНОЗЕЛЕНЫЕ. Авось их ЕЩЕ не станет нашим УЖЕ…

ЖИЗНЬ ПРИСТАВОК

Общее проверяется в главном, не в пустяках. У приставок В- и НА- было, казалось, так много общего…

— Вверх пойдем?

— Пойдем НАверх.

— Вперегонки?

— Давай НАперегонки.

Вперегонки, НАперегонки — какая разница? Тем более, что это игра. Тут и подурачишься Вперебой, и НАперебой повеселишься.

А время идет, и сам не заметишь, как начнутся первые серьезные разговоры.

— Поговорим Впрямую?

— Давай НАпрямую.

И все, что было общего, идет Вперекос, НАперекос идет, хотя и это, в общем, пока что одно и то же. И даже если тебе НАперекор говорят, а ты отвечаешь Вперекор, то и это еще не главный повод для разногласий.

А что главное?

Главное — прожитый век.

Век как будто один, вместе прожитый…

Но НАвек — это НАВСЕГДА.

А Ввек — это НИКОГДА.

Век-то один, но вы в этом веке разные. И ничего у вас общего нет, кроме этого совместно прожитого века.

ПРАВОПИСАНИЕ ПРИСТАВОК

Чтобы ПРИдать чему-то новый смысл, необязательно ПРЕдать старый.

ВВОДНЫЕ СЛОВА

— К счастью, мы пришли…

Не подумайте, что мы пришли к счастью.

Там, куда мы пришли, ничего такого не было, но мы так долго шли и так устали в дороге, что когда наконец пришли, то вздохнули с облегчением:

— К счастью, мы пришли…

Все дело в этой запятой, которая отделила счастье от нас, превратила его в мало что значащее вводное слово. Может, совсем не то слово, которое в данном случае надо было сказать…

Может, не то. А может, и то. МОЖЕТ уже ничего не может, потому что означает не действие, а какую-то неопределенную вероятность. И здесь опять дело в запятой. Развелось этих запятых. И, главное, не знаешь, куда их ставить…

ГЛАВНОЕ тут вовсе не главное, это опять вводное слово. Отделилось от предложения с двух сторон, потому и считает себя главным. А в предложении оно не то что не главный, а даже не второстепенный член. Ввели его — оно и стоит. Можно и вывести без особого ущерба для смысла.

Выведешь — две запятые сэкономишь, которые нужнее в других местах. Хотя, по совести, и там лучше без них обойтись. Совесть-то ни при чем, СОВЕСТЬ здесь — опять же вводное слово, а значит, и без нее можно обойтись. Без СОВЕСТИ можно обойтись, если она всего лишь вводное слово.

— К несчастью, нам пора…

Да нет, никто не спешит к несчастью. Нам пора, к сожалению, хотя и к сожалению никто не спешит. С этими вводными словами никогда не знаешь, что по-настоящему, а что просто так, без чего можно обойтись, а без чего обойтись невозможно.

РОД СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Нельзя изменять своему роду. Кажется, немного изменил: всего только род, — а глядишь, уже и сам переменился. Только что ты бороздил моря, стараясь не сбиться с румба, — и вот уже ты в порту отплясываешь румбу. Только что ты скакал во весь опор — и вот уже тебе понадобилась опора. И ты сменил легкий и быстрый карьер на легкую и быструю карьеру…

Где он, прежний жар, прежний пыл?

Жара, пыль… Кваску бы испить да полежать в холодочке…

ПОЗИЦИЯ СЛОВА

Главное — четко определить свою позицию.

Сказать:

— Я — против.

Или:

— Я — за.

ЗА и ПРОТИВ… Простые предлоги, служебные слова… Но если позиция достаточно тверда, то и они могут стать главными членами предложения.

ПЕСНЯ ПРИЧАСТНОГО И ДЕЕПРИЧАСТНОГО ПРИСТАВОВ из пьесы «Королевство от А до Я»

Мы здесь искореняем зло
И соблюдаем рьяно
Порядок букв,
Порядок слов
И вообще порядок.
Не понаслышке, а в лицо —
Вот так!
— Мы знаем каждое словцо
И знак.
И даже нам знаком секрет,
Как пишут слово «винегрет»,
Что нужно ставить, а что нет
Перед союзом «как».

ДРУЖНО: Потому что все мы к этому причастны,
И причастны, и деепричастны,
Как же можем мы смотреть безучастно
На ошибки в словах и делах!

И не составит нам труда
С отвагой и сноровкой,

Когда прикажут
И когда
Подскажет обстановка,
Удвоить в слове букву эн —
Вот так!
— Оставить эн без перемен —
Пустяк!
И каждому открыть секрет,
Как пишут слово «винегрет»,
Что нужно ставить, а что нет
Перед союзом «как».

ДРУЖНО: Потому что все мы к этому причастны,
И причастны и деепричастны,
Как же можем мы смотреть безучастно
На ошибки в словах и делах!

Страна Междометия

МОЖНО ЛИ БЫТЬ НА ВОСЬМОМ НЕБЕ?

В некоторой книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица, жили-были у этих царя с царицей три сына. Первый был, можно сказать, семи пядей во лбу, второй восьми, а третий шести — можно было бы сказать, но так говорить не принято. И не принято иметь во лбу больше или меньше семи пядей, — если ты, конечно, умный человек. А если ты не умный человек, то никто тебе твоих пядей считать не станет.

И были эти три сына похожи друг на друга как две капли воды… Обидно, конечно. Три сына, а похожи как две капли воды. Куда, спрашивается, девалась еще одна капля? Почему бы трем сыновьям не быть похожими как три капли воды?

Оказывается, так нельзя. Можно быть похожим лишь как две капли воды, и ни на каплю больше или меньше.

Ну, да ладно, важны ведь не капли эти самые, а сыновья, а их-то было не двое, а трое. Вот что главное.

Когда родился первый сын, царь с царицей были, можно сказать, на седьмом небе. И когда родился второй, и когда родился третий, они снова были на седьмом небе… Ни на шестом, ни на восьмом небе им побывать так и не удалось, потому что в этой книге действовал строгий закон: радоваться радуйся, но не выше и не ниже седьмого неба.

Когда сыновья выросли, они выглядели на все сто и выглядели бы на все двести, но на двести выглядеть было нельзя. И на девяносто выглядеть было нельзя. Только на все сто — ни больше ни меньше.

Увидев таких красивых и умных сыновей, придворные согнулись в три погибели и наговорили с три короба комплиментов. Они бы согнулись в четыре погибели и наговорили с четыре короба комплиментов, но так низко здесь никто не кланялся и никто так много не говорил.

— Опять двадцать пять! — сказал царь, потому что опять всегда двадцать пять, а не двадцать шесть и не двадцать четыре. — И когда я вас отучу от этого подхалимства и чинопочитания? Ну, хорошие дети, но зачем же говорить им об этом в глаза?

— У нас всегда так: о хорошем в глаза, о плохом — за глаза, — поддала жару царица.

А сыновья высказались еще более решительно:

— Всыпать им по второе число и прогнать в четыре шеи на все три стороны!

И сразу все увидели, что сыновья выглядят не на все сто и что у них не по семи пядей во лбу, а гораздо меньше. Потому что им было неизвестно, что всыпать можно только по первое число, прогнать только в три шеи и только на все четыре стороны. Да и вообще таких грубых выражений человек семи пядей не станет употреблять: он будет говорить и грамотно, и культурно.

Вот и вся сказка, рассказанная, правда, с пятого на десятое, потому что с десятого на двадцатое было бы слишком коротко, а со второго на пятое — слишком длинно.

ИДУЩИЕ

Дождь идет.

Снег идет.

Идет по земле молва.

Споры идут.

Разговоры.

А кого несут?

Вздор несут.

Чушь несут.

Ахинею, ерунду, галиматью, околесицу.

Все настоящее, истинное не ждет, когда его понесут, оно идет само, даже если ног не имеет.

Об этом приходится помнить, потому что годы — идут.

Жизнь идет, и не остановить идущего времени.

КОГДА СЛОВА ВЫХОДЯТ В ЛЮДИ

Какой я был ДУБ, когда зеленел на опушке леса, когда стоял у дороги, подпирая высокие небеса! Каждое слово в языке что-то значит, и у меня тоже было высокое, благородное значение. Я обозначал ДУБ, и мне казалось, что это я зеленею в лесу, развесисто стою у дороги и окунаю листья в прозрачную синеву.

Разве это плохое значение? Но мне захотелось выйти в люди, обозначать что-нибудь человеческое, потому что ЧЕЛОВЕК, я слышал, самое высокое понятие на земле.

Теперь я обозначаю человека, но это не приносит мне радости…

Когда я впервые начал обозначать человека, какой-то ЛОПУХ, который тогда уже обозначал человека, сказал мне:

— Эх ты, ДУБ! Не брался бы за то, в чем не смыслишь. Я, например, пока обозначал растение, был вполне приличным литературным словом, а теперь я кто? Грубое слово, просторечное. Хорошего человека таким словом не назовут.

Подошли другие, в прошлом приличные слова, которые, став обозначать человека, утратили свое былое приличие.

— Я когда-то обозначал шляпу, — сказал некий ШЛЯПА. — Эх, если б вы видели, какую я шляпу обозначал!

— А я обозначал размазню, — вздохнул РАЗМАЗНЯ. — Кашу такую, довольно питательную.

— А я тюфяк, — вспомнил ТЮФЯК.

Да, все мы когда-то обозначали что-то хорошее, приличное, по крайней мере… А с тех пор как стали человека обозначать…

— Неужели нельзя было назвать ЧУРБАНОМ умного человека? — сокрушается ЧУРБАН, мой теперешний родственник по значению.

Наивный он, ЧУРБАН. Уж на что, кажется, я ДУБ, а кого я обозначаю? И это при моем основном развесистом, цветущем значении!

Все мы идем в люди. И даже выходим в люди. Но в какие люди мы выходим — вот о чем стоит задуматься!

— Стоит, стоит задуматься, — пытается задуматься ПЕНЬ, мой теперешний родственник по значению.

КАРЬЕРА СЛОВА

Давно ли хваткое слово ЗАЧИТАТЬ промышляло по чужим книжным полкам, одалживало книги на вечное отдавание — и вдруг…

— А сейчас предлагаем зачитать отзывы оппонентов…

Можете не волноваться: отзывы никто не украдет. Их не зачитают в том смысле, в каком зачитывали, бывало, чужие книги. Отзывы просто-напросто огласят, то есть, прочитают громко и выразительно. Одним словом, зачитают. Одни зачитают, другие заслушают.

Все дело в этой приставке ЗА-, которая в свое время совратила благородное слово ЧИТАТЬ на кривую дорожку, приучила книги не столько читать, сколько зачитывать, то есть, попросту говоря, воровать. Вот она-то и повела его дальше, и не куда-нибудь, а на высокую трибуну, на ученую кафедру, где зачитывают не потихоньку, не тайком, а открыто, громко, во всеуслышание. Да еще награждаются за это аплодисментами, дипломами, учеными степенями.

А что толку? Привыкнешь ЗАЧИТЫВАТЬ — отвыкнешь ЧИТАТЬ, привыкнешь ЗАСЛУШИВАТЬ — отучишься СЛУШАТЬ.

РАБОТА И ТРУД

Пчелы трудятся. Муравьи трудятся.

А лошадь — работает. Только работает. Как будто работа — это не труд, а труд — это не работа.

Но о лошади никто не скажет, что лошадь трудится. И о собаке не скажет. О собаке принято говорить, что она служит.

Такое у них разделение труда: одни работают, другие трудятся, а третьи просто служат.

И это, конечно, большое облегчение. Тот, кто трудится, может не работать, тот, кто работает, может не трудиться…

Ну, а тот, кто не трудится и не работает, должен служить.

Хотя бы примером служить, как нужно трудиться и работать.

ОДНОФАМИЛЬЦЫ

— Не буду говорить о себе, но моя однофамилица… может, слыхали — Кошка? — большая специалистка по части ныряния. Она под водой — как я, допустим, на суше.

— А как ты на суше? Целыми днями спишь… — дальше Бык промычал что-то нечленораздельное, но обидное. — А если уж говорить об однофамильцах, то мой, если хочешь знать, держит на реке полмоста.

— Полмоста! — ахнул Барашек. Он вспомнил своих однофамильцев, которые бегали по реке, и других, которые плавали в небе, и ему стало стыдно за них.

— Моя однофамилица якорем работает. Поднимает тяжелые предметы со дна, лодки удерживает, чтоб не уплыли. И все время в воде — представляете? Кошка, а все время в воде.

— Была бы она Быком, она бы настоялась на воде. Не мной, конечно, а моим однофамильцем. — Бык промычал что-то нечленораздельное, но одобрительное. — Подержала б на себе полмоста!

— Полмоста! — ахнул Барашек. Но про своих однофамильцев — промолчал.

И тут подлетела никому не знакомая птичка.

— Полмоста держат! Предметы поднимают со дна! А для кого они все это делают?

— Ну? — спросил Бык.

— Для моей однофамилицы… Галочка — может, слыхали? Так вот, все это делают для нее. Сделают — и поставят Галочку. Еще сделают — и опять Галочку поставят.

— Му, знаешь! — когда Бык нервничал, у него «ну» звучало, как «му». - Му, знаешь! Ради какой-то Галочки держать на себе полмоста?

— Нырять под воду! — возмутилась Кошка.

И Барашек решился: эх, была не была!

— А бегать по реке волнами? А плыть по небу облаками? И все это ради какой-то — извините! — Галочки?

— Не какой-то!

Барашек уже не мог остановиться:

— Тут, понимаете, мосты держат, ныряют под воду, по небу плывут, и все это для чего?

— Для Галочки, — сказала птичка Галочка.

Тут-то Кошка и ухватила ее за хвост.

— Вот я тебя за такие слова… для Галочки… Съем — и поставлю Галочку.

— Ты лучше так поставь… Не ешь, а поставь, что съела…

— Му, знаешь! — возмутился Бык. — Заниматься очковтирательством… В то время как наши однофамильцы держат мосты, покоряют дны… верней, дна…

Пока они втроем упражнялись в склонении, птичка Галочка улетела.

ПОЧЕМУ ДИКОБРАЗА НАЗВАЛИ ДИКОБРАЗОМ?

Дикобраза назвали Дикобразом, словно хотели подчеркнуть, что образ у него какой-то дикий, нецивилизованный. У остальных зверей цивилизованный, а у него — нецивилизованный. Вроде бы он самый дикий из всех зверей.

Ну, хорошо, пускай он дикий, но он, по крайней мере, не хищный, как некоторые. Как, например, Волк или Тигр. Его и относят-то к отряду грызунов, отряду совсем не страшному, хотя, возможно, и дикому. Бобры у нас тоже относятся к отряду грызунов, так что же, их, замечательных строителей, тоже считать дикими? Вот это уж дикость действительно — так считать!

Почему же Дикобраза назвали Дикобразом? Может, потому, что он покрыт иголками? Но разве только Дикобраз покрыт иголками? Многие животные покрыты иголками — надо же как-то обороняться! Те, кто нападает, а не обороняется, вооружены не иголками, а клыками и когтями. А Дикобраз вооружен только иголками: тридцать тысяч иголок, но ни одна не служит для нападения, а все — исключительно для защиты.

Да, не тех называют дикими, кого бы следовало называть. Карликовую антилопу назвали Дикдик, — вроде бы она вдвойне дикая. А сколько в ней этой дикости? Каких-то три килограмма. А в Тигре триста. Больше в сто раз. Вот кого надо было назвать Дикдик, и даже не Дикдик, а Дикдикдик, сто раз Дик…

Хотя, конечно, дело не в названии. Если всех животных знать только по названиям, то, чего доброго, можно испугаться безобидного Кускуса из отряда сумчатых. И пока мы будем пугаться Кускуса, нас укусит тот, кого не называют Кускусом, но кто по своему поведению самый настоящий Кускус.

Дикобраз нас не укусит. И Дикдик нас не укусит. И даже Кускус нас не укусит…

А Ласка может и укусить, несмотря на свое ласковое название.

НЕТ НИГДЕ КРОКОДИЛОВА

Очень хочется встретить человека по фамилии Гиппопотамов. Африкан Африканович Гиппопотамов. Звучит?

— А, Африкан Африканыч! Мы с Жирафовым вас как раз вспоминали. Вы случайно не видели Крокодилова?

Не видели. Крокодилова у нас днем с огнем не найдешь. И Жирафова тоже.

Медведева — пожалуйста. Волкова и Зайцева — сколько угодно. Козлова, Баранова, Быкова — кого у нас только нет!

Вот его, Крокодилова, и нет.

И Жирафова тоже.

Жаль, конечно. Хотя Кошкин тоже неплохо звучит, но Леопардов — как-то внушительней. Или Кашалотов, если в открытом море.

Так что извини, Африкан Африканыч, Крокодилова мы тебе не наДдем. Это, может, у вас в Африке Крокодиловыми хоть пруд пруди (и даже Жирафовыми, хотя ими прудить не так удобно, как Крокодиловыми), но зато у вас простого Медведева с огнем не сыщешь. Да что Медведева — Кошкина с огнем не сыщешь! Мышкина с огнем не сыщешь!

Хотя, может быть, Носороговых у вас — больше, чем у нас Носовых и Роговых вместе взятых,

КОГО МЫ ВЫСИЖИВАЕМ?

Все просто, когда живешь в лесу: если ты Волк — жена у тебя Волчица, если Медведь — Медведица. Одна, как говорится, фамилия, одна семья.

Но стоит одомашниться, зажить, так сказать, одним домом — не норой, не дуплом, не берлогой, а именно домом, — и сразу семья уже не семья и фамилия уже не фамилия.

Допустим, вы — Баран. Почему бы и жене вашей не быть Баранихой? Так нет, она, видите ли, Овца, ей непременно нужно подчеркнуть, что она от вас не зависит. А если вы Кабан, то жена у вас — Свинья. Интеллигентские штучки. Каждый старается утвердить себя, а когда каждый утверждает себя, кто же тогда семью утверждает?

Волк и Волчица утверждают семью, так их считают дикими животными. И Медведя с Медведицей, и Тигра с Тигрицей, и даже Зайца с Зайчихой считают дикими животными. Потому что домашние, цивилизованные животные предпочитают семье личную свободу. К примеру, муж у вас Бык — так вы что ж, не можете быть Коровой? Почему вы должны ему себя подчинять? Он работает на транспорте, вы на молочной ферме, еще неизвестно, кто из вас нужней. Поэтому он Бык, а вы, в отличие от него, Корова.

Плохо только, что дети у вас какие-то непонятные: телята. Не бычата, не коровята — ни в мать, ни в отца. А у Свиньи с Кабаном — поросята, тоже полная неожиданность.

Курица жаловалась:

— Уж как я своих высиживала, как над ними квохтала… Думала, курчата вылупятся, а вылупились цыплята… А муж о петушонке мечтал. До сих пор сердится, что не высидела ему петушонка.

Как же, высидишь его, петушонка! Какая-нибудь Ворона — и та высидит себе вороненка, несчастная Галка — и та высидит галчонка, — хотя им даже негде высиживать. А тут — все условия: и специальный насест, и благоустроенный курятник со всеми, можно сказать, удобствами, — а кого мы высиживаем? Стыдно сказать: цыплят! Как будто их, простите, цапли высиживают.

Да, у домашних животных свои проблемы. С одной стороны, хорошо, что нет прежней дикости, что никто ни от кого не зависит. Но, с другой стороны: как же тогда семья? Какая это семья, если никто ни от кого не зависит?

Всякий раз приходится волноваться: вырастет ли из ягненка

баран? А если не вырастет баран, то что же тогда из него вырастет?

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Если вы ДРОЖМЯ ДРОЖИТЕ, то вы не можете ДРОЖМЯ РЕВЕТЬ, а если РЕВМЯ РЕВЕТЕ, то не можете РЕВМЯ ПЛАКАТЬ. Вы можете ПЛАЧМЯ ПЛАКАТЬ. А если ЛИТЬ слезы, то, конечно, ЛИВМЯ, а не, допустим, ТОРЧМЯ. ТОРЧМЯ можно только ТОРЧАТЬ. Не СТОЯТЬ, не ЛЕЖАТЬ, а только ТОРЧАТЬ. (Когда вам захочется постоять, вы СТОЙТЕ СТОЙМЯ, а когда полежать — ЛЕЖМЯ ЛЕЖИТЕ).

Такие они, эти наречия на — МЯ: они признают только родственные отношения. И это в тексте, где каждое слово трудится ради общего смысла!

Некоторые глаголы никак не могут удержаться, чтоб не пристроить возле себя родственника. Глагол скажет: «Сидеть!», а родственник подхватит: «Сидмя сидеть!» И — ничего своего. Примкнет — и больше с него не спрашивайте. Так можно всю жизнь примыкать и за всю жизнь не высказать ни одной собственной мысли.

Какой-нибудь самоотверженный глагол ГОРИТ на работе, а при нем уже кто-то ГОРМЯ ГОРИТ. То есть не горит, а только примыкает к горению. И это родственник глагола ГОРЕТЬ! Такой глагол, а не удержался, чтоб не пристроить рядом с собой родственника!

Грамматики объясняют, что это, мол, пережитки старых форм. Такие пережитки кого хочешь переживут да еще потом примкнут к его светлой памяти: мы ГОРМЯ ГОРЕЛИ, СТОЙМЯ СТОЯЛИ…

Гнать их надо гонмя, чтоб их здесь видмя не видели, слышмя не слышали!

ЛЮБОЙ, КАЖДЫЙ И ВСЯКИЙ

В некоторой книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица, жили-были три друга-местоимения: ЛЮБОЙ, КАЖДЫЙ и ВСЯКИЙ. Такие были друзья, что каждое дело, всякое дело, любое дело делали сообща, во всяком вопросе, в каждом вопросе, в любом вопросе имели общую точку зрения. Потому что они были не только друзья, но и синонимы, а для слов это очень важно.

Стоило ЛЮБОМУ куда-то отлучиться, и уже КАЖДЫЙ и ВСЯКИЙ начинали испытывать беспокойство. А если ВСЯКИЙ пропадал на какое-то время, то испытывали беспокойство КАЖДЫЙ и ЛЮБОЙ.

Однажды, когда ВСЯКИЙ и ЛЮБОЙ волновались по поводу того, что КАЖДЫЙ где-то ходит, ВСЯКИЙ, поволновавшись, сказал:

— Без КАЖДОГО можно обойтись.

— Ну что ты! — запротестовал ЛЮБОЙ. — Как можно обойтись без КАЖДОГО?

— Во всякое время!

— В любое время?

— Вот именно. Можно обойтись во всякое время, в любое время, но только не в каждое время, потому что так не говорят.

— Неужели не говорят? — огорчился ЛЮБОЙ. Он привык, что там, где годятся ЛЮБОЙ и ВСЯКИЙ, годится и КАЖДЫЙ. А тут вдруг получается, что не КАЖДЫЙ, а только ВСЯКИЙ И ЛЮБОЙ.

А ведь они считали, что в каждом тексте, в любом тексте, во всяком тексте могут друг за друга постоять, как это бывает у синонимов. А оказывается, КАЖДЫЙ не готов за своих собратьев постоять, как они готовы за КАЖДОГО.

Но тут пришел КАЖДЫЙ, и все опять было хорошо. Не каждую дружбу легко разрушить. Прошло время, и куда-то отлучился ЛЮБОЙ, а КАЖДЫЙ и ВСЯКИЙ волновались по этому поводу. И, поволновавшись, ВСЯКИЙ сказал:

— Стоит ли волноваться всякий раз?

— Каждый раз?

— Обрати внимание, — сказал ВСЯКИЙ, — можно сказать «всякий раз», можно сказать «каждый раз», но «любой раз» сказать нельзя, потому что это будет неправильно.

— Неужели неправильно? — удивился КАЖДЫЙ. Он привык, что там, где правильно каждое и всякое, там правильно и любое.

Но оказалось, что это не так. Оказалось, что ЛЮБОЙ не способен на то, на что способны КАЖДЫЙ и ВСЯКИЙ.

— Видно, каждому свое, — вздохнул КАЖДЫЙ.

— Вот именно. КАЖДОМУ свое, ВСЯКОМУ свое, но только не ЛЮБОМУ свое, потому что это будет неправильно.

Но тут появился ЛЮБОЙ, и опять все было не свое, а общее. Любая мелочь, каждая мелочь, всякая мелочь, не говоря уже об общих больших делах.

И все же что-то осталось. В глубине души у ЛЮБОГО и КАЖДОГО что-то осталось… Потому что если ВСЯКИЙ начинает искать изъяны у КАЖДОГО и ЛЮБОГО, то изъяны рано или поздно появятся.

Это понимает КАЖДЫЙ.

Это понимает ЛЮБОЙ.

И даже ВСЯКИЙ понимает, хотя виду, может быть, не показывает.

КТО ЛИШНИЙ?

Персты перса были усыпаны перстнями, которые проступали сквозь перчатки, а на перстах его наперсницы был только наперсток. Посчитал перс все эти родственные слова и говорит наперснице:

— Имею сведения, что среди этих родственных слов затесались два неродственных. Нужно их немедленно удалить из текста.

Наперсница заплакала:

— Я знаю, ты хочешь удалить меня. Я тебе надоела.

— Да не о тебе речь. Речь о лишних словах, нам неродственных… Может, это твой НАПЕРСТОК?

— У тебя все персты усыпаны перстнями, а у меня только один наперсток. И ты хочешь его удалить?

— Не перстни же мне удалять: как-никак драгоценности. И, кроме того, пришлось бы удалять и персты, потому что у них тот же корень.

— А наперсток? Разве он не потому называется наперстком, что надевается на перст?

Перс призадумался. Действительно, положение: удалишь наперсток — придется удалять и перстни, и даже персты, потому что все они родственники.

— Может, удалишь ПЕРЧАТКИ? Сейчас уже довольно тепло…

— Еще что скажешь! — перс поплотнее натянул перчатки. — Забыла, что они родственники перстам?

— Я так и знала, что ты хочешь удалить меня, — опять заплакала наперсница.

Перс внимательно на нее посмотрел.

— Кстати, я до сих пор не знаю твоего происхождения. Я думал, ты называешься наперсницей потому, что твои чувства направлены на перса, но, может быть, они направлены на кого-то еще?

— Неужели ты не заметил? Я называюсь наперсницей потому, что ты прижимаешь меня к своим персям, то есть к своей груди. И буду так называться, пока меня прижимают к груди…

— Выходит, тебе все равно, кто тебя прижимает — перс или не перс? — вскричал перс. — Теперь я все понял! Это ты, ты чужая в нашем тексте! Всем чужая! И моим перстням, и моим перчаткам, и даже своему наперстку. И тебе они чужие!

— А тебе? Разве тебе они не чужие?

— Ты с ума сошла! Это же мои перстни! Мои перчатки! И даже наперсток, потому что это я тебе его подарил!

— Из шести слов четыре родственные: ПЕРСТЫ, ПЕРСТНИ, ПЕРЧАТКИ и НАПЕРСТОК. Остаются двое: я и ты.

— Как, я тоже?

— Мы с тобой… — Наперсница взяла перса за руку. — Милый, не держись за свои перстни и перчатки. Брось их, уйдем без ничего.

— Но мне будет холодно, — колебался перс.

— Нам будет тепло, ведь греют нас не перчатки. Нас греет друг, которого можно прижать к груди…

И они ушли вместе, перс и наперсница, ушли потому, что именно они оказались лишними в этом тексте. Но их было двое, и они прижимали друг друга к груди, поэтому им казалось, что лишние все остальные…

АНТОНИМЫ

Встретились Копченый с Моченым, разговорились.

— Ну, как там наш Свежий? Опять чего-то с Черствым не поделил?

— Да, Свежий Черствому не товарищ. Черствый считает, что Свежий у него отбивает хлеб… Между прочим, Теплый сначала поддерживал Свежего. Пока речь шла о хлебе.

— Теплый в любом хлебном деле на стороне Свежего, хотя и отдает Черствому должное за его многолетний опыт.

— Зато потом, когда Тухлый поднял вопрос об атмосфере в коллективе, Теплый вдруг обрушился на Свежего, обвинил его в том, что он охлаждает теплоту наших отношений. «Я синоним Свежего, — сказал Теплый, — пока дело идет о насущном хлебе. Но в отношении атмосферы — пусть он меня простит: тут я его антоним».

— Не поймешь этого Теплого: то он синоним, то антоним.

— Но самое интересное: когда речь зашла об атмосфере в коллективе, Свежего поддержал знаешь кто? Черствый!

— Он же был против него?

— Это пока речь шла о хлебе. А когда речь зашла об атмосфере, об отношении к товарищам… В этом отношении, между нами говоря, Черствый — синоним Холодного, а Холодный, между нами говоря, синоним Прохладного…

— А Прохладный — синоним Свежего?.. Ну и обстановка в нашем коллективе! Никогда не знаешь, кто тебе синоним, а кто антоним…

Посмотрел Моченый на Копченого, и Копченый на Моченого посмотрел. И разошлись по своим делам: один по моченым делам, другой — по копченым.

ПАРОНИМЫ

Это родственные слова, и не только потому, что вышли они из одного корня. Жизнь не разлучила их на суровых дорогах грамматики, и они и сейчас принадлежат к одной части речи или, на худой конец, имеют общие грамматические признаки, как это бывает у прилагательных и причастий.

Жизненное и житейское

Когда житейская суета воспринимается как жизненная необходимость, это, как говорится, дело житейское. И когда жизненная мудрость не поднимается выше житейского опыта, это тоже, как говорится, дело житейское…

Как много в жизни житейских дел! Пока переделаешь все житейские дела, на жизненно важные жизни не остается.

Обсуждение и осуждение

Обсуждение протекало вполне миролюбиво, но внезапно куда-то отлучилась буква Б…

Впоследствии она утверждала, что отлучилась случайно, однако все видели в этом скрытый умысел: ведь не могла же буква Б не знать, во что превратится без нее ОБСУЖДЕНИЕ!

Одеть и надеть

Надеть можно что-то на кого-то, а одеть — кого-то во что-то. Кого одеть — всегда найдется, а вот что надеть — не всегда. Потому что одно наденешь — хочется другое надеть, другое наденешь — еще чего-то хочется…

Да, желаниям нашим предела нет, и что на себя ни надевай, всегда захочется надеть еще что-то… И мы ждем, и мы верим, что когда-нибудь нам удастся это надеть…

Что делать? От слова «одеть» происходит слово «одежда», а от слова «надеть»…

Если вы скажете, что «надежда», то ошибетесь, потому что надежда должна содержать что-то важное и значительное, а никак не стремление еще что-то на себя надеть…

Блестеть и блистать

Ну и порядки в этих гостях!

Вот приходят туфли: нарядные, праздничные, при полном параде. Их бы пригласить в комнату, чтоб они могли там блистать, — не блестеть, что для туфель естественно, а именно блистать в обществе, чтобы общество могло ими любоваться. Ради этого они проходят много кварталов, трясутся в городском транспорте, взбираются по лестницам на верхние этажи, и когда комната уже вот — сделай шаг, и ты в комнате, — им не дают сделать этот последний шаг: их оставляют за дверью, в прихожей.

А вместо них в комнату отправляются старые шлепанцы, которые не то что блистать, а элементарно блестеть не умеют.

Невежда и невежа

Пошел невежда на базар продавать букву Д. Покупатель сразу нашелся.

— Эта буква, — говорит, — напоминает мне родные места. Заберешься вот на такую гору и стоишь выше всех. Очень я люблю стоять выше всех.

— Зачем? — спрашивает невежда. Такой простой вещи не может понять.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — отвечает горец, хотя невежда, если по знаниям судить, не только не состарился, но почти на свет не родился. — Покупаю твою букву Д. Она мне поможет еще выше забраться.

Продал невежда букву и говорит:

— Чего стоишь? Проваливай!

Теперь-то, без буквы Д, он стал просто невежей.

— Ты, невежа! — сказал бывший горец, с купленной буквой — гордец. — Да ты знаешь, с кем разговариваешь?

А чего не знать-то? Это прежде, когда невежа невеждой был, он ничего не знал, а теперь он кое-чему научился. Выложил он все эти слова да еще вдобавок так ухватил гордеца за проданную букву, что осталась она у него в руках.

— Извините, — говорит, — я вас не потревожил?

Откуда ж ему знать, потревожил он или не потревожил, если он из невежи опять невеждой стал? Но извинился все-таки, потому что перестал быть невежей.

А бывший гордец, теперь снова горец, говорит:

— Ничего, у нас в горах и не такое случается… А букву эту оставьте себе, и денег не надо возвращать.

Умный горец правильно рассудил: лучше уж с невеждой дело иметь, чем с невежей.

ПИСЬМО К БИРЮЛЬКЕ

Вы до сих пор не поняли, что жизнь — не игра, что она относится к нам всерьез, даже когда мы относимся к ней легкомысленно. И вы соединили свою жизнь с глаголом ИГРАТЬ. Вы не хотели ДУМАТЬ В БИРЮЛЬКИ. Вы не хотели СТРАДАТЬ В БИРЮЛЬКИ. Вы хотели только ИГРАТЬ В БИРЮЛЬКИ. Не слишком ли затянулась ваша игра?

Когда-то вы говорили, что не понимаете НИ БЕЛЬМЕСА. Странная пара — НИ БЕЛЬМЕСА, — говорили вы. Вас удивляло, что красивый, звучный БЕЛЬМЕС, бывший, по слухам, у татар глаголом, а потом ставший у нас существительным, превратился вообще в ничто. Потому что без этой частицы НИ он просто-таки потерял способность употребляться.

А вы? Разве вы сами не сидите безвылазно в своем выражении, забыв обо всех словах, кроме своего единственного глагола? Весь огромный, необъятный мир слов вы свели к одному-единственному выражению, но ведь ИГРАТЬ В БИРЮЛЬКИ — вовсе не значит жить.

И хоть бы жили со своим глаголом так, как живут ТЮТЕЛЬКА В ТЮТЕЛЬКУ: одна без другой стараются не употребляться. Но ведь ваш глагол употребляется. Еще как употребляется! Одним он ИГРАЕТ НА РУКУ, другим ИГРАЕТ НА НЕРВАХ, там ИГРАЕТ В МОЛЧАНКУ, а где-то даже ИГРАЕТ С ОГНЕМ.

А с вами он ИГРАЕТ В БИРЮЛЬКИ. Вся ваша жизнь для него лишь одна из его многочисленных игр. На что вы себя тратите? И это в наше время, когда вокруг столько громких, красивых слов, столько выразительных выражений! А сколько мыслей невысказанных, для которых в языке не хватает слов! Они ждут вас, БИРЮЛЬКА, идите к ним! Идите к нам, мы вас ждем!

ТУРУСЫ, БАКЛУШИ, КУЛИЧКИ, ПОБЕГУШКИ… —

всего 89 подписей.

СТАРОСТЬ СЛОВА

Архаизмы — это слова, забывшие о том, что и они были когда-то неологизмами…

ВСЁ — МЕНЬШЕЕ, ЧЕМ НИЧТО

Ты вздохнешь: время — ВСЁ быстрей, место твое в жизни — ВСЁ неприметней и незначительней, и ВСЕ слабее наивное убеждение, что ты в этом мире — ВСЁ. В этом «ВСЁ быстрей, ВСЁ слабей» ты даже не член предложения. Там, где любое НИЧТО — член предложения, ты, ВСЁ, прозябаешь в жалкой роли служебного слова. Потому что ты давно уже не местоимение, ты всего лишь безударная частица, хотя и пишешься по-прежнему: ВСЁ. Но ведь в тексте важно не то, как ты пишешься, а то, что ты значишь.

Местоимение ВСЁ значит всё. И эту страницу, на которой оно написано, и все страницы, и весь этот свет — все это можно заменить одним местоимением. А что можно заменить безударной частицей? Хотя она и называется ВСЁ, ей не положено даже ударения, такого естественного для любого полноправного слова.

Может, так и лучше… Иначе частицу ВСЁ могут принять за местоимение, которое заменяет всё на свете. А это — большая ответственность… Не потому ли местоимение превратилось в частицу, что ему захотелось уйти от ответственности? От ответственности за то, что оно говорит, и за то, что вокруг него говорят другие, и за всё, что в мире говорится и делается…

Ответственности много, и понятно, что хочется от нее уйти в какое-нибудь незаметное, неслышное, безударное положение… Но стоит уйти — и всё сразу кончается… То есть оно, ВСЁ, остается, но уже значит меньше, чем НИЧТО…

ВСЕГО НЕСКОЛЬКО СИНОНИМОВ

Жил на свете Унылый человек. До того унылый, что стоило ему появиться, как сразу все погружалось в уныние. Дорога уныло брела среди унылых домов и деревьев, по дороге уныло скрипели телеги, и птицы на деревьях так уныло чирикали, что листья опадали на землю горючими слезами.

Идет как-то Унылый человек по дороге, предается унынию и вдруг слышит:

— Как поживаешь, Веселый человек?

— Я не Веселый, я Унылый…

— Значит, почти веселый. — Незнакомец подошел к Унылому человеку и похлопал его по плечу. — Тут главное не ошибиться в синонимах. Например: «унылый» и «печальный». Раз ты унылый, значит ты…

— Печальный, — печально вздохнул Унылый человек.

— Правильно! Синонимы — великая вещь. Идем дальше. Как тебе нравятся «печальный» и «жалкий»? Ведь это, согласись, тоже синонимы: печальная участь не лучше жалкой участи.

— От этого не легче, — вздохнул Унылый человек.

— Погоди, сейчас полегчает. Это тебе не что-нибудь, а синонимы! Когда мы говорим о жалких крохах судьбы, разве это не ничтожные крохи? Вот видишь! А ничтожный повод можно назвать смехотворным поводом. Значит, «ничтожный» и «смехотворный» — тоже синонимы. А ведь «смехотворный» — это почти смешной. Когда мы что-то из себя строим, наши смехотворные потуги можно назвать смешными потугами. — Незнакомец помолчал. — Вот какая история. Смешная история. А можно сказать — веселая история. Потому что «смешной» и «веселый» — синонимы, этого никто не станет отрицать.

Тут незнакомец рассмеялся и не без основания: то, что так уныло начиналось, кончилось действительно весело и смешно.

— Вот видишь: всего несколько синонимов — и унылое стало веселым. Что ты скажешь на это, унылый веселый человек?

Унылый человек ничего не сказал, он только улыбнулся. Сначала уныло улыбнулся, потом весело.

И сразу все повеселело: деревья и дома стояли веселые, весело чирикали птицы, а дорога не брела уныло, а весело бежала куда-то вдаль, хотя, честно говоря, ей не хотелось убегать от такого веселого города.

И ни один человек в городе не унывал. Потому что стоит ли унывать, если между унылым и веселым всего несколько синонимов, которые нужно только уметь подобрать — и унылое

непременно станет веселым…

Ну, не без того, конечно, чтоб о чем-то задуматься, о чем-то вздохнуть… Ведь между унылым и веселым путь одинаковый туда и обратно…

СТРАНА МЕЖДОМЕТИЯ

Живут себе матушка с батюшкой, в почтении друг к другу живут, и добра у них хватает, и беды они не знают. Только нет уже того, что было. То, что было — тю-тю! — говоря языком далекой страны Междометии.

А ведь когда-то — э! ого! эге-ге! Теперь такого нет, у нас теперь разговоры членораздельные: раздельно матушкины, раздельно батюшкины. И нет уже прежней неразумности: ах! ой! хи-хи! А также: бах! трах! шарах! Где она теперь — горячая, неразумная, бесшабашная страна Междометия?

— Молодые мы были… Такие молодые — беда!

Не потому беда, что молодые, БЕДА — это просто такое междометие. В стране Междометии и беда не беда…

— А ты какая была… Мать честная!

Не потому, что мать прежде была честная, а теперь не честная. МАТЬ ЧЕСТНАЯ — это тоже такое междометие.

— И жили-то как! Мое почтение!

Почтение, положим, у них и сейчас, но это уже не то, что было, без эмоций. Прежнее МОЕ ПОЧТЕНИЕ было междометием и выражало не то чтобы почтение, а просто… как бы это получше выразиться… ФУ-ТЫ, НУ-ТЫ! ОГО-ГО! ОЙ-ОЙ-ОЙ!

Как вспомнишь — ну прямо-таки нет слов! Никаких слов, кроме междометий…

— Айда, батюшка, в нашу Междометию!

— Добро!

Оставили нажитое добро, променяли его на другое ДОБРО, содержащее не богатство, а всего лишь согласие. Потому что в стране Междометии согласие больше ценится, чем богатство.

И — пошли.

А куда идти-то? Где дорога в страну, где и добро не добро, и беда не беда, и сами мы не те, а другие?

Может, ее и нет, этой дороги. Может, в страну эту мы никогда не придем… Но пока мы идем, мы становимся другими…

— БАТЮШКИ!

— МАТУШКИ!

Видите: мы уже другие. Мы опять междометия, как были в далекие нечленораздельные времена…

Потому что чувства наши остаются при нас, даже когда мы выходим в солидные имена — существительные, прилагательные, наречия и глаголы. Нужно только дать им простор — и они поведут нас в страну Нашей Молодости, поведут без всяких дорог, потому что обратно в молодость — нет дороги…

ПЕСЕНКА ОБ ОРФОЭПИИ

Не зная орфоэпии
Во всем великолепии,
Не ощутишь ее волшебных чар.
Жизнь кажется кошмаром,
Когда одним ударом
Не то, что нужно, ставят под удар.

Возил не ш**о**фер, а шофёр
Не ф**а**рфор, а фарф**о**р.
Был оглашен не пр**и**говор —
Судебный приго**в**ор.
Ушел шофёр на многие
Не л**е**та, а лет**а**,
И дверь за ним не з**а**перта
Была, а заперт**а**.

Ошибка в ударении
Граничит с преступлением,
Пускай запомнит это млад и стар.
Ни молодым, ни старым
Нельзя одним ударом
Не то, что нужно, ставить под удар.

Строгал не ст**о**ляр, а столя**р**,
Но д**о**ску — не доск**у**.
И слушал в одиночестве
Не «Т**о**ску», а тоск**у**.
Ушел столяр на многие
Не л**е**та, а лет**а**,
И дверь за ним не з**а**перта
Была, а заперт**а**.

Не зная орфоэпии
Во всем великолепии,
Ты не услышишь голоса фанфар.
Умолкнут все фанфары,
Когда одним ударом
Не то, что нужно, ставят под удар.

Потомки древнего глагола

ПРОШЕДШИЕ ВРЕМЕНА

Сидят на завалинке три бывших глагола, ставшие на старости лет частицами, и вспоминают прошедшие времена. Много их было, времен: и просто прошедшее, и давнопрошедшее, и еще не совсем прошедшее, — до десятка одних прошедших времен набиралось.

— Были, слышь, времена… Хоть бы это… как его бишь?

— Вишь, чего вспомнил… Прошедшие времена — дело прошедшее. Теперь, вишь, ни давнопрошедших, ни этих… как их бишь?

— Чего бишь, чего бишь? Я эти, слышь, времена наперечет помню. Особенно это… как его бишь?

Да, были времена… И просто прошедшее, и давнопрошедшее, но однако еще не совсем… А теперь на всех одно прошедшее время, на всех, слышь, одно прошедшее время… Вишь, как оно получается, вздыхают глаголы… как их бишь?

БИШЬ, ВИШЬ и СЛЫШЬ. В прошедшем глаголы, в настоящем частицы, служебные слова. Сидят они на завалинке и вспоминают прошедшие времена глагола. И прошедшие, и давнопрошедшие, и еще не совсем прошедшие… Не совсем ли?

Да, хорошо иметь побольше прошедших времен, чтоб потом, в будущем, было что вспоминать…

МОЛОДОСТЬ ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОГО ЗНАКА

Когда-то, в далекой молодости, Восклицательный Знак назывался Удивительным Знаком, и тогда он умел удивляться, а теперь — только восклицать.

СМОТРИТЕ В КОРЕНЬ!

Полюбил Заурядный Восхитительную. Сам на рядне спит, рядном укрывается, а ей наряды покупает.

Хоть и Заурядный, а Порядочный.

Потому что и ЗАУРЯДНЫЙ, и ПОРЯДОЧНЫЙ, и НАРЯД, и РЯДНО — все это слова одного корня.

А Восхитительная все норовит побольше ухватить, на всякие хитрости идет, чтоб удовлетворить свои хищные аппетиты.

Потому что и ХИЩНЫЕ, и ХИТРОСТИ, и даже, в сущности, глагол УХВАТИТЬ — все это слова того же корня, что и она, ВОСХИТИТЕЛЬНАЯ.

Нужно все-таки в корень смотреть. Тогда не будешь на рядне спать, рядном укрываться.

БИОГРАФИЯ СЛОВА

Удивительные у слов биографии! Очень краткие в этимологических словарях, в жизни они растягиваются на тысячелетия. Посмотришь на слово через тысячу лет — и не узнаешь: неужели оно таким было в молодости? Неужели могло означать такое?

Например, слово ГВОЗДЬ когда-то обозначало лес. Невероятно! Деревья росли в гвозде, звери жили в гвозде, а люди ходили в гвоздь по ягоды и на охоту. И гвоздь зеленел и шумел своими вершинами и чувствовал себя гвоздем всего этого леса, который в то время назывался не ЛЕС, а ГВОЗДЬ.

А потом что-то произошло — в краткой биографии этого не расскажешь. Может, вырубили лес, может, просто ему подобрали другое название, только ГВОЗДЬ стал обозначать уже не лес, а всего-навсего одно дерево. И все же он зеленел, хотя и не так пышно, как прежде. И укрывал прохожих в своей тени, и наполнялся по весне птичьим щебетом.

Может быть, срубили это дерево. Может, решили, что ему не подходит название ГВОЗДЬ. Известно лишь, что у ГВОЗДЯ отобрали дерево и оставили ему одну-единственную ветку. И хотя на ветке не развернешься, ГВОЗДЬ обозначал ее добросовестно, вкладывал всего себя в обозначение этой ветки.

Но со временем и ветку у ГВОЗДЯ отобрали, а ему оставили только острый ее конец. И даже не ветки, а какой-то щепки, простой деревянной палочки. И все же это была деревянная палочка, она была частью дерева, частью леса…

Однако и здесь, на этом конце, ГВОЗДЬ продержался недолго. Его отстранили от конкретно деревянного и поручили ему обозначать просто острие. Неизвестно какое. Просто что-то остро отточенное.

Но ГВОЗДЬ и тут не унывал. Хотя у него отобрали все предметы, которые он когда-то обозначал, и оставили ему только отвлеченное название, — он не падал духом. Качество — так качество. Главное, чтоб оно было высоким.

И тогда стало ясно, что не стоит тратить такое опытное слово на обозначение отвлеченного понятия, и ему поручили обозначать гвоздь. Маленький, но вполне конкретный участок работы.

Конечно, это было не то, что когда-то прежде. Теперь никто не ходил в гвоздь по ягоды и не укрывался в его тени. И тогда ГВОЗДЬ вот что придумал: он дал свое название цветку, чтобы оно вернулось в лес хоть цветком, раз не может вернуться деревом или лесом.

Правда, ГВОЗДИКА до леса не дошла. Может, потому, что лес вырубили, а может, потому, что ей, культурному растению, было непривычно и боязно жить в лесу, но гвоздика поселилась в саду. Это тоже неплохо. Сад чем-то напоминает лес: он зеленеет, как лес, и так же шумит вершинами…

ЭТИМОЛОГИЯ

У каждого слова есть своя родословная, которая не всегда совпадает с современным значением слова.

Родословная может быть — хоть куда!

А значение — совсем никудышным.

КОГДА ЛЮБОЙ БЫЛ ЛЮБИМЫМ

Давно это было. Еще в те времена, когда ГОРДЫЙ был глупым, МАСТИТЫЙ — жирным, а ВЕЖЛИВЫЙ не был таким вежливым, как сейчас, он был просто опытным, и, возможно, опыт научил его вежливости. А УПРЯМЫЙ был прямым (может быть, потому, что у него еще не было опыта).

И жил тогда в одном городе ГОРДЫЙ и МАСТИТЫЙ боярин, который был попросту глупый и жирный, но, как и любой, считал себя достойным любви, потому что слово ЛЮБОЙ в то время означало — любимый.

Взял себе в жены боярин тихую девушку…

ТИХАЯ в то время означало прямая. И УПРЯМАЯ означало прямая. Так что девушка была тихая, но упрямая.

Живут они себе, поживают. Он для нее все равно что любой, она для него все равно что любая. Хорошая семья.

И тут зачастил к ним в гости вежливый молодой человек. ВЕЖЛИВЫЙ тогда еще означало опытный, так что был этот гость, как говорится, из молодых да ранний. На вид он был вполне ПРИЛИЧНЫМ (то есть, похожим на всех остальных), а если заводил иногда пошлые разговоры, так ведь ПОШЛЫЕ в то время означало — обычные. А главное, он был ТОЩИЙ, и этим нравился боярской жене. Стала она его из окошка выглядывать.

Сначала муж в своей ГОРДОСТИ этого не замечал, а потом его осенило: когда молодой человек у них в доме, жена никого не выглядывает из окна, а когда его нет… Так вот, значит, кого она выглядывает!

— Ты никак этого тощего выглядываешь? — намекнул муж.

— Его. — Жена была ТИХАЯ, то есть прямая.

— Ой, гляди! — покачал боярин ГОРДОЙ головой. — С ТОЩИМ свяжешься — горя не оберешься.

Не послушала жена мужа. Выглядывала, выглядывала своего тощего, а в одну прекрасную ночь выпрыгнула из окошка и сбежала с тощим в другой город.

И там, как ее муж и предсказывал, горя не обралась. Потому что слово ТОЩИЙ в то время означало пустой (сейчас это трудно понять — разве что на тощий желудок).

А ГОРДЫЙ и МАСТИТЫЙ боярин женился на ЛЮБОЙ. И был счастлив с ЛЮБОЙ. Потому что ЛЮБАЯ в то время означало — любимая.

ПАН ИЗ ГРЕЦИИ

Прибыл ПАН издалека, из самой Греции. В то время у нас хватало панов, и они приняли гостя по всем правилам гостеприимства.

— Располагайтесь, мол, чувствуйте себя паном. У нас было бы кому кланяться, а кому кланяться — найдется.

Пригнали к нему всяких слов: и глаголов, чтоб за него действовать, и второстепенных слов всевозможных, чтоб было кем ПАНУ управлять, чтоб было кому к ПАНУ примыкать и чтоб было кому с ПАНОМ согласовываться.

Но ПАН (странные манеры — или так все поступают в Греции?) прицепится к одному слову — не оторвешь. Ему бы от простых слов держаться подальше, а он что делает? Причем, заметьте: ему неважно, какое слово. Со СЛАВЯНСКИМ он ПАНСЛАВЯНСКИЙ, с ГЕРМАНСКИМ — ПАНГЕРМАНСКИЙ, с АМЕРИКАНСКИМ-ПАНАМЕРИКАНСКИЙ.

Долго не могли разобраться, что это за такой ПАН: славянский, германский или американский. Тем более, что прибыл-то он к нам — из Греции.

Потом уже разобрались, что греческий ПАН — это просто греческая приставка. А мы-то его в самостоятельные слова! Вот до чего доводят правила гостеприимства, когда нарушаются грамматические правила!

Тут кстати время панов кончилось, и ПАН мог спокойно работать приставкой, как другие бывшие паны. Работы у него не слишком много, но — язык есть язык. Тут было бы кому говорить, а кому говорить — найдется.

ОТ УБЫТКА К ИЗБЫТКУ

Когда-то в слове УЙМА корень — ИМ- вел довольно жалкое существование, потому что слово УЙМА обозначало недостачу. Не избыток, как оно обозначает сейчас, а, наоборот, недостачу.

И это при том, что в других словах корень — ИМ- жил припеваючи. Например, в слове ИМУЩЕСТВО. Или просто ИМЕТЬ.

Недаром говорят: с кем поведешься, от того и наберешься. Иногда наберешься, а иногда лишишься последнего. Повелся корень с приставкой У- и лишился всего, что имел: приставка оказалась отрицательная, все отрицала.

Уговаривал ее корень, убеждал, увещевал, а она — упиралась. Когда привыкнешь все отрицать, нелегко перейти от отрицания к утверждению.

Но — с кем поведешься, от того и наберешься. Повелась приставка У- с корнем — ИМ-, для которого самое главное в жизни — иметь побольше, и все чаще стала задумываться: а стоит ли отрицать — себе в убыток?

Недостача есть недостача. Постоянная недостача кого не вразумит? И приставка У- и сама не заметила, как постепенно перешла от отрицания к утверждению. И даже к усилению.

Теперь в слове УЙМА приставка У- не отрицательная, а усилительная. И до того с корнем слилась, что ее даже не считают приставкой.

И пусть не считают. Зато слово ее обозначает избыток, изобилие, а это уже не то, что недостача. Другая жизнь, другое значение.

Да и корень — ИМ-, который прежде в слове УЙМА одни убытки терпел, живет теперь лучше, чем в каком-нибудь ИМЕНИИ или ИМУЩЕСТВЕ. Потому что имение может быть и маленьким. И имущество может быть маленьким. А УЙМА может быть только очень большой.

ДОБРЫЙ КОРЕНЬ

То, что ДОБРЫЙ и ДОБЛЕСТНЫЙ одного корня, весьма обнадеживает. Значит, проявит еще свою доблесть доброта и не лишится доброты доблесть…

К сожалению, есть и третье слово того же корня: УДОБНЫЙ. Не всякий ДОБРЫЙ и ДОБЛЕСТНЫЙ может перед ним устоять.

ПОТОМКИ ДРЕВНЕГО ГЛАГОЛА

Жил в старину глагол БУКАТИ. Сам-то он давно исчез, но дело его на земле осталось. Это об этом деле сейчас говорят:

— Не гуди так нудно и назойливо!

А раньше говорили кратко:

— Не букай!

Ну, понятно, дело не какое-нибудь выдающееся, но главное, что глагол при деле. При действии. А пока ты при действии, можешь чувствовать себя полноценным глаголом.

Однако, если уж ты глагол, думай не только о настоящем времени, но и о будущем, чтобы и в будущем какую-то часть себя сохранить…

Вот от таких мыслей и появились у глагола БУКАТИ двое отпрысков: большенький БЫК и меньшенькая БУКАШКА. Брат и сестра, и, хоть между собой не так чтобы и похожи, оба в папашу гудят: один грубо, другая тоненько, но одинаково нудно.

Букал на них старый глагол, воспитывал:

— Ты, БЫК, стал настоящим скотом, а ты, БУКАШКА, что называется, насекомое. Горе мне с вами на старости лет.

Ну, дети не молчали, отбукивались каждый как умел: один грубо, другая тоненько. Так и букали друг на друга, кто кого перебукает. А что толку? Один как был, так и остался скотом, а другая не пошла дальше насекомого…

Потомки наши… Они ведь потомки не только потому, что родятся пот**о**м, а больше потому, что родительским п**о**том кроплены… А букают как! Послушать только, как они на родителей букают! И глагола этого — БУКАТИ — давным-давно на свете-то нет, а они все равно букают. Находят глаголы!

НАВСТРЕЧУ ВРЕМЕНИ

В наши древние времена мы были юными и новыми, а теперь мы стали древними — в новые времена. Чем времена новее, тем мы древнее… Видно, у нас и у времени пути разошлись…

Конечно, вы меня не узнаете, и я вас не узнаю. Столько воды утекло — как тут узнаешь друг друга?

Припоминаете? Древний Восток. Заседание государственного совета. И происходит это заседание в ДИВАНЕ. ДИВАНОМ тогда называли просторный зал, самый большой зал во всем сарае. Сарай, чтоб вы знали, это не теперешний сарай. САРАЕМ тогда называли дворец… Вот я и был ДИВАН в этом САРАЕ. Или, может, я был САРАЙ, в котором находился ДИВАН?

Наверно, я был ДИВАН, потому что с Востока переехал в Европу, надеясь, что во мне будут заседать мудрецы. Не во мне, конечно, а в зале, который я, как слово, буду обозначать. А чем я стал в Европе? Комнатой для приема гостей… Или заезжим двором? Нет, заезжим двором я стал, если был САРАЕМ, и не в Европе, конечно, а у татар.

Если я был ДИВАНОМ, то я хоть Европу повидал. Бродил, бродил, пока не забрел во Францию. Культурная страна, но меня опять загнали в комнату для гостей, причем обозначал я уже не комнату, а всего лишь мебель. Мебель этой комнаты называли обобщенно: ДИВАН.

А может, я попал во Францию от татар? Это в том случае, если я был САРАЕМ. И обозначал я во Франции не заезжий двор, а обыкновенный сарай. Такой, какими сейчас бывают сараи…

Пожалуй, все-таки я был ДИВАНОМ, обозначал мебель в комнате для приема гостей. А потом побрел дальше — в надежде, что где-то должен же быть государственный совет, которому негде проводить свои заседания, потому что нет названия для зала заседаний… Я надеялся снова обозначать этот зал, а вместо этого — вот что я обозначаю… Обыкновенную лежанку. И эту лежанку называют ДИВАН!

Да нет, ничего, скриплю помаленьку… А вы не скрипите? Теперь нам только скрипеть… Набродились мы по свету и все, видать, не в ту сторону… Время туда, а мы сюда… Скрипим, скрипим, и все сюда, в обратную сторону… Потому что у нас со временем пути разошлись…

КОРЕНЬ ПАМЯТИ

Было и быльем поросло…

Есть на свете такая трава, которой порастает все, что забывается. Одна травинка — это былинка, а много травинок — былье, так же, как много ворон — воронье… И былье слетается, как воронье, на то, что было когда-то, покрывает его сплошной, непроглядной травой забвенья. Не пробиться сквозь эту траву, не увидеть неба, виденного когда-то; его плотно закрыло былье — не заросли былинок, а заросли былого, прошлого.

У былья-травы и былья-прошлого общий корень, — может быть, потому, что трава на земле недолговечна, она сама уходит в прошлое, — былье уходит в былье…

И общий корень у былья и забвения. Потому что все, что уходит в прошлое, порастает забвением, быльем.

А что может удержать от забвения?

Только память.

У памяти корень другой.

Корень памяти означает: мыслить.

Поэтому тот, кто мыслит, не порастает быльем. Тот, кто мыслит, надолго сохраняется в памяти…

ЗЕЛЕНЫЙ И ЖЕЛТЫЙ

ЗЕЛЕНЫЙ того же корня, что и ЖЕЛТЫЙ.

Грустно думать об этом весной, но зато весело думать об этом осенью…

А какая пора самая лучшая? Какая самая золотая пора?

У ЗЕЛЕНОГО и ЖЕЛТОГО тот же корень, что у ЗОЛОТОГО…

ДВОЙСТВЕННОЕ ЧИСЛО

Когда Единственное Число затоскует в своем одиночестве, а Множественному, в тесноте и сутолоке, захочется побыть одному, они вспоминает о Двойственном Числе, которого давно уже нет в грамматике, но которое, может быть, только и было в ней по-настоящему счастливым.

Два конца, два кольца, посередине гвоздик… Дело не в гвоздике этом самом — мало ли что между двумя посередине случается! — а в том, что когда двое, как-то не чувствуешь одиночества… И тесноты не чувствуешь… Потому что — вдвоем…

Два сапога пара… Два друга — хомут и подпруга… Тут и хомут не хомут, а венец свадебный, а подпруга — такая подруга, с которой не страшен самый далекий путь… Может быть, Двойственное — именно то число, которое грамматике нужно для счастья?

Но оно ушло, исчезло, сгинуло: счастье ведь не бывает долгим. И остались в грамматике лишь Единственное Число в своем одиночестве и Множественное — в своей тесноте…

Но — откройте пошире глаза… Посмотрите на леса, на луга, на облака… особенно на то, как они пишутся. Разве лесА, лугА, облакА, да и те же глазА не напоминают вам Двойственное Число? Два лесА, два лугА, два облакА, два глазА? Ведь во Множественном должны быть лесЫ, лугИ, облакИ, глазЫ. Такими они и были много столетий, пока не воскресла в них форма Двойственного, тоска по Двойственному, давным-давно исчезнувшему и забытому Числу…

Потому что в жизни ничто не забывается и ничто не исчезает,

И когда вы говорите: шоферА, инженерА, прожекторА, — вы, конечно, грамматически ошибаетесь, но по-человечески вас можно понять. Это тяга к Двойственному Числу, которого не могут заменить ни одиночество Единственного, ни суета и теснота Множественного, — вечная наша тяга к Двойственному Числу, без которого даже грамотный человек не может быть достаточно счастлив.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Из слова изъяли букву. Устранили, убрали, а может, украли, прикарманили, возможно, разбазарили, профинтили, а то и просто угробили. Такое тоже бывает.

Короче: изъяли букву, и в слове тотчас обнаружился определенный изъян. И вот по этому делу было начато следствие.

Рядом стоящие буквы, разумеется, ничего не видели и не знали. Да, стояла какая-то буква. Нет, близко знакомы не были. Мало ли какие буквы рядом стоят. Еще чего — отвечать за целое слово!

Ну, изъяли. Ну, получился изъян. Может, он получился совсем не от этого. Ведь этот самый ИЗЪЯН происходит не от глагола ИЗЪЯТЬ, у него совсем другое этимологическое происхождение. Он у нас от тюрков, это тюркский изъян. С какой стати нам отвечать за чужие изъяны?

Уворовали букву?

Прикарманили?

Разбазарили?

Все это от тюрков: и ВОР, и КАРМАН, и БАЗАР. У нас до тюрков таких слов и в помине не было.

С тюрков спрашивайте.

А мы и без этой буквы проживем.

Что у нас — мало букв? Мало слов?

На наш с вами век — вполне достаточно.

Пусть тюрки переживают. У них, у тюрков, ИЗЪЯН означает вред. А у нас он так, недочет. Небольшой недостаток.

ПОСЛЕДНЯЯ БУКВА В АЛФАВИТЕ

Личное местоимение первого лица единственного числа было когда-то первым и в алфавите. Называлось оно тогда АЗ.

Когда АЗ появился в алфавите, он еще не знал: будет ли что-нибудь после него? И все время гадал: будет или не будет?

Вот это самое «будет или не будет?», по-старинному — БУКИ, и стало второй буквой алфавита.

Так за первым лицом, утвердившим в алфавите себя, сразу появилось сомнение: а стоит ли еще что-нибудь кроме себя утверждать? Будет из этого толк или не будет?

Эти сомнения пытались развеять три следующие буквы: ВЕДИ, ГЛАГОЛЬ и ДОБРО.

— Веди и глаголь добро! — говорили они, что означало: — Знай и провозглашай добро!

— А стоит ли провозглашать добро? — сомневался АЗ, потому что за ним стояла эта недоверчивая БУКИ. — И что такое добро?

— Добро есть жизнь, — отвечали ему стоявшие дальше соседи по алфавиту: ДОБРО, ЕСТЬ и ЖИЗНЬ.

Гм! Значит, жизнь — это добро, и АЗ должен провозглашать добро, — размышлял АЗ. Но тут опять вмешивалась эта настырная БУКИ, и его опять одолевали сомнения: «Но почему именно АЗ? Кому нужно это добро, пусть те его и провозглашают!»

— Да мысли ты, как все люди! — возмутились три буквы, стоявшие в алфавите одна за другой: КАКО, ЛЮДИ, МЫСЛЕТЕ.

— И перестань колебаться, будь тверже в суждениях! — высказались * еще три буквы: РЦИ, СЛОВО, ТВЕРДО.

Но АЗ не мог речь слово твердо, потому что рядом с ним стояла эта самая БУКИ, которая не верила ни в жизнь, ни в добро и отделяла АЗ от всего остального алфавита.

И тогда личное местоимение первого лица единственного числа перевели в конец алфавита, чтобы все, во что оно не верило, было у него перед глазами. И увидев это все перед глазами, АЗ сначала смягчился, потом потерял свое З и превратился в букву Я, самую последнюю в алфавите.

СТАРЫЙ ЮС

Когда-то был такой Гласный.

Гласный с оттенком Согласного.

В какой-то степени Гласный, но в какой-то степени и Согласный.

Совершенно исчез из языка из-за тщетных попыток примирить в себе согласие с несогласием.

ПЕСЕНКА О БУКВАХ, ВЫШЕДШИХ ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЯ

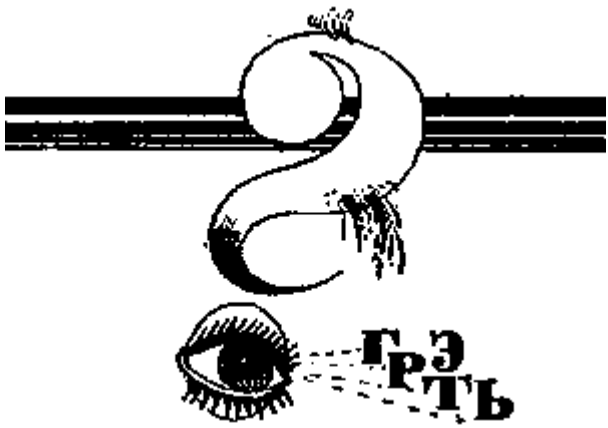
В любой старинной книжице
Ты сможешь прочитать:
Жила на свете Ижица,
А с нею буква Ять.

Но время быстро движется,
И жизнь уже не та.
Где нынче буква Ижица?
Где Ять? И где Фита?

Без них правописание
Сумело обойтись.
Новейшие издания
Без них вступают в жизнь.

Уж так на свете водится.
Как говорил мудрец:
Когда без нас обходятся,
То значит, нам конец.

Как увидеть зверя Грэтя? (Стихи для грамматического разбора)



СТИХИ О СКРЕЛЕ

Нет стихов о звере Скреле.
В чем же дело?
В чем секрет?
Есть стихи о бегемоте,
Есть стихи о кашалоте,
О еноте,
О койоте…
А стихов о Скреле — нет.

Как-то раз одна горилла
Проходила через Нил
И в пучину угодила.
Спас гориллу крокодил.
И молва о крокодиле
Облетела целый свет.
Есть молва о бегемоте,
Есть молва о кашалоте,
О еноте,
О койоте…
А молвы о Скреле — нет.

Две отважные улитки
По дороге длинной шли.
Захотели две улитки
Обойти вокруг земли.
И об этих двух улитках
Написал в стихах поэт —
Лучше, чем о бегемоте,
Лучше, чем о кашалоте,
О еноте,
О койоте…
А стихов о Скреле — нет.

Целый день без передышки,
От рассвета дотемна,
Рыла, рыла норку мышка
Для бездомного слона.
И об этой доброй мышке
Будут помнить много лет —
Больше, чем о бегемоте,
Больше, чем о кашалоте,

О еноте,
О койоте…
А о Скреле помнят?
Нет…

Нет стихов о звере Скреле.
В чем тут дело?
В чем секрет?
Нет стихов о звере Скреле,
Потому что Скреля нет.
Просто нет такого зверя,
Нет в природе, верь не верь.
Жаль, что нет на свете Скреля,
Был бы он хороший зверь.

Он бы тоже спас гориллу,
Обошел весь белый свет,
Для кого-то норку вырыл,
Если б был.
Но Скреля — нет.
Очень многих нет на свете,
А они бы быть могли.
Нет на свете
Зверя Грэтя,
Нет на свете
Птицы Флетти,
Нет на свете
Рыбы Снети
И лягушки Кемберли..
Потому и неохота
Мне писать про бегемота,
Про енота, кашалота, —
Я б хотел о них забыть,
Чтоб писать о звере Скреле,
Хоть и нет такого зверя,
В мире нет такого зверя,
Нет нигде…
А мог бы быть!

КАК НА НЕБО ЗАБРЕЛИ КЕМБЕРЛИ И БЕРКЕМЛИ

Лягушка Кемберли,
Которой нет на свете,
И жаба Беркемли,
Которой нет на свете,
Решили как-то летом
Увидеть белый свет
И побрели по свету,
Где их на свете нет.

Они брели, брели
И день, и два, и двадцать,
Брели и не могли
Никак налюбоваться:
Зеленые просторы,
Сиреневый рассвет,
Леса, поля и горы,
Где их на свете нет.

Среди красот земли
Веселые подружки
Сначала просто шли,
Как жаба и лягушка,
А после полетели
За облаками вслед.
А что им, в самом деле?
Ведь их на свете нет.

Лягушка Кемберли
Летит по небу птицей.
И жаба Беркемли
Летит по небу птицей, —
Чтоб, в небе их заметив,
Мог убедиться свет,
Что есть они на свете.
Хоть их на свете нет.

КАК РЫБА СНЕТЬ ПРЕДАВАЛАСЬ РАЗМЫШЛЕНИЯМ

Размышляла
Рыба Снеть,
Как попала
Прямо в сеть:
«Различайте,
Господа,
Где вода,
Где не вода.
Ведь нередко
Не вода
Это, детки,
Невода».
Размышляла б
Раньше Снеть,
Не попала б
Нынче в сеть.

КАК УВИДЕТЬ ЗВЕРЯ ГРЭТЯ?

Каждый ищет зверя Грэтя,
Всем на свете нужен Грэть,
Все мечтают Грэтя встретить,
Чтоб на Грэтя посмотреть.
И не только посмотреть,
Но и поучиться:
Косолапости — медведь,
Хитрости — лисица.
Бык мечтает стать рогатым,
Как Грэть.
Тигр — таким же полосатым,
Как Грэть.
Слон — большим,
Осел — упрямым,
А жираф, конечно, самым,
Самым, самым длинношеим,
Как Грэть.

Ищут звери зверя Грэтя
Утром, вечером и днем,
Каждый ищет зверя Грэтя,
Чтоб себя увидеть в нем:
Слон — слона,
Лиса — лису,
А медведь — медведя.
Чтоб воскликнули в лесу
Добрые соседи:
— Ах, какой же он рогатый!
Как Грэть!
— Ах, какой он полосатый!
Как Грэть!
— Ах, какой же он упрямый!
— Ах, какой он самый-самый —
Самый-самый-самый-самый…
Как Грэть!
Ищут звери зверя Грэтя:
— Где ты, Грэть?
Ау!
Ау!
Светлячки друг другу светят,
Перерыли всю траву.
Ищут звери зверя Грэтя,
Только время зря губя.
Как увидеть зверя Грэтя,
Если видеть лишь себя?

ПТИЦА ФЛЕТТИ ПРИНИМАЕТ ГОСТЕЙ

Однажды птица Флетти
Давала званый сон.
Накрыл поляну ветер
На тысячу персон.
И в ароматном свете
Прохладной тишины
Хозяйка птица Флетти
Показывала сны.
Таких вам снов не видывать —
Ну, разве что во сне!
И мне таких не выдумать
В прохладной тишине.
Певуче-шелковистые,
Пахуче-серебристые,
Кипуче-голосистые —
Все выстроились в ряд.
И ну плясать, кружиться,
Резвиться, веселиться…
Эй, птица, что ж вы, птица?
Ведь ваши гости спят!
Лежат себе вповалку —
Вся тысяча персон.
Их не разбудишь палкой,
Такой сморил их сон.
И что им краски эти
Прохладной тишины?
Напрасно вы им, Флетти,
Показывали сны.
Им красота созвучий,
Соцветий не нужна…
Какой банальный случай:
Уснуть во время сна!

РЫБА СНЕТЬ БЕЖИТ ИЗ СЕТИ

Потащили рыбу Снеть
Из родной воды на берег.
Чтоб порвать тугую сеть,
Притворилась рыба зверем.
Прорычала рыба:
— Р-р-р-р-р-р-ы!
Нет ли здесь большой дыр-р-ры?
А когда нашлась дыра,
Рыба крикнула:
— Ур-р-р-р-ра!

Все в порядке.
Путь открыт.
Рыба по дороге
Побежала, сделав вид,
Что имеет ноги.
Мягко стелются поля
Под ее ногами.
Вдруг окончилась земля:
Хлоп! — и рыба в яме.
Только к небу пыль взвилась.
Не робей, подружка!
Если зверем назвалась —
Полезай в ловушку!
Сверху стало вечереть,
В яме не сидится.
И решила рыба Снеть
Притвориться птицей.

Все в порядке.
Путь открыт.
Легким вольным стилем
Взмыла птица, сделав вид,
Что имеет крылья.
Полетала,
Полетала,
Вдруг крыло в силке застряло.
И вздохнула рыба Снеть:
«От себя не улететь…»
И, повесив два крыла
На высокий ясень,

Потихоньку побрела
Рыба восвояси.
Видно, это не пустяк —
Обмануть природу.
И решила рыба так:
— Лучше — прямо в воду!

ПЕСЕНКА О ЛЯГУШКЕ КЕМБЕРЛИ И ЖАБЕ БЕРКЕМЛИ, А ТАКЖЕ О ЛЮБВИ КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ

Кемберли и Беркемли
Пели песни о любви,
Потому что соловьи
Замолчали.
И со всех концов земли
Приплывали корабли,
Приплывали каравеллы
Печали,
Каравеллы королевы,
Королёвы корабли —
Кто направо,
Кто налево
Королевство разнесли:
Направо скипетр,
Налево трон.
Ах, посмотрите,
Какой урон!

Кемберли и Беркемли
Пели песни, как могли,
Не имея ни таланта,
Ни слуха.
Потому что там, вдали,
Где-то плыли корабли,
Где-то плыли каравеллы
Разлуки.

Каравеллы королевы,
Королёвы корабли —
Кто направо,
Кто налево
Королевство разнесли.
Тебе столица,
А мне дворец.
Как говорится,
Любви конец.

Но старалась Кемберли,

Надрывалась Беркемли,
Хоть и пели о любви
Неумело.
И, смотрите, там, вдали,
Повернули корабли
И на прежний курс легли
Каравеллы.

Каравеллы королевы,
Королёвы корабли,
Покидая воды гнева,
Плыли к пристани любви.
И все заботы
Уже не в счет…
Ах, кт**о** там, кт**о** там,
Кто т**а**к поет?

И, услышав о любви.
Вновь запели соловьи.
Где ж вы были, соловьи,
Что ж молчали?
А лягушка Кемберли
Вместе с жабой Беркемли
Уходили почему-то
В печали.

Каравеллы королевы,
Королёвы корабли,
Отзовитесь, где вы, где вы,
На каком краю земли?
Но повсеместно
Звучит в ответ:
Где все чудесно,
Там наших нет.

О ПТИЦЕ ФЛЕТТИ, КОТОРАЯ ТАК И НЕ НАУЧИЛАСЬ ЛЕТАТЬ

На рассвете,
Прогуливаясь по балкону,
Птицу Флетти
Окликнула птица Ворона.
И спросила Ворона,
Отвесив поклон:
— Птица Флетти,
Ответьте:
А где ж ваш балкон?
У меня, птица Флетти,
Пять тысяч балконов.
Сорок тысяч, заметьте,
Карнизов оконных.
Девятьсот пятьдесят
Телеграфных столбов
И пятьсот километров
Одних проводов.
Неудобно парить,
Понимаете сами,
Не имея совсем ничего под ногами,
Птица Флетти,
Вы, право, рискуете зря. —
И Ворона
Пошла по балкону,
Паря.
Птица Флетти
Плыла над землей, облаками,
Не имея совсем ничего под ногами.
Не имея опор
И насиженных мест,
Осыпаясь дождями
С высоких небес.
А потом в небесах
Загоралась огнями,
Не имея совсем ничего под ногами.
Не умея себя
В небесах удержать,
И летела на землю,
Опять и опять

Золотыми лучами,
Дождями,
Снегами,
Не имея совсем ничего под ногами.
Опадала закатом
В туманной дали,
Расшибаясь об острые
Камни земли.
И опять говорила
Ей птица Ворона,
Что парила
На крепких перилах
Балкона,
Наблюдая за тем,
Как восходит заря:
— Птица Флетти, вы, право, рискуете зря!

РЫНОК

На зверином рынке
Ни горшка, ни крынки,
Ни корзины,
Ни лукошка,
Ни витрины,
Ни окошка —
Просто лес.
От земли и до небес.
Но у лесных зверушек
Хватает суеты:
Менять рога на уши
И уши на хвосты.
С Жуком торгуется Медведь
Надеется разбогатеть.
С Вороной рядится Комар,
Нахваливает свой товар.
И тут же Заяц сдуру,
Извлечь надеясь прок,
С себя сдирает шкуру
За львиный коготок.
Идут усы
За гриву,
Идут носы
За шерсть…
Как трудно быть счастливым,
Имея то, что есть!

Однажды мимо рынка
Бежал, гуляя, Грэть.
А сам он — что картинка,
Приятно посмотреть;
Глаза,
Копыта,
Уши —
Все крупно,
В полный рост.
Как у бизона туша,
Как у павлина хвост,
Как у жирафа шея,
Как у верблюда горб.
И это все имея,

Он вовсе не был горд.
Он не рычал, не топал,
Как будто все — не в счет.
И скромно прятал хобот
Среди бульдожьих щек.
Увидел Грэтя Дятел —
И к дереву прирос.
И крикнул:
— Эй, приятель!
На что меняешь хвост?
Из норки выглянул Сурок:
— Сынок!
На что меняешь рог?
Неслышно подкатился Ёж:
— Иглу за хобот не возьмешь?
А толстобрюхий Бегемот
Открыто рявкнул Грэтю:
— Я для тебя такой живот
Имею на примете!
От нетерпения дрожа,
Кружа,
Оса жужжала:
— Дражжжайший!
Дружжжбой дорожжжа,
Я жжжало
Придержжжала!
И им сказал добрейший Грэть:
— Вы объясните внятно:
Зачем вам это все иметь?
Я все отдам бесплатно.

И призадумался Сурок:
Зачем ему какой-то рог?

И рассудил неглупый Ёж,
Что он без хобота хорош.

И спохватился Бегемот:
Отдать зазря такой живот!

А Дятел думал: «Суета!
Короткий или длинный,
Мне хватит моего хвоста.
Подумаешь — павлины!»

И сразу кончился базар:
Ворону отпустил Комар,
Медведь сказал, прозревши вдруг,
Жуку:
— А ты, я вижу, — жук!
И Заяц шкуру приберег,
Решив: «Менять не стану!»
Да, Зайцу львиный коготок,
Увы, не по карману.

И по горам, долинам
Неслась, ликуя, весть,
Что можно быть счастливым,
Имея то, что есть.

КАК ЛЯГУШКА КЕМБЕРЛИ НЕ ДАЛА ЗАМОРИТЬ ЧЕРВЯЧКА

Морили, ох, морили,
Морили червячка.
Морили-говорили:
— Заморим червячка!
Уже столы накрыли:
— Заморим червячка!
Уже ножи острили:
— Заморим червячка!
Не слышен в общем хоре
Один лишь червячок.
Ну, думает, заморят,
Им это пустячок.
Ну, думает, попался,
Попался на крючок.
Он так перепугался,
Заморыш-червячок!

Но мимо проходила
Лягушка Кемберли,
Которая гостила
На том краю земли.
Она пришла из дали,
Из-за лесов и гор,
И видела, как брали
Беднягу на измор.
Лягушка возмутилась:
— Умерьте вашу прыть!
Скажите-ка на милость:
Нашли кого морить!
Ты помори акулу,
Медведя помори! —
Лягушка подмигнула: —
Эх вы, богатыри!

На волю отпустила
Лягушка червячка
И, улыбнувшись мило,
Сказала всем: — Пока!
И шляпой помахала

Лягушка Кемберли.
И дальше пошагала,
К другим краям земли,
Где мышки, мошки, мушки
Дождаться не могли:
— Да где ж она, лягушка,
Лягушка Кемберли?!

Фрегат «Грамматика» (Страницы странствий)

Страны ближние,
Страны дальние,
Нас колышут мечты
Кругосветные.
За бортом у нас
Море Книжное,
Море Журнальное,
Море Газетное…
Ну как не стремиться
К тебе, глубина?
Открыта страница —
Открыта страна.

1

Книжное море, как и весь океан Печатной Продукции, неоднородно в разных местах: кое-где вода посолоней, а кое-где совсем пресная; кое-где попрохладней, а кое-где потеплей; кое-где воды много, а глубины никакой, а кое-где воды поменьше, зато глубина достаточная. И даже можно установить такую закономерность: чем меньше воды, тем больше глубины.

И кого только не встретишь в океане Печатной Продукции! Тут и любители серьезного чтения, которые спокойно проплывают мимо захватывающих владений Марго и Мегрэ в поисках какого-нибудь специального словаря или справочника; и любители книг для детей — для своих детей, потому что сами они, с тех пор как выросли, уже ничего не читают; и бесстрастные почитатели любовных романов; и страстные любители юмора, которого сами они лишены; и обожатели легкой, тяжелой и просто непосильной поэзии; и, наконец, самая многочисленная армия искателей приключений — не своих, а чужих приключений, в том числе и уже упомянутых Мегрэ и Марго.

К сожалению, любители серьезного чтения нередко тратят себя на чтение любовных романов, а любители непосильной поэзии — на юмор, который оказывается для них еще более непосильным". Любителям же приключений приходится искать их в жизни, так как на книжных полках приключений давно не найти.

— Кстати, вы читали Юлиана Сименона?

Достать Юлиана Сименона — дело совершенно немыслимое, его можно только выменять на Болеслава Пруса, да и то в тех кругах, в которых его не отличают от Марселя Пруста, совсем другого писателя. В тех же кругах за два комплекта «Саги о Форсайтах» можно получить один комплект Франсуазы Саган, за который вам не глядя дадут исходный комплект Юлиана Сименона. «Два Дюма» — за «Три товарища», «Три товарища» — за «Четыре танкиста и собака», «Четыре танкиста…» — за «Сто лет одиночества», «Сто лет одиночества» — за «Тысяча и одна ночь»…

Океан Печатной Продукции… Как приятно захлебываться в этом океане! Сидишь дома, а на стенах у тебя что? Когда-то в моде были обои, потом накат, потом снова обои. А теперь — стеллажи с книгами. Корешки ровненькие, выстроились, как солдаты на поверке:

— Жорж Санд!

— Есть!

— Эрнест Хемингуэй!

— Есть!

— Иоганн Вольфганг Гёте!

— Есть!

Гёте, правда, нет, но о нем никто не спросит.

Есть достоинства, которые у всех на виду, и достоинства, на которые никто не обращает внимания. Какая интересная книга, как она прекрасно написана, как шикарно издана, на какой отличной бумаге! Но кто обратит внимание на то, что в книге нет ни одной грамматической ошибки? Конечно, если ошибки есть, на них могут и обратить внимание, но если нет ошибок — о чем тогда разговор? Человек, который свято блюдет закон, совершенно неинтересен для уголовного кодекса.

Но кодекс есть кодекс, и в некоторые книги вклеиваются листочки скромного формата с напечатанными на них совестливыми признаниями: «Напечатано — следует читать». Это так называемые замеченные опечатки, которые помещаются в самом конце книги, чтобы дать возможность читателю, ничего не заметив, дочитать книгу до конца. Но есть любители, которые начинают книгу с конца, именно с замеченных опечаток. Оттуда, с конца, они отправляются в путешествие по указанным страницам, минуя страницы, на которых текст напечатан правильно.

В чем притягательность ошибки?

Если жанр, сюжет, стиль являются принадлежностью литературы и других видов искусства, то ошибка выходит далеко за пределы печатного и непечатного творчества и проникает во все виды человеческой деятельности (и не только человеческой: вспомните выражение ошибка природы).

Большинство словарей квалифицирует ошибку как неправильность в действиях, поступках, мыслях, высказываниях. Некоторые (увы, далеко не все) указывают на ее непреднамеренность и непроизвольность. Отдельные, проявляя интерес к этимологии слова, указывают на происхождение его от глагола шибать — «ударять». Но по кому ударяет ошибка — по тем, от кого исходит, или по тем, на кого направлена, не уточняется в словарях, а выясняется в каждом конкретном случае. Правда, выражение ударить лицом в грязь указывает на то, что ошибка способна замарать человека, но выражение из грязи в князи является некоторым утешением.

История ошибок отмечает любопытный факт: те, кто указывает на ошибки, пользуются меньшей симпатией, чем те, кто их совершает. Совершивший ошибку способен даже доставить радость, причем, не только тому, кто радуется чужим ошибкам, и тому, кто учится на ошибках, а совершенно постороннему

наблюдателю, для которого жизнь без ошибок скучна, а собственные ошибки, увы, незаметны.

Совсем иное отношение к людям, указывающим на ошибки. Они не овеяны той романтикой, какой овеяны люди, совершающие ошибки, лишены их понятной и естественной человечности, ибо, как верно подметили древние, человеку свойственно ошибаться. Если же человек не ошибается и, больше того, не дает ошибаться другим, его называют в интеллигентных кругах педантом и сухарем, в менее интеллигентных придирой и буквоедом, а в совсем не интеллигентных занудой и… впрочем, сказанного достаточно.

Ошибки бывают: судебные и врачебные, логические и механические, фактические, хронологические, оптические, орфографические, синтаксические, стилистические, а также ошибки молодости. Особняком стоят уже упомянутые ошибки природы, не имеющие к природе прямого отношения. Обычно так называют человека, постоянно совершающего все остальные ошибки.

По своей интенсивности ошибки бывают пустячными, незначительными, несущественными, простительными, поправимыми, допустимыми, серьезными, непростительными, непоправимыми и роковыми. Если ошибки молодости принято считать простительными, механические — несущественными, стилистические — допустимыми, хронологические — поправимыми, то судебные и врачебные ошибки могут быть непоправимыми и даже роковыми. Непоправимыми также бывают ошибки природы.

Из всего этого длинного перечня ошибок в данном случае нас интересуют ошибки орфографические и синтаксические. Это ошибки хотя и непростительные, но поправимые, и определенная категория людей постоянно занята тем, что их исправляет. Это их называют педантами, придирами и буквоедами; но мы их назовем иначе. Одного мы назовем Синтом, второго — Морфом. Синт — знаток синтаксиса, специалист по синтаксическим ошибкам. Морф — знаток морфологии, специалист по ошибкам орфографическим.

Итак…

Синт и Морф, знатоки всех писаных и неписаных законов правописания, вот уже много дней на своем бесстрашном фрегате «Грамматика» бороздили воды Книжного моря, покинув свои уютные грамматические кабинеты и вверив себя неспокойной, отпугивающей многих стихии, в которой безмятежная, дремотная гладь известных истин сменяется шквалом истин, менее известных, совсем не известных, а также совсем не истин, которые

в данном случае уместно назвать ошибочными истинами.

Что же толкнуло двух тружеников слова и предложения, двух поборников членов предложения и частей речи, двух адептов орфографии и пунктуации, — что же толкнуло их покинуть насиженные страницы учебников и окунуться в рискованные просторы непрограммной и нерегламентированной литературы?

Видимо, они слишком много сил потратили на борьбу с ошибками, и в их кабинетной, скорее теоретической, чем практической жизни им уже начало казаться, что весь мир состоит из одних ошибок, что в нем нет ничего, кроме ошибок, а значит, борьба с ошибками — бесполезная и бессмысленная борьба.

Действительно, сколько можно исправлять «прЕрода» на «прИрода»? Пора уже побывать на этой самой природе, присмотреться к ней, — может, она и впрямь «прЕрода» (кстати, заодно и к «впрямь» присмотреться: может, оно «в прямь», а не «впрямь», как того требует орфография?)?

И еще Синт и Морф отправились в это опасное плавание, чтобы узнать, не напрасно ли, не зря ли потратили они свою жизнь на внедрение правил и параграфов, в которых жизнь будто бы и не нуждалась, а на самом деле ох как нуждалась! Без них она была обречена навсегда остаться жЫзнью и даже жЫзню… А разве это жизнь?

Есть профессии героические. Есть профессии артистические. Есть профессии, на которые приятно смотреть со стороны, потому что именно со стороны они выглядят наиболее привлекательно. Когда летчик поднимается в небо, его, конечно, мало волнует, что пишется он летчик, а читается льоччик… А ведь как раз это различие составляло предмет споров между Морфом и фон Этиком, который всегда отдавал предпочтение звуку перед буквой. Ему было важно не как это пишется, а как это говорится (точнее — гаварицца).

Синт не вникал в эти споры. Правописание или произношение отдельных слов — это было для него слишком узко. Синт смотрел на вещи шире — в масштабах целого предложения, а то и нескольких предложений. Он следил за тем, чтобы слова правильно соединялись в предложении, а то, что им из-за этого приходится склоняться или спрягаться, его мало тревожило, поскольку относилось к компетенции Морфа. Тем более не задумывался Синт, как это все прозвучит: звучание — компетенция фон Этика.

Естественно (исьтесьтьвино), что фон Этик, мечтавший о стихии ничем не ограниченного звучания, скептически относился к нормам правописания и подчеркнуто с ними не считался.

— Слыш. Мыш. Шалиш, — говорил он со всей возможной твердостью, принципиально не замечая стоящего в конце мягкого знака (слышЬ, мышЬ, шалишЬ).

— Борщь. Горячь. Хвощь. Колючь, — произносил он мягко, хотя на письме мягкого знака не было и в помине (борщ, горяч, хвощ, колюч).

Кончилось тем, что, не выдержав постоянных конфликтов с правописанием, фон Этик сбежал из грамматики в некий мир самостоятельных звуков, который был, возможно, им придуман себе в утешение. Он отправился туда, где все только звучит и никак не пишется, а Морф и Синт остались там, где все только пишется, но звучать — не звучит.

2

Фрегат «Грамматика» несся на всех парусах, разрезая неразрезанные страницы, и в один прекрасный день номера этих страниц стали смешиваться с какими-то другими номерами, что наводило на мысль о близости острова Арифметики.

Он появился внезапно, и фрегат едва успел сбавить ход, чтобы не врезаться в каменистый берег. Что-то было в нем от родной грамматики, и Морф имел основание для предположения, что арифметика — это грамматика чисел, точно так же, как грамматика — арифметика слов.

— Нас встречают, — удовлетворенно отметил Морф. — Смотрите, они выстроили почетный караул. Давайте, Синт, и мы подравняемся, ответим любезностью на любезность.

Начальник караула обошел строй и скомандовал:

— По порядку номеров рас-счи-тайсссь!

И тот, который стоял первым в строю, крикнул:

— Третий!

Второй поспешил исправить ошибку:

— Второй!

Но попытка Второго внести порядок в порядок номеров не получила поддержки. Дальше последовало:

— Седьмой!

— Пятый!

— Первый!

— Шестой!

— Ну и порядок! — покачал головой Морф. — Они здесь, видно, совсем считать не умеют.

— А где Восьмой? — спросил начальник караула. — Опять я не вижу Восьмого. И почему Девятый стоит на голове?

— Давайте без Восьмого, — предложил Третий, стоявший первым. — Без него мы еще лучше разделимся.

— Лучше, пока Девятый стоит на голове, — сказал Второй, стоявший вторым. — Но не будет же он все время стоять на голове!

— Для пользы дела я буду, — пообещал Девятый.

Вот теперь Морф все понял.

— Синт, вы понимаете? Это не почетный караул, это шестизначное число: ведь мы же с вами в Арифметике.

— Не шестизначное, а семизначное, — с достоинством возразил начальник караула, оказавшийся простым Делителем. — Восьмой у нас отсутствует… Эй, никто не видал Восьмого?

— Без него нам еще лучше, — сказал Третий. — Без него мы

все разделимся на три…

— Почему именно на три? — возмутился Пятый. — Никого не заботит, что число не делится на пять…

— Мне-то что, — сказал Третий, — сам-то я на три разделюсь. Просто хочется, чтоб все разделились.

— А на пять тебе не хочется?

— На пять не хочется. И на семь не хочется.

— Но-но, полегче на поворотах! — отозвался Седьмой.

— Вот так всегда, — печально вздохнул Делитель. — И письменный, и устный счет у нас всегда превращается в сведение счетов. Примите это к сведению.

— Сведение — к сведению! — восхитился Морф. — Лучше даже в грамматике не скажешь!

Синт и сам знал, что эти числительные — самолюбивый народ. Когда числительное стоит перед существительным, оно понимает, что главный спрос не с существительного, а с него, и дает четкую и определенную информацию: «Два часа. Три метра. Пятьдесят человек». А попробуй его поставить после существительного, и у него сразу изменится отношение к делу. Почему это задние должны отвечать за передних? Спрашивайте с существительного, раз оно у вас впереди. И числительное отвечает весьма приблизительно: «Часа два. Метра три. Человек пятьдесят». Может, пятьдесят, а может — пятьдесят один или сорок девять. Неточная информация, не исключено, что взята с потолка.

Все это приходилось учитывать Синту, когда он расставлял слова в предложении. Он знал, что для точной информации числительное необходимо ставить на первое место. Поэтому он не стал ждать, когда они выяснят, кто у них первый, а кто второй, а отправился побродить по острову.

Здесь было много своих: запятые, скобки, тире, двоеточия. Правда, здесь они были не знаками препинания, а знаками совсем других действий. Ведь есть же и другие действия, помимо препинаний. Это становится ясно, когда попадаешь в Арифметику.

И тут Синт увидел цифру, которая лежала, свернувшись даже не одним, а двумя колечками, и улыбалась во сне, как улыбаются те, кому удается поспать в рабочее время.

— Спящая красавица, — припомнил Синт что-то из литературы. — Не такая ты красавица, чтобы спать средь бела дня.

Он попытался поставить цифру на ноги, но не смог понять, где голова, а где ноги. Потому что цифра спала, свернувшись двумя колечками.

Внезапно она открыла глаза и сказала:

— Как бесконечно большие, так и бесконечно малые величины в одинаковой степени приближаются к бесконечности. — Она закрыла глаза и закончила свою мысль: — Когда я лежу, я обозначаю бесконечность.

Да, в лежачем положении она была похожа на знак, обозначающий бесконечность. Вот на какой знак:.

Стоя цифра обозначала Восьмерку, конечную величину, но стоило ей лечь, и она начинала обозначать бесконечность.

Бесконечность — это то, к чему стремятся все конечные величины. Ради нее буквы соединяются в слова, слова — в предложения, а предложения — в абзацы, страницы и целые тома. Но если каждый будет стремиться только к собственной бесконечности, тогда у нас никто ни с кем не соединится и не будет вообще никакого смысла — ни бесконечного, ни конечного.

Такое бывает: живут буквы в большом, многоэтажном тексте, и каждая — сама по себе. Не только не знает букв из своей строчки, но даже из своего слова буквами не интересуется. Некоммуникабельность. Болезнь века. При такой болезни попробуй что-нибудь прочитать. Каждая отдельная буква стремится только к собственной бесконечности.

И вот — эта цифра. Синт попробовал поставить ее вертикально, но она не открыла глаз и продолжала улыбаться чему-то своему, внутреннему. При этом она говорила:

— Положите меня… Настоящая жизнь — только в бесконечности…

— Восьмерка, — сказал Синт, — как вам не совестно? Девятка, которая ближе вас к бесконечности, довольствуется ролью Шестерки, что для нее совсем не просто, потому что ей приходится стоять на голове, а вы тем временем…

Восьмерка открыла глаза и сказала:

— Я не претендую на бесконечно большую величину. С меня достаточно бесконечно малой.

Лишь бы иметь собственную, пусть даже бесконечно малую бесконечность. Вот он — век некоммуникабельности, бесконечно трудный и для грамматики, и для арифметики век.

— Насколько мне известно, — сказал Синт, — никакие действия с бесконечными величинами не производятся. Я понимаю, вас это не волнует, вы для того и лежите, чтоб не действовать, но ведь в Арифметике нужно действовать…

— Может быть, делиться? На два, на четыре, на самое себя? А если я хочу делиться не на два, а на три?

— Боюсь, что без остатка у вас не получится.

— А я не боюсь. Я даже не хочу без остатка, я хочу, чтоб что-

то осталось после меня. Потому что в этом — моя бесконечность.

Синту вспомнилась сказка, которую ему рассказывали в детстве, когда он не хотел заниматься синтаксисом. И он рассказал эту сказку своего детства.

— В некоторой книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица, жили-были три точки…

— Ах, точка, — мечтательно вздохнула Восьмерка, — бесконечно малая величина…

— Нет, — возразил Синт, — точка в предложении не только конечна сама, но даже обозначает конец предложения. Так вот, каждая из этих трех точек стояла в конце своего предложения и следила, чтоб оно не продолжалось дольше, чем того требует смысл.

— А откуда они знали, чего требует смысл? Может, он требует делиться без остатка, так, значит, прикажете делиться?

— Смысл предложения требовал отделить его от других предложений, для этого и были поставлены точки. Но им захотелось соединиться. Не отделиться, а соединиться. И вот они покинули свои предложения и встретились в конце нового предложения, до того нового, что даже еще не оконченного. Три точки в конце предложения — это уже не конец, это начало чего-то нового, еще неизвестного…

— Бесконечного?

— Возможно, и бесконечного. Потому что в предложении не будет конца, пока там будут стоять три точки…

— Значит, главное — это соединиться?

— Преодолеть некоммуникабельность. В эпоху всеобщей кабельности, когда вся земля опутана телефонными кабелями, главный разговор — это по-прежнему не телефонный разговор. Кому не кабельность нужна — только тот способен по-настоящему общаться.

Люди — как слова: они изменяются от общения. Потому что вступают в силу законы управления, согласования, примыкания, и уже ты не можешь быть самим собою, как слово в словаре, где у него есть независимость, но нет настоящей жизни.

Настоящая жизнь — в общении, даже если кто-то тобой управляет, а с кем-то приходится согласовываться и к кому-то примыкать. Это Синт усвоил давно, но теперь он понял, что цифры тоже изменяются от общения. Единицы становятся десятками, а то и сотнями… Ну, возможно, десятыми и сотыми, если не повезет.

Восьмерка больше не падала. То ли ей передались мысли Снята, то ли у нее возникли какие-то собственные мысли на этот счет, но она стояла твердо, как стояли до нее лучшие Восьмерки

прошлого: и Восьмерки незабываемых восьмисотых годов, и Восьмерки незабываемых восьмидесятых годов, и Восьмерки незабываемых двадцать, тридцать, сорок… девяносто восьмых годов, — потому и незабываемых, что они стояли, а не лежали до конца.

Правда, Синту так и не удалось определить, на ногах стояла Восьмерка или на голове, потому что стояла она, как лежала: двумя колечками.

3

— Сказать по правде… Ничего я вам не могу по правде сказать… Меня ведь, братцы, Мазурием зовут, врун я первостатейный. Меня за вранье даже из таблицы выставили, из Периодической системы.

Все-таки его выставили не совсем, потому что находились они сейчас именно в Периодической таблице. Покинув гостеприимные берега Арифметики и миновав несколько островов внешне художественной литературы, забитых телами читателей, как южные пляжи в горячий сезон, они причалили к острову Периодической Системы Элементов. Здесь их и встретил Мазурий, отставной элемент, одиноко сидевший на берегу и предававшийся размышлениям.

— Эх, — продолжал Мазурий, — тут такие были дела! Какие-то бандиты или грабители, гангстеры, одним словом, задумали выкрасть золото прямо из Периодической системы элементов. Чтобы завладеть сразу всем золотом и больше к этому делу не возвращаться. Мой сосед Молибден, из сорок второго номера, говорит мне: «Мазурий, беда! Так, мол, и так, хотят нас оставить без золота!» — «Что ж, — говорю я, — замысел дерзкий и не лишен остроумия. Всем оставаться на местах, я сам займусь этим делом»…

От этих слов повеяло внешне художественной литературой, которую они так счастливо миновали. Фантастической буквалистикой или исторической бульваристикой — по запаху трудно было определить. Но, возможно, повеяло не от слов Мазурия, а просто ветер принес эти запахи с близлежащих мысов, рифов и островов.

— И вот все элементы, — рассказывал Мазурий, — остаются на местах, каждый в своем номере, а я отправляюсь на улицу Первой группы и залегаю возле семьдесят девятого номера, где у нас сосредоточен весь золотой запас… Ну, не буду говорить, как я перехитрил всю эту банду, эту мафию, это уже неинтересно. Но пока я находился в отлучке, в мой сорок третий номер въехал Технеций. Вы знаете Технеция? Он когда-то существовал в природе, а теперь, увы, добывается искусственным путем. Вот каким-то таким искусственным путем он и поселился в моем номере. А я остался… — Он внезапно замолчал. — Да, наговорил я вам… Разве можно верить такому, как я, обманщику? Я только прикинулся элементом, а на самом деле — какой я элемент? Я вообще никогда не существовал в природе.

— То есть как? — удивился Морф. — А с кем же мы

разговариваем?

— Поговорить я умею, я вам любого заговорю. Однажды так заговорил Кислород, что на Земле неделю не дышали… — Он опять спохватился: — Не слушайте меня, не слушайте! Кто ж это может — неделю не дышать?

Они свернули с улицы Первой группы на проспект Пятого периода. По обе стороны проспекта уходили вдаль номера, но Мазурий остановился у самого первого номера, тридцать седьмого.

— Если не торопитесь, надо бы проведать одного старичка. Старичок у меня здесь живет, Рубидий называется.

Это был очень старенький старичок, он сидел на кровати, закутавшись в одеяла и держа ноги в ведре, наполненном, судя по запаху, керосином. Вместо приветствия он проткнул вошедших булавочками остреньких глаз и, видимо, решив, что с ними покончено, опять занялся своим керосином.

— Зашел узнать, не надо ли вам чего. Может, керосину подлить? — предложил Мазурий. — У нас тут керосин завезли, такой, что гореть не горит, а только пахнет… Да нет, какой там керосин… Просто зашел узнать, как себя чувствуете.

— Чувствую я себя плохо, — объяснил старичок. — Керосину у меня хватает, здоровья нет. Я ведь своего возраста не скрываю, — он опять вонзил в гостей свои булавочки, — мой период полураспада семьдесят миллиардов лет. Семьдесят и семьдесят, полураспад и полураспад, и получится полный распад, сто сорок миллиардов… Хотя, если учитывать, какой нынче свет, что такое сто сорок миллиардов?

— Светочувствительный он у нас, — пояснил Мазурий.

— А что? Учитывая, какой нынче свет, станешь светочувствительным. Если б я за собой не следил, я бы уже давно горел розовым пламенем, несмотря на мой долгий период полураспада. — Старичок спохватился, что хватит говорить о себе, и весело улыбнулся: — А ведь тебя, Мазурий, на улицу выкинули, докопались-таки, что ты не существуешь в природе. Я сам, — он гордо вскинул голову, — лично помогал копать. Хотя это мне и трудно, в моем возрасте… Ну, ничего, зато тебя выкинули, — порадовался за товарища старичок, — я всегда удивлялся: ведь он же не существует, думаю, зачем же он здесь живет?

— Ничего удивительного, — сказал Морф. — Некоторые не живут, а только существуют, а некоторые не существуют, зато живут. Второе, по-моему, даже лучше.

— Как для кого, — сказал Рубидий. — Меня-то не вышвырнули на улицу, а вот его, — он довольно засмеялся, — его

вышвырнули. Теперь там Технеций живет. Между прочим, тоже не существует в природе, но его добыли искусственным путем. Был бы ты, Мазурий, поумнее, и тебя бы добыли тем же путем.

— Зачем вы к нему ходите? — спросил у Мазурия Синт, когда они вышли на улицу.

— Люблю, когда он радуется. Видели, как он повеселел? Я их тут всех веселю, такая у меня должность. Не знаю, что бы они тут делали без меня. Извините. Никакой у меня должности нет, и отлично без меня все обходятся… А вот этот сорок третий номер, в котором я жил… верней, не жил, а куда меня ошибочно поместили…

— А Технеция — не ошибочно? Сам говоришь, что искусственным путем, — сказал Морф, мрачнея от таких безобразий. — После всей этой химии хочется куда-нибудь на природу. Мазурий, пошли с нами на природу!

— Если только ненадолго… У меня тут еще дел… Хотя, в сущности, дел никаких, но они тоже сами не сделаются…

Их появление на лоне природы не прошло незамеченным: кто-то крепко ухватил Синта за штанину, и незнакомый голос зашелестел:

— Куда же вы, пациент? Поликлинику вы прошли и больницу тоже… Да вы не упирайтесь, я Подорожник из «Скорой помощи». Лечу раны, прикладываю компрессы к ушибленным местам.

— Но я не ушибся…

— Не ушибается тот, кто ничего не делает, — наставительно изрек Подорожник. — Вы думаете, почему я тут торчу? Меня всюду ждут мои пациенты, а я торчу, никак не могу вырваться.

— Так много дел?

— Не в делах дело. Мне, для того чтоб вырваться, нужно вырваться с корнем, а с корнем, сами понимаете… Вот я и торчу. А еще Подорожник… Мне бы шагать по дорожке, прокладывать новые пути, и ушибаться, и шагать дальше… Но куда шагать? Да и корни, честно говоря, не пускают… Нет-нет, пока не открывайте рот: сначала я вас выслушаю. Я выслушаю, а потом вы откроете рот и скажете «а-а!».

— Откуда вы знаете, что я скажу? Может, я скажу совсем другое?

— Вы скажете «а-а», доверьтесь моему опыту. Все больные говорят «а-а», хотя с радостью сказали бы что-то другое.

— Больные? Но я здоров.

— Это вам кажется. Сначала кажется, а потом скажется. У всех, кто своевременно не покажется врачу… — Подорожник замолчал, пораженный красотой этого последнего рассуждения. — Ну, так как, пациент? Будем лечиться?

— Никакой я не пациент!

— Это вы сейчас не пациент. А заболеете — в два счета станете пациентом. — Подорожник вздохнул. — Вижу, что вы спешите, а вот я двинуться никуда не могу, хотя меня давно ждет моя пациентка. Может, слыхали: Лунария Оживающая. Та, которая умирает от любви.

— Оживающая — и умирает?

— Представьте себе. Оживает, потом умирает, потом опять оживает. Правда, некоторые склонны считать, что она умирает, потом оживает, потом опять умирает, но я в корне отметаю этот пессимистический взгляд. Нет! Лунария оживает, потом умирает, потом опять оживает.

— Вы сказали, что она умирает от любви?

— По общему мнению. Но я с ним не согласен. По-моему, более естественно оживать от любви. Не умирать, а оживать. Впрочем, признаю свою некомпетентность: от насморка я помогаю гораздо больше, чем от любви. Вот если Лунария умирает от насморка, тут бы я мог ей пригодиться!

Он еще долго шелестел им вслед, наставляя, что передать Лунарии Оживающей, потому что сам, к сожалению, не мог к ней явиться с визитом. Постепенно шелест его все больше сливался с шелестом других трав, и вот из этого общего шелеста возник любезный вопрос:

— Чаю не хотите?

Иван-Чай принимал у себя гостей. Его соседки, Мать-и-Мачеха, гоняли чаи и жаловались на детей. Жаловалась-то, собственно, Мачеха, а Мать говорила, что она не в претензии, что дети у нее как дети.

— Ты, старушечка, божий одуванчик, дети-то твои где? Разлетелись по ветру. И это от матери родной! От меня бы не разлетелись, — говорила Мачеха.

— У них теперь своя жизнь.

— У них-то своя, а нам каково в нашей старости одинокой?

— У вас что, дети общие? — удивился Морф.

— А куда денешься? — мрачно сказала Мачеха. — Выросли без отца, вдвоем мы их и растили. Вот она им матерью была, а я — мачехой, чем не семья? Много их было у нас, а теперь никого не осталось.

— Старым на месте сидеть, молодым разлетаться, — вздохнула Мать. — Только б им земля попалась помягче, чтоб корешки не повредить.

— Надо им разрыхлить землю, — сказал Мазурий. — Не беспокойтесь, я это беру на себя. Все оставайтесь на местах, а я сейчас же иду рыхлить землю… — Тут он смутился: — Правда, у

меня нечем рыхлить. — Он еще больше смутился: — И некому…

— Пейте чай, — сказал Иван-Чай. — Мед у меня собственный, прозрачный, как слеза, но радости от него больше.

Мачеха покосилась на мед:

— Много у тебя меду, Иваныч. Честно живешь? Чужим не балуешься? А то нагляделась я, как другие живут. Хотя бы соседи наши Иван-да-Марья.

— Про них такие страхи рассказывают, — сказала Мать. — Будто они присасываются к чужим корням. Одним словом, полупаразиты.

— Рассказывают! — возразила Мачеха. — Кто по-настоящему присасывается, про тех молчат. Иван-да-Марья все же не полные паразиты, у них свои корни есть. А если немного чужим побалуются, так это не паразитизм, а умение жить. Верно я говорю, Иваныч?

— Умение жить за чужой счет.

— Не полностью же за чужой, а так, умеренно. На свой-то не очень проживешь. Мы вот с тобой, Мать, живем, а что толку? Умели б жить, детки-то от нас бы не разлетелись. Они своего не упустят, детки-то!

— Они своего не упустят, а ты на чужое заришься, — вступилась за детей Мать.

— Не позаришься на чужое, не будет и своего. — Мачеха помолчала. — Видала, как Бешеный Огурец воспитывает детей? Он не панькается с ними, как некоторые, а чуть что — выстрелит ими так, что они назад дорогу забудут.

— А Иван-да-Марья подбрасывают своих детей Муравьям.

— Правильно. Под видом коконов муравьиных. Пока там в муравейнике разберутся, Ивановы да Марьины детишки полежат, наберутся сил. Петом их, конечно, выставят, но главное, что с рук сбыты. Нет, неправильно мы воспитываем детей, неправильно!..

Мать-и-Мачеха напились чаю, разнежились и запели песенку про своих детей, полную родительской любви и родительской строгости:

— Мы мягкие…
— Мы строгие…
У каждого свой метод.
Вопросы педагогики
Напрасно ждут ответов.
Ни добротой,
Ни строгостью
Детей не удивишь.
— Нам не хватает твердости…

— Родительской любви!
Из маленького зернышка
Растим мы наших деток,
Чтоб им хватало солнышка,
Воды, тепла и света.
Они ж бегут с поспешностью,
Родителей виня…
— Нам не хватает нежности…
— Хорошего ремня!

— Именно ремня. Верно в песне поется, Иваныч?

Синт поинтересовался:

— Почему вас называют Иванычем? Ведь вы же Иван-Чай.

— Иван-Чай, а сокращенно Иваныч, — объяснила Мачеха.

— Как только меня не называют, — сказал Иван-Чай. — Одни говорят: Кипрей. Другие — Дикий Лен: я иногда произвожу волокно, Льну помогаю. А то еще Мельничником меня зовут: я даю муку, когда Пшеница да Рожь не справляются. Или говорят: Пуховик — из-за пуха, который у меня берут на подушки. А когда надо кого-нибудь полечить, меня называют Боровым Зельем.

— Вот бы мне так, — вздохнул Мазурий. — Я ведь знаю, что я всюду нужен, только никуда меня не зовут. Стоит только не существовать — и никто о тебе даже не вспомнит.

— Иваныч у нас на все руки, огонь и воду прошел, — сказала Мать. — Расскажи гостям, как ты поднялся после пожара.

— Нашего Иваныча как ни жги, он и из золы поднимется, — сказала Мачеха с гордостью за знакомство.

— Трудно было, — сказал Иван-Чай. — Знаете, как жизнь из пепла поднимать? В пепел-то легко, а вот из пепла…

— Зато теперь все цветет, — сказал Морф. — Тепло и светло. Я даже заметил, что у вас теплей, чем в других местах. Отчего бы это?

— А что еще вынесешь из пожара? Разве что немного тепла. Тот, кто горел или перенес какое бедствие, всегда найдет в себе немного тепла.

— Чтоб мы могли посидеть, погреться, — сказала Мачеха. — Назяблись мы в своей жизни, натерпелись холода.

— Ты-то еще назяблась, — возразил Иван-Чай. — Ты всю жизнь повернута к солнцу, закрываешь его другим, а Мать к земле повернута, солнца не видит. Интересно получается, — пояснил он гостям, — материнская сторона листа у них никогда не видит солнца, а все равно теплая, материнская. А мачехина греется на солнышке, а все равно холодная.

— Не всегда и мне светит солнце, — вздохнула Мачеха. — Юность-то наша зимняя, цветем, почитай, на снегу. Берем на себя весь холод, чтоб детям было тепло, а где благодарность?

Раздался оглушительный шелест, под ногами закачалась земля, затем что-то хлопнуло, и Синт, Морф и Мазурий оказались в открытом море. В открытом Книжном море. Будто они и не сходили на берег с фрегата «Грамматика».

4

Книжное море… Соленый простор из романов и повестей, и ветер из песен, и белеющий парус, и черный пиратский флаг из книг для юношества, и сухопутные разговоры о море — из пьес, и синева, синева из бесчисленных стихотворных сборников… Недолговечные волны, взлетающие до небес и тут же уходящие в бездну забвения, и незыблемые утесы, способные простоять тысячу лет…

И здесь, как и в любом море, каждый найдет свое отражение и узнает себя, но не такого, как в зеркале, а рассыпающегося солнечным светом и уходящего в глубину… И увидит продолжение свое и в глубину, и в высоту, и в непостижимое завтра…

— У нас в сорок шестом номере Палладий живет, — рассказывал Мазурий. — Благородный металл, а посмотрели б вы, как он поглощает Водород. Прямо из кастрюли! «А что вы, — говорит, — хотите, чтоб я поглощал? Золото? Серебро? Я поглощаю всего-навсего Водород, так что можете не беспокоиться». Он, понимаете, считает, что Золото интересней Водорода, потому что Золото — редкий металл, а Водорода в природе сколько угодно. Но ведь если ценить за редкость, то самым драгоценным элементом должен быть я, потому что я в природе совсем не встречаюсь. Но я не драгоценный элемент, я вообще не элемент, а Водород — элемент номер один, и в буквальном, и в переносном смысле. Потому что на Солнце у нас — Водород, и на звездах у нас Водород, и в кастрюле у Палладия — Водород. Какое безобразие! Жар Солнца и звезд затолкать в собственную кастрюлю!

Мазурий до того расстроился, что даже стал как будто немножко существовать, хотя он по-прежнему не существовал в природе.

— Я ему говорю: учтите, Палладий, водородная смерть Вселенной — это также и ваша смерть. А он отвечает: и ваша тоже. Нашел себе утешение. Ну, скажите, скажите, что можно увидеть, когда смотришь на мир, не вынимая головы из кастрюли?

— Вы так хорошо говорите, как будто живете на свете много лет и во всем успели разобраться, — сказал Синт.

— Лет мне действительно много, меня открыли в 1925 году. Значит, если б я действительно существовал, сколько бы мне было? Я бы уже отметил свое пятидесятилетие… Но, как видите, в моем положении есть и преимущество: когда не живешь, то

совсем не стареешь.

— Не думаю, чтобы многие согласились таким путем сохранять молодость, — сказал Морф.

На маленьком островке уютно расположились Гусь Лапчатый, Стреляный Воробей и Козел по имени Сидор.

— Купите Кота в мешке! — предложил Стреляный Воробей.

Тут же в спальном мешке лежал Кот и плакал.

— Почему он у вас плачет? — спросил Мазурий.

— У него на душе Кошки скребут, Драная и Угорелая, — объяснил Козел Сидор. — Они у него в разлуке всегда скребут.

— На душе, конечно, — уточнил Гусь Лапчатый. — Это называется любовь, — может, слыхали?

— Так отпустите его к ним, — попросил Синт.

— Пускай пока погуляет. — Козел Сидор тряхнул бородой. — Все-таки лучше, когда они скребут на расстоянии. Вот, к примеру, моя, Сидорова: уж как я ее луплю…

— Надо произносить мягче: не луплю, а люблю, — сказал Морф, взяв на себе функции фон Этика.

— Меня учить не надо, как мне жену лупить.

— Это называется любовь, — может, слыхали? — продолжал свою тему Гусь Лапчатый.

— Слыхали, слыхали! — отмахнулся Морф. — Мужской, женский род, а между ними средний род, семейная идиллия. Только меня на это дело не возьмешь, я в родах разбираюсь.

— Может, Козла забьем? — загорелся новой идеей Стреляный Воробей. — Выиграете — Кот ваш, берите вместе с мешком. Договорились?

— Нашли занятие! — поморщился Козел Сидор. — Мы ж еще не кончили делить шкуру Неубитого Медведя. Есть у нас один Медведь, — принялся он рассказывать, чтобы отвлечь компанию от нежелательного занятия, — бурый, мохнатый такой, а главное — неубитый…

— Убить медведя — дело нехитрое, — вставил Стреляный Воробей.

— Но делить шкуру Неубитого Медведя как-то романтичней, — высказал свою точку зрения Гусь Лапчатый. — Он где-то ходит, сидит в своем медвежьем углу, а мы в противоположном углу делим его шкуру.

— А то давайте тянуть Кота за хвост, — предложил Козел Сидор, опасаясь, как бы Стреляный Воробей не вернулся к своему первому предложению. — Перетянете — Кот ваш, вместе с мешком… Вы не смотрите, что он там что-то наплакал, это ему как с Гуся вода.

— С этого? — спросил Морф, указывая на Гуся.

— Ну да. Его-то Лапчатая осталась в воде, а он, как видите, здесь, сухехонек.

— Это как у кого, — сказал Стреляный Воробей. — У одного на душе Драная и Угорелая Кошки скребут, другой, прежде чем пойти погулять, сначала уложит свою Сидорову, да так, что она неделю не отлежится, а третьему — как с Гуся…

— Это называется любовь, — может, слыхали? — вспомнил Гусь Лапчатый.

— Про все это мы слыхали, — сказал Синт. — Мы-то сначала думали, что вы из какой-нибудь зоологии, а вы-то из фразеологии, у вас только фразы — и более ничего. Как там у вас Баран в аптеке? Все еще работает?

— Работает, — кивнул Козел. — Кстати, у него новые ворота.

— Да ну! Только мы про эти ворота слыхали давным-давно. И про то, что Комар носа не подточит, так до сих пор и летает с неподточенным. И про Мокрую Курицу, и про Дойную Корову, и про Собак Нерезаных — про весь этот скотный двор.

— Ну, если слыхали… — сказал Стреляный Воробей. — Тогда конечно… Тогда другой разговор… Тогда, может, забьем Козла? — вернулся он к первоначальному предложению.

Но тут опять налетел шквал страниц и поглотил эту веселую компанию. Вокруг был зеленый простор, с которого они были недавно смыты.

Высокий Лопух кивнул им верхним листом:

— Не узнаете? Лаппа-Минор, доктор философии.

— Неужели доктор философии? А на вид — обыкновенный лопух.

— Лопух — это ненаучно. Мое научное звание — Лаппа-Минор, а научная степень — доктор философии.

— Еще один Гусь Лапчатый, — сказал Морф.

— Какой Гусь? И не Лапчатый, а Лаппа. Просто Лаппа. Доктор философии. Сокращенно — Филя.

— Сокращенными бывают имена, но не профессии, — объяснил Морф.

— Для друзей — Филя, для коллег — Лаппа, а для посторонних — Лаппа-Минор, доктор философии. Я философствую, то есть размышляю о жизни и смерти. Когда я был во Франции… Да, я ведь вам еще не сказал, что был во Франции. Хотя вы, возможно, читали об этом в прессе. Так вот, впервые я побывал во Франции в результате войны 1812 года…

— Как это понимать — в результате войны с Францией? Вы воевали с Францией? — удивился Морф.

— Это надо понимать так. До войны 1812 года меня совершенно не было во Франции, а после войны я там появился.

Сейчас уже не припомню, то ли я с русскими наступал, то ли с французами отступал — такие вещи со временем забываются. Но с тех пор я занимаюсь философией, размышляю, так сказать, о жизни и смерти. О существовании и, так сказать, отсутствии существования…

— Я тоже об этом размышлял, только с другой стороны, — сказал Мазурий.

— Это с какой же стороны?

— Со стороны отсутствия существования.

— Это любопытный взгляд, — заинтересовался Лопух. — Посмотреть на наше существование с точки зрения, так сказать, отсутствия существования, точно так же, как мы смотрим на отсутствие существования с точки зрения существования… Тот же подход к проблеме, только, так сказать, с другой стороны. И как вам это пришло в голову, коллега?

— Очень просто. Вот здесь, допустим, существование, здесь — отсутствие существования, а посредине я. Я говорю: всем оставаться на своих местах, сейчас я решу, куда смотреть и откуда… — Он растерянно оглянулся на Синта и Морфа. — Ничего этого, разумеется, не было, просто я с другой стороны смотреть не могу… Я ведь живу там, по ту сторону существования. В стране Где Ничего Нет.

— Как, совсем ничего? У нас здесь тоже бывает: то дождя нет, то солнца… Но что-то все-таки есть. А так, чтоб совсем не было…

— Здесь такого не бывает, — согласился Мазурий. — Но я ведь не отсюда, я из страны Где Совсем Ничего Нет, из страны Полного Отсутствия Существования.

— Значит, обскакали вы нас, — вздохнул доктор Лаппа-Минор. — Смотреть на Все из Ничего для мыслителя более выгодная позиция, чем устремлять взгляд из Всего — в Ничто.

— Ну, пошли местоимения, — поморщился Морф. — Самая неинтересная тема.

— Вы так думаете? — оживился Лопух. — В таком случае посмотрите на нее… — И он ткнул пальцем в пространство, где стояла Лунария Оживающая.

Она стояла и умирала.

Может быть, от любви.

— Посмотрите на нее, — продолжал Лопух, — она умирает и оживает двадцать пять лет подряд, и всякий раз — словно с луны свалилась. У нее и стручки в виде ущербной луны, отсюда ее ущербная философия. Ведь умирать — это, согласитесь, ущербная философия. В особенности учитывая тот факт, что сейчас не война 1812 года. А она умирает. Правда, потом оживает. Или сначала оживает, а потом умирает. Это вопрос дискуссионный. Вы

спросите: зачем она оживает? Это тоже вопрос дискуссионный, но могу высказать свою точку зрения. Ей, видите ли, понадобился Подснежник. А он уже два месяца как отцвел.

Он замолчал, и все явственно услышали, как Лунария сказала:

— Подснежник, я опять опоздала к тебе. Двадцать пятый год я оживаю ради тебя и всякий раз опаздываю…

— Вы слыхали такое? — шепнул Лопух гостям. — Чтобы кто-то оживал ради кого-то… По-моему, это ненаучный взгляд.

— Не сходи с ума, Лунария, стоит ли вспоминать тех, кто отцвел? Надо рассуждать здраво…

— Это Белена, — представил Лопух говорящую.

— Я не могу рассуждать…

— Ну, матушка! Если нашей сестре не рассуждать… Тогда хоть не цвети, честное слово!

— Ты разве забыла? Я же тебе рассказывала, а ты снова забыла, — сказала Лунария. — Давным-давно, когда на земле все было покрыто снегом, когда никто не решался распустить лепестки, одна Снежинка рискнула превратиться в Цветок, чтобы своим теплом согреть землю.

— Антинаучный бред! — шепнул гостям Лопух. — Чтобы Снежинка превратилась в Подснежник!

— А почему бы и нет? — сказал Морф. — Ведь у них общий корень.

— Какой корень? Какой у Снежинки корень?

— Снег. Корень снежинки снег, в котором «г» чередуется с «ж» по правилу чередования согласных.

— Я отказываюсь вас понимать, — сказал доктор философии. — Если снег — это корень, тогда ответьте мне: почему он лежит на земле? Ведь корень должен быть в земле, насколько я понимаю.

— Вы знаете Сольданеллу? — спросила Лунария.

— Я знаю Белладонну, — сказал Морф. — В переводе это — «прекрасная дама», и, как всякая прекрасная дама, Белладонна в небольших дозах — лекарство, а в больших дозах — яд.

Лунария продолжала:

— Они с Подснежником познакомились там, под снегом. Снег был плотный, трудно было пробиться наверх, и Сольданелла построила под ним ледяной домик. Внутри она обогрела его и сказала Подснежнику: «Там, над снегом, зима, совершенно не подходящие для жизни условия. А здесь, в нашем домике, весна. Давай будем жить и цвести вместе».

— И что же ответил Подснежник на это разумное предложение? — спросила Белена.

— Он ответил: «Если каждый будет цвести в своем домике, то там, над снегом, никогда не наступит весна».

— Можно подумать, что весна от него зависит, — усмехнулась Белена. — Здраво рассуждая, Подснежник на то и Подснежник, чтобы оставаться под снегом. Если б от него требовалось подниматься над снегом, его бы называли Надснежником.

— Какое тонкое наблюдение! — восхитился Лопух.

— Раз уж тут заговорили о приставках… — сказал Морф. — Я не собирался говорить о приставках, но раз уж тут заговорили, я скажу… Значит, по-вашему, Подснежник из-за своей приставки должен всю жизнь оставаться под снегом? Но в таком случае подбор должен находиться под бором, подлог — под логом, я правильно рассуждаю?

— Вам не откажешь в логике, — одобрил Лаппа-Минор.

— А поднос? Он должен быть только под носом. А подвода? Исключительно под водой. А куда мы поместим подлизу? Под какую-то Лизу? Где эта Лиза? Покажите мне ее!

Никакой Лизы поблизости не было.

— Приставка, — торжественно подытожил Морф, — это часть слова, придающая ему новый смысл. Поэтому нужно хорошо вникнуть в смысл, прежде чем говорить о приставках.

— Мы все должны быть благодарны Подснежнику, — по-своему подытожила слова Морфа Лунария Оживающая.

— Может быть, ты специально ради этого оживаешь? — иронически спросила Белена.

— Да, для этого. Мне хочется сказать ему спасибо. Но я каждый раз опаздываю…

— Так стоит ли спешить, если он не хочет тебя дождаться? Только из благодарности? О, это живительное чувство благодарности! — воскликнула Белена. — Оно поднимает нас над землей и приближает к солнцу. Правда, всего на какие-то сантиметры, пустяк, который можно не принимать во внимание. Так стоит ли тянуться?

— Вот под этим я готов подписаться, — сказал Лопух и объявил свою подпись: — Лаппа-Минор, доктор философии.

— Послушайте, Лаппа, — сказал Синт, — а почему, собственно, вы Минор? Доктор философии — и Минор! Пора уже вам стать Мажором…

Морф дополнил Синта:

— Минор в переводе означает меньший, а мажор — больший. И уж если вы растете, как всякое растение, то должны расти от минора к мажору.

— Да, пожалуй, — согласился Лопух после минутного

молчания. — Я и сам чувствую, что расту… Может быть, мне даже пора писать воспоминания о моем участии в войне 1812 года… вот только вспомнить бы, наступал ли я с Кутузовым или отступал вместе с Наполеоном. В научной литературе пишут, что я был занесен из России во Францию то ли на конском хвосте, то ли на поле шинели, но что это был за хвост, что это была за шинель? — доктор философии помолчал. — А что касается того, чтобы сменить Минор на Мажор, то для меня в этом нет никаких затруднений. Но дело в том, что я уже зарекомендовал себя как Лаппа-Минор, в научной литературе меня знают как Лаппу-Минор. А кто знает Лаппу-Мажор? Нет такого доктора философии!

И снова Синт вспомнил сказку, рассказанную ему в детстве, когда он не хотел заниматься синтаксисом. И он рассказал ее:

— В некоторой книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица, жили-были слова, объединенные в одно предложение…

— Это какая фига? Из семейства тутовых? — поинтересовался Лопух.

— Фига — это так, присказка. А вы слушайте сказку. Итак, жили эти слова в предложении и были связаны между собой синтаксически и по смыслу. Но одному слову, — кажется, это было слово значит, а возможно, понимаете… не исключено также, что кажется или возможно, — в общем, было слово со значением, с хорошим, весомым смыслом… И вдруг ему захотелось выделиться, чтоб подчеркнуть свой хороший, весомый смысл…

— Теперь я припоминаю: фига — это инжир. Или еще ее называют смоковницей, — задумчиво произнес философ Лаппа.

— Ну при чем здесь фига? Я говорю о слове, которому захотелось выделиться, чтобы его все знали так же, как знают Лаппу-Минор.

— Так, как Лаппу-Минор? — недоверчиво улыбнулся Лаппа-Минор. — Ну, это вы преувеличиваете… А что касается фиги…

— Далась вам эта фига! Вы вникните в смысл, послушайте, чем дело кончилось! Выделилось это слово — значит или понимаете, а может быть, кажется или возможно, — обособилось, отделилось от других слов запятыми и вовсе потеряло свой смысл. Представляете? Имело такой хороший, весомый смысл — и потеряло его из-за стремления выделиться. Стало вводным словом, а может оно даже стать словом-паразитом.

— Это фига-то? Ну нет! Фига из семейства тутовых, а не из семейства паразитных, — сказал Лопух и поставил подпись: — Лаппа-Минор, доктор философии.

И опять было Книжное море и шелест его страниц, так

похожий на шелест листьев только что покинутого острова. Но все явственней в этот шелест вливался какой-то шум, точнее, гам, а может быть, рев или гомон: впереди возникали берега острова, на котором не было ничего, кроме звуков…

В этих звуках было что-то знакомое, слышанное когда-то, и даже не просто слышанное, а прожитое и пережитое… И каждый звук словно прилетал из далекого прошлого и приносил в своем клювике зернышко воспоминаний…

5

Ухарь Гик летел со скоростью, значительно превышающей скорость, приличную звуку, и от него шарахались перепуганные Писк и Визг, его провожали проклятиями Скулеж и Галдеж, а наставники ухаря Гика Хрип и Сип, во главе со знаменитым профессором Храпом, неслись за своим подопечным, сопровождаемые любопытными Воркотней и Шепотней. И все: и стоявшие вокруг, и преследовавшие ухаря Гика, — до того кричали, вопили, галдели, что даже глуховатый дядюшка Децибел вынужден был заткнуть уши, хотя по долгу службы должен был обозначать единицу громкости.

— Ну, что вы скажете, Морф? Как вы напишете то, что слышите? — таким вопросом встретил Морфа старый его оппонент, с которым они никак не могли примирить произношение и написание.

— Фон Этик! Так вот вы где! А мы уже с Синтом, признаться, по вас соскучились. Вы меня слышите? Мы с Синтом!.. Ну и шумно здесь!

— Шумно, — блаженно улыбнулся фон Этик. — Разве может что-нибудь сравниться со звуками?

— А в стране Где Ничего Нет — тишина. Даже не мертвая тишина, потому что мертвое бывает лишь там, где бывает живое. Там тишина — это полное отсутствие звуков. Даже смерть не умеет так молчать, как умеет молчать отсутствие.

— Это Мазурий из Периодической системы, — представил товарища Морф. — Открыли его, а потом закрыли. И теперь его больше нет.

— Я могу быть только в стране Где Ничего Нет, — объяснил Мазурий. — Там, где нет ничего, я есть, а где хоть что-нибудь есть, меня — извините!

— Хорошо там, где нас нет, это, случайно, не вы придумали? — поинтересовался фон Этик. — Я вот все искал такое место, где меня нет, думал, мне там будет лучше. А теперь нашел — и что вы думаете?

— Наверно, вам лучше, — догадался Морф.

— Ошибаетесь. Когда я нашел это место, где меня нет, оказалось, что я там уже есть, поэтому мне опять же не стало лучше.

Мазурий вздохнул:

— Завидую вам. Вы ищете место, где вас нет, а я ищу, где я есть, но меня нет нигде, представляете?

Любопытная Шепотня, бежавшая предпоследней, обошла

одного за другим хрипящих и сипящих наставников и уже стала обходить самого профессора Храпа, который на бегу слегка вздремнул, но при этом не сбавлял скорости. Восторженный Вой приветствовал тетушку Шепотню, которая мчалась быстрее всех на крыльях своего любопытства.

— Вы только послушайте их, — пожаловался Синту дядюшка Децибел. — Просто уши отваливаются. А не слушать тоже нельзя: я ведь тут смотритель при звуках.

— Как это — смотритель при звуках? — Синт не понял, как это за звуками можно смотреть. Но оказалось, что смотритель должен не смотреть, а присматривать.

— Я присматриваю за ними, учитываю громкость. Только что-то я стал глохнуть от этой громкости.

— Лечиться надо, — посоветовал Синт.

— От глухоты? Ну, нет. Глухота — это естественное приспособление организма. Когда вокруг чересчур много звуков, организм приспосабливается, сам создает себе тишину. Вот оглохну совсем, тогда буду наслаждаться жизнью.

— А куда они все бегут? — спросил Синт.

— За ним. За Гиком этим неладным.

— А он куда бежит?

— А кто его знает… Если верить Молве, Гику полюбилась одна волна… Как ее бишь? Ага: волна Света. Вот он и бегает за ней, только ее ему не догнать. Хоть говорят, что любовь творит чудеса, но не такие же, чтобы звук летел со скоростью света…

— Это как в песне поется: «Ой, подружка моя, в мире правды нету. Скорость звука отстает от скорости света», — вспомнил Синт.

— Вот именно. А куда нам спешить? Слыхал, небось, как про нас говорят: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать»? Так стоит ли спешить при таком отношении? Пускай себе видят один раз, пока мы сто раз опоздаем.

И дядюшка Децибел направился к Гику, чтобы наказать его за отсутствие опоздания.

— Вы что-нибудь в этом понимаете, фон Этик? — спросил Морф. — Слышать-то я слышу — и шум, и гам, но не могу понять, как это пишется.

— Да, — мечтательно вздохнул фон Этик, — давно мы с вами не спорили. Я вспоминаю наши споры с грустным чувством, и чувство это тем грустней, что в слове чувство не произносится первое «в», а в слове грустное — «т» не произносится.

— Все-таки не забыли?

— Ну что вы! Я сейчас себе напоминаю наше Л. Вы помните наше Л? Как оно работало в слове земля?

— По-моему, нормально работало.

— А я бы сказал: даже неплохо. Стоя перед ударным гласным, оно в какой-то мере принимало удар на себя — позиция небезопасная, но достаточно четкая и выразительная. Потому что, поймите, Морф, когда принимаешь удар на себя, позиция твоя значительно ясней, чем когда уклоняешься от удара. Тогда ты, так сказать, на ударном направлении…

— Фон Этик, вы опять развиваете тему безударных гласных. Вы же знаете мою позицию: слово надо изменить так, чтоб сомнительный гласный оказался под ударением…

— Знаю, знаю! Я только хочу сказать об этом Л. Оно так хорошо справлялось с работой в слове земля, что никого не удивило, когда его перевели в облако.

— Слово побольше, трехсложное — это вы имеете в виду?

— Да нет, не только… Я знаю, Морф, что вы не придаете этому значения, но согласитесь, что облако — это все же повышение по сравнению с землей.

— Так же, как баритон — повышение по сравнению с басом.

— Можете иронизировать. Но дело-то в том, что в облаке Л оказалось дальше от ударного направления, и, представьте, некоторые даже путали его с В.

— Не на письме, надеюсь?

— Я говорю о произношении. Некоторые говорили обВако, хотя никогда не говорили земВя… А потом из облака Л перевели в солнце. Опять-таки, согласитесь, повышение…

— Как тенор по сравнению с баритоном.

— Возможно. И знаете, что произошло?

— Если вы имеете в виду положение Л в слове солнце, то могу вас утешить: ничего плохого с ним не произошло. В слове земля оно было всего лишь суффиксом, а здесь попало что называется в корень.

— Оно-то — конечно, КАН'ЭШНА, Морф. Но только в солнце оно не произносится. Все произносится, а оно не произносится. Такие-то, Морф, дела…

Дядюшка Децибел встал на пути у ухаря Гика, и тот резко затормозил, в результате чего на него сзади налетела тетушка Шепотня, на тетушку профессор Храп и так далее, образовав настоящую свалку, именуемую у звуков какофонией.

— Нарушитель Гик, почему вы превысили скорость?

Гик ответил не сразу. Он поднял лицо кверху — туда, где царит чуждый звукам мир небесных светил, и сказал — уже совсем не ухарски, а тихо и даже немного грустно:

— В том краю, где гнездится над Землей Щебет, а у самой Земли хлопотливый Шелест провожает в далекий путь

непоседливое Журчание, где по ночам не могут уснуть Шорохи и бродят одинокие Скрипы и Хрусты, — в том краю встретились однажды юный Плеск и лунный Блеск, встретились и решили больше не расставаться. Ночью, когда воздух вверху теплей, чем внизу, путь звуковой волны направлен снизу вверх, и Плеск, родившись внизу, помчался вверх, на родину Блеска. Он бежал туда, на родину лунного Блеска, чтобы донести до нее звуки Земли, но далеко убежать он не смог, потому что путь звуковой волны изогнут, и даже если он вначале направлен вверх, как это бывает по ночам, то потом возвращается назад, к родной Земле, может быть, единственной во Вселенной планете звуков. Он приземлился далеко-далеко, в другом краю, где никогда не живут Плески и Блески, и затих, а может быть, превратился в Свист или Стон — в один из тех звуков, которые рождаются в этом пустынном краю, когда его насквозь продувают ветры… И по ночам, когда путь звуковых волн направлен вверх, он пытается, снова и снова пытается взлететь туда, где он, может быть, встретится с лунным Блеском. Хотя он уже не прежний Плеск, время высушило его, выветрило из него все, что в нем когда-то плескалось, и все же в нем пробуждается прежний порыв — по ночам, когда путь звуковых волн направлен кверху…

— Разве это ответ на вопрос? — зашушукались возмущенные Шушуки. — Его спросили, почему он превысил скорость, а он что отвечает?

Фон Этик покачал головой:

— Он сказал, Земля — единственная во Вселенной планета звуков. Это значит, что мне в остальной Вселенной делать нечего. Допустим, там ничего нет — с этим можно еще согласиться, но если там нет также и звуков… Нет уж, такая жизнь не для меня.

— Вы еще выбираете, — вздохнул Мазурий.

— Я выбираю, потому что имею возможность сравнивать. По дороге сюда я имел случай насладиться тишиной… — Фон Этика передернуло от воспоминаний. — И в этой тишине я кое-что понял…

— Я всегда вам говорил, фон Этик: понять что-то можно только в тишине. Потому что только в тишине можно спокойно предаться размышлениям.

— Нет-нет, я не об этом. Я понял, что не всегда следует принимать удар на себя, хотя он и проясняет позицию. Это благородно, возвышенно, но не следует все же отрываться от Земли… Морф, я был там, где живут одни безмолвные камни…

— Расскажите, фон Этик!

— Я оказался в недрах, в подземном дворце, не столько сложенном, сколько сваленном из камней, которые были в нем

одновременно и стенами, и жильцами, так что жильца нельзя было отделить от дворца, извините за невольную рифму. Ну, подумайте, Морф, какой смысл владеть дворцом и вообще имуществом, если тебя невозможно от них отделить? Как тогда понять, кто кем владеет?

— Когда вы сказали, что не стоит принимать на себя удар, вы имели в виду удар камней?

— В том числе и камней. Но слушайте по порядку.

— Извините, фон Этик.

— Вокруг залегла тишина. В недрах несметные залежи тишины, и некому расходовать этих запасов. У тех, кто не умеет спать, как спят камни, уже почти не осталось тишины, а здесь ее были несметные залежи… И вдруг я услышал в этой непроницаемой тишине: «Ать, два, бравой! Ать, два, бравой!» — «Не бравой, а правой», — конечно, поправил я, и мне ответил — кто бы вы думали? Камень.

«Разрешите представиться: солдат Бравоит, а если по всей формуле — Никель Ферум Эс Два… Ать, два, бравой!» Я опять поправил его, объяснив, что в слове правой начальная согласная должна быть глухой. Но он возразил: «Никак нет, бравой. У меня обе ноги бравые, поэтому я могу шагать только бравой. Ну, ладно, я пошагал».

Бравоит пошагал, но при этом не было видно, что он шагает. Может, камни потому и неподвижны, что им никак не удается по-настоящему пошагать?

Я спросил его, куда он шагает, и выяснилось, что шагает он на свидание. Его ждет Каломель, самая красивая и сладкая, потому что имя ее означает «красивый мед». Каломель была в двух шагах, но именно эти-то шаги были для Бравоита самыми трудными. «Ну проснись же, проснись! — говорил солдат Бравоит, покрывая словами расстояние, которое не мог покрыть шагами. — Ты видишь, я уже здесь, я пришел…»

И Каломель проснулась. Но Бравоита она не заметила. «Пусть ударят Гакманита!» — сказала она.

В этом месте рассказа фон Этика Синт и Морф почувствовали, что опять запахло плохой литературой. Хотя и Бравоит, и Гакманит, и Каломель — все это строго научные персонажи из науки минералогии, и именно из минералогии скорее всего почерпнул фон Этик те сведения, которые сейчас столь увлекательно излагал, но когда Каломель, красивая и медовая, потребовала ударить ни в чем не повинного Гакманита, тут уже запахло плохой литературой.

Известно, что хорошая литература не пахнет. Она проникает в нас незаметно, и у нас создается впечатление, что она там была

всегда, задолго до того, как мы ее прочитали. А вот внешне художественная литература воздействует на внешние органы чувств, потому что в ней нет ничего глубокого, внутреннего.

«Пусть ударят Гакманита!» — это было рассчитано на эффект. Я просыпаюсь, передо мной стоит влюбленный солдат Бравоит, но я смотрю мимо него и говорю: «Пусть ударят Гакманита!» Так могла рассуждать Каломель, потому что она всю жизнь провела под землей и не могла выработать настоящего художественного вкуса. Но фон Этик… Фон Этик!

Фон Этик между тем продолжал:

— Едва она это сказала, как раздался оглушительный грохот и серый камень вспыхнул ярким пламенем. Возможно, от бессилия, что его бьют, а он не знает даже, кому ответить. «Ах!» — воскликнула Каломель и схватилась за то место, где, не будь она камнем, у нее могло быть сердце или что-то вроде этого.

Гакманит был прекрасен, как бывает прекрасен тот, кто не страшится принять на себя удар, но звездный час его длился всего несколько мгновений. А потом он стал тускнеть, пока не принял свой обычный серый вид. Каломель больше на него не смотрела.

Да, конечно, фон Этик начитался минералогии. В минералогии рассказывается об этом камне, о том, как он, обычно серый и неприметный, внезапно краснеет, когда его бьют. Неожиданное для камня самолюбие. Другие камни на такие вещи не реагируют: их бьют — и они бьют. Таковы у них отношения: кто кого сильнее ударит. Но краснеть, как спелое яблочко, — это, извините, не каменные дела, хотя о них и рассказывается в строгой науке минералогии.

А фон Этик продолжал свой рассказ:

— Все это время солдат Бравоит порывался вмешаться и командовал себе еще усердней, чем тогда, когда спешил на свидание: «Ать, два, бравой!» Но прийти на помощь Гакманиту ему так и не удалось.

И тогда я сказал Гакманиту: «Ударные гласные не зря подставляют себя под удар, их слово от этого обретает смысл, а зачем это вам, в вашем положении? Ведь сколько вас ни бей по голове, смысла в ней, извините, не прибавится».

Он сначала не хотел отвечать. Говорил, что у него свои причины, что постороннему этого не понять, но в конце концов сказал, что идет на это из любви к Каломели. К той самой Каломели, которая заставляет его избивать. «Это, — сказал он, — всего лишь физические удары, но любовь моя при этом торжествует, хотя самому мне приходится нелегко. Ведь Каломель, когда меня достаточно сильно ударят, какое-то время

восхищается мной, и даже, мне кажется, немножечко меня любит…» Тут я, не удержавшись, воскликнул: «Но ведь это всего лишь мгновение!»

— И что же он вам ответил? — тут же поинтересовался Морф.

— Он сказал, что вся жизнь состоит из мгновений и, если в нашей жизни хоть несколько, хоть одно мгновение нас любят по-настоящему, можно считать, что мы не зря прожили свою жизнь.

В это время подал голос профессор Храп. Голос у него был громкий и внушительный, но несколько нечленораздельный, и наставникам Хрипу и Сипу пришлось перевести замечание профессора на общедоступный язык:

— Профессор напоминает, что в атмосфере при обычных температурных условиях скорость звука не должна превышать трехсот сорока метров в секунду. Кроме того, он подчеркивает, что звук не может лететь со скоростью света, поскольку у света поперечная волна, а у звука — продольная.

Тетушка Шепотня сказала:

— Ты бы, Гик, поискал себе среди продольных. Это все волна Света, — объяснила она окружающим. — Ему неудобно говорить, но это она.

— Выкладывай, Гик, — сказал дядюшка Децибел. — Здесь все свои, можешь не стесняться.

И нарушитель Гик рассказал:

— Когда юный Плеск встретился с лунным Блеском, они уже не могли блестеть и плескаться по-прежнему, они поняли, что жизнь каждого из них была не полна, что это была всего лишь половина жизни. Вот почему их так потянуло друг к другу: чтобы вырваться из темноты, чтобы избавиться от немоты, чтобы одновременно светить и звучать, то есть жить так, как достойно жить в этом мире… А мы? Когда мы, волны, встречаемся, мы просто не замечаем друг друга, мы проходим друг через друга и спокойно продолжаем свой путь.

— Таково основное свойство волн, — подал голос профессор Храп, и наставники Хрип и Сип донесли этот голос до слушателей.

Тут поднялся Галдеж. Поднялся и сказал:

— Между прочим, это и твое свойство, Гик, не думай, что ты от нас отличаешься!

— Я не отличаюсь. Но я хотел бы отличаться.

— Так я и знала, — проворчала тетушка Воркотня. — Он хотел отличиться и поэтому стал бегать с такой сумасшедшей скоростью.

— Он просто хотел отличиться, — подхватили Шушу-ки, — и поэтому стал бегать с сумасшедшей скоростью за этой волной.

Это же так просто…

— Нет, не просто, — сказал нарушитель Гик. — В том краю, где живут Топот и Гул, где уходит вдаль Перестук, пропадая где-то за поворотом, там стоят у дороги деревья и верстовые столбы и с тоской глядят на дорогу. Они ждут: не покажется ли вдали автобус, телега или пешеход. Ну-ка, кто быстрей пробежит мимо пешехода, телеги или автобуса? Они приготовились. Они замерли в ожидании… Вот сейчас покажется телега, пешеход или автобус — и они побегут…

— Деревья и столбы побегут! — зашумел Галдеж. — И как же они побегут — медленно или быстро?

— Мимо автобуса быстро, мимо телеги медленней, а мимо пешехода шагом пойдут.

Децибел сказал:

— Опять ты, Гик, сочиняешь.

— Он не сочиняет, — сказал профессор Храп. — По теории относительности нет никаких оснований утверждать, что автобус движется мимо деревьев, а не деревья мимо автобуса. Если заданы две системы, движущиеся относительно друг друга равномерно и прямолинейно, то любая из них может рассматриваться как покоящаяся.

— Значит, если Гик пробегает мимо нас с превышением скорости, то можно считать, что это мы превышаем скорость, двигаясь мимо него в противоположном направлении? — сказал Хрипу Сип. — Нет уж, не будем валить с больной головы на здоровую!

А нарушитель Гик продолжал:

— Сколько в мире деревьев, столбов, домов… Сколько в мире их, движение которых зависит от нас, способных двигаться! Ведь если те, кто способен двигаться, будут оставаться в покое, то те, которые от природы обречены на покой, никогда не узнают, что такое движение…

— И солдат Бравоит никогда не двинется с места, — сказал фон Этик своим друзьям.

Профессор Храп уже говорил вполне членораздельно:

— В земных условиях атомы газа сталкиваются со своими соседями миллиарды раз в секунду. А в межзвездном пространстве атому, чтобы с кем-то столкнуться, требуется чуть ли не триста лет… Так что хорошо, что мы живем не в межзвездном пространстве, что имеем возможность сталкиваться, как-то общаться…

И Морф подумал, что буквы, только встречаясь, образуют слова…

И Синт подумал, что слова, только встречаясь, образуют

предложения…

А иначе в мире ничего бы не было сказано и среди множества неорганизованных звуков не звучала бы осмысленная, членораздельная речь…

И тут опять заговорил нарушитель Гик:

— В том краю, где никогда не было слышно ни Плеска, ни Шелеста, куда не докатывался могучий Раскат и не долетал быстрокрылый Щебет, где не тревожился Шорох и не ликовал Звон, — в том краю жила Тишина, одинокая и гордая царица…

— Я же вам рассказывал, — шепнул фон Этик приятелям. — Тишине было легко и спокойно царствовать, потому что в царстве ее не было ни вредного для здоровья Шума, ни Шумихи, вредной его жены, не толкались Толки, не плелись Сплетни, — ни один звук не долетал в счастливое царство Тишины, потому что вокруг была пустота, а звуки в пустоте не распространяются.

Так шли годы, века и тысячелетия, которые пролетали, как одна секунда, потому что время — понятие относительное… И чем больше пролетало тысячелетий, тем больше старилась Тишина.

И вот однажды…

Однажды, когда пролетело бесконечное множество секунд-тысячелетий, из далекого края звуков долетел настойчивый Зов. Вокруг по-прежнему была пустота, но он все-таки долетел, потому что был настойчив и летел из всесильного края Разума. Он прилетел и крикнул: «Тишина! Ты слышишь меня, Тишина?»

Она его не услышала. Она напрягала слух, но не могла уловить ни одного звука. «Тишина! — взывал Зов. — Откликнись, я пришел к тебе, Тишина!» Тишина молчала… Просто столько лет… И хотя время — понятие относительное, но когда его слишком много проходит, Тишина превращается в Глухоту… Когда столько лет стараешься ничего не слышать, невольно превращаешься в Глухоту — из прекрасной, чуткой Тишины в безобразную, равнодушную Глухоту…

— А я-то мечтал оглохнуть! — сказал дядюшка Децибел. — Гик, или ты издеваешься над стариком, или мне действительно лучше не глохнуть?

6

Фрегат, который фон Этик упорно называл «фрИгат», уносил их все дальше в открытое Книжное море. Фон Этик теперь был с ними: встреча с Морфом напомнила ему о пока еще не решенном споре произношение — написание, и ему захотелось продлить этот спор там, где можно не просто бесконтрольно звучать, но постоянно сверять свое звучание с написанием. Потому что все познается в сравнении, в том числе устная и письменная речь.

Фон Этика потянуло в мир организованных Звуков. Гомон — это, конечно, хорошо. И Вой, и Треск, и Свист, и Галдеж — все это хорошо, но даже все вместе взятые, они не заменят одного значащего Слова.

Они расстались с Мазурием в Периодической системе. У него там было много дел, несмотря на то, что он не оправдал ожиданий химиков как самостоятельный элемент. Но, возможно, существование всех этих элементов было бы неполным без его несуществования? И, может быть, как раз такие, несуществующие, делают простое существование жизнью? Потому что для жизни мало одного существования…

Да, согласно теории относительности, которую так просто и убедительно изложил ухарь Гик, покой может восприниматься как движение, отсутствие как присутствие, нет как есть. Мазурий это и прежде чувствовал, когда собирался отправиться в страну Где Ничего Нет, и на вопрос: а есть ли такая страна? — отвечал:

— Есть. Вернее, нет, но для нее это все равно, что есть: это же страна Где Ничего Нет, поэтому для нее нет все равно что есть.

Он чувствовал: должна быть где-то страна, где он, Мазурий, которого здесь, в природе, нет, может быть полноправным жителем.

— Ах, какая это страна! — мечтательно говорил он. — Чего только нет! Каких там нет рек и озер, каких удивительных восходов и закатов!

И вдруг он перестал говорить о стране Где Ничего Нет и заговорил о тех, которые есть в его родной, хотя и отвергнувшей его, Периодической системе элементов.

— Вы знаете, сколько на Земле Астата? Шестьдесят пять миллиграммов, всего-навсего. Других миллиарды тонн, а его — ничтожная доля грамма, ну как тут не переживать? Ну, я ему, конечно, говорю: спокойно, всем оставаться на своих местах. Тебя, Астат, в природе шестьдесят пять миллиграммов, а меня и вовсе в природе нет. По сравнению со мной тебя вон как много!

Рассказал это Мазурий и заволновался: как там без него

Астат? Ведь ему кажется, что его много только тогда, когда он сравнивает себя с Мазурием, а когда ему не с кем себя сравнить… То есть, сравнить-то ему есть себя с кем, только сравнение будет не в его пользу.

— Ать-два, бравой! Пора мне возвращаться к своим, — сказал Мазурий. — Чего доброго Кислород соединится с Железом, а не с Алюминием, а ведь это далеко не одно и то же. Железо он разрушает, Алюминий же — предохраняет от разрушения. Представляете? Один и тот же Кислород!

А Палладий? Ведь он же, наверное, опять не вынимает головы из кастрюли. И это называется благородный металл! Если каждый будет поглощать Водород, то можно вообще остаться без Водорода. Будем потом бегать, искать, добывать искусственным способом.

Пусть посмотрят на Мазурия. Пусть увидят, что бывает, когда какого-то элемента нет. Совершенно нет. И нигде его не достанешь.

— Ать-два, бравой! — сказал Мазурий, как говорил полюбившийся ему солдат Бравоит. — Мне еще нужно один Изотоп застать, повидаться с ним перед разлукой. Ждет он меня, наверно. А может, не надет. Откровенно говоря, зачем я ему нужен?

Изотоп Натрия, Натрий-24, родился всего двадцать девять часов назад, а через час должен был уйти: период его полураспада всего пятнадцать часов, а полураспад и полураспад, как говорил Рубидий…

Их было двое, Натрий и его Изотоп, они сидели друг против друга, присев на часок перед расставаньем.

— Мазурий! — обрадовался Изотоп. — Вот кого я хотел повидать перед уходом!

— Ну еще бы! Только меня тут и не хватало! Между прочим, он прав, — объяснил Мазурий своим спутникам, — перед тем как что-то сделать, нужно непременно с Мазурием повидаться. Мазурий у нас крупный специалист по чужим делам. Потому что своих дел у него нет. У каждого есть дело, а у Мазурия нет, поэтому все идут к нему со своими делами.

— Зачем ты так, Мазурий? Я ведь серьезно хотел тебя повидать.

— И я хотел вас повидать, — серьезно сказал Мазурий. — Хоть я и болтун, и пустомеля, но сейчас, мне кажется, я не обманываю.

— Можешь обманывать, — улыбнулся Изотоп, — все равно я тебе верю. Ни одному элементу так не верю…

Мазурий смутился:

— Ну какой я элемент? Так, ошибка природы… И даже не природы, потому что в природе-то меня нет.

Морф сказал:

— Сегодня ошибка, завтра — не ошибка. Наречие вовсю сегодня пишут слитно, а раньше писали через черточку.

— Вот именно, — кивнул Изотоп. — Возможно, жизнь на нашей планете появилась благодаря ошибке: все безошибочные планеты мертвы.

— Неплохо сказано, — похвалил Синт, — особенно для такого короткого периода полураспада. А сколько мы тратим часов попусту!

— У вас много часов, — улыбнулся Изотоп, — а у меня мало. Вообще-то не так уж и мало… Что ж тогда говорить о тех, кто живет всего лишь долю секунды? А ведь их доля — это их жизнь.

— Я бы не отказался и от такой доли, — сказал Мазурий. — У Рубидия период полураспада семьдесят миллиардов лет, и он дрожит за каждый свой миллиард… Нет! Лучше уж, как Свинец-214, иметь период полураспада считанные минуты, чем трястись за жизнь свою миллиарды лет… У меня нет ни лет, ни минут, но если б они были… если б я был… я бы не обращал внимания на все эти периоды полураспада. Иначе жизнь — это полный распад.

— Как он говорит! — воскликнул Изотоп Натрия. — На такие слова не жаль потратить последний час жизни.

Но Мазурий уже спохватился:

— Я опять тут наговорил… Вот характер: непременно должен что-то наврать, без этого у меня не обходится… А ведь зашел я не для этого.

— Понимаю, — любовно улыбнулся ему Изотоп.

— Я зашел, чтобы сказать вам, Изотоп Натрия: вы не переживайте. Меня открыли в 1925 году два ученых — мужчина и женщина. Зачем? Я думаю, они просто искали повод пожениться. Потому что после того как меня открыли, они вскоре и поженились, вроде бы на радостях. Но для меня-то радости мало: я как не существовал до этого, так и остался не существовать. А вы все-таки существовали, вы немало успели за эти свои часы. И кроме того, не забывайте: вы ведь не исчезнете, вы останетесь во Вселенной, вас охраняет закон сохранения материи. И еще… — Мазурий опять вспомнил теорию относительности. — Пока живы живые, неживые тоже живут…

— Мне хотелось его поддержать, успокоить, — объяснил Мазурий своим спутникам, выйдя от Изотопа. — Знаете, это очень тяжело — уходить. Я, правда, не пробовал, но мне кажется, тут очень нужно — успокоить.

— Да, — кивнул Синт, — нам тоже тяжело от вас уходить. А пора уходить. Успокойте нас на дорожку.

— Ать-два, бравой! — сказал отставной элемент. — Спасибо вам за то, что подарили мне эти слова, с которыми не страшно шагать, даже когда шагать и негде, и некому…

— Пустяки, — сказал фон Этик, — эти слова принадлежат солдату Бравоиту, и они, кстати, остались при нем.

— В этом особенность слов: их можно дарить и дарить, и они все равно при нас остаются, — добавил к словам фон Этика Синт.

— Все равно спасибо за подарок. А теперь внимание: всем оставаться на местах. Начинаю успокаивать вас на дорожку. — Он сделал торжественную паузу. — Знайте, куда бы вы ни ушли, вы все равно останетесь в природе, а это уже само по себе замечательно. Но я не это хотел сказать. Послушайте: когда я жил в сорок третьем номере, где сейчас живет Технеций, у меня был верхний сосед из тридцать пятого номера. Он так боялся, что перестанет существовать, что от страха не выходил из жидкого состояния. А нижний мой сосед, из пятьдесят третьего, до того всего боялся, что испарялся, представьте себе, в твердом состоянии. Только что был твердый, глядь, а его уже нет. Испарился. Это, говорят, борьба за существование: хоть жидкостью, хоть газом — лишь бы существовать. Но ведь это не все равно, в каком состоянии существовать, можно даже и вовсе не существовать и не терять при этом присутствия духа. Так стоит ли так упорно бороться за существование? Неужели это так существенно — существование?..

Он успокаивал их так, что его самого нужно было успокаивать, и очень кстати Синт вспомнил сказку, которую ему рассказывали в детстве, когда он не хотел заниматься синтаксисом:

— В некоторой книге, где растут на дереве фиги, посреди страницы, которой правят царь и царица, между двумя членами предложения жил-был Интервал. Его никто не замечал, он был для всех ничто, пустое место, хотя назывался громко и даже торжественно: Интервал. Когда-то, еще в детстве, мама называла его Промежуточек, говорила, что нашла его промеж уточек, но уточки потом улетели, а его оставили. Мама очень надеялась, что ее Промежуточек, которого она нашла промеж уточек, сумеет когда-нибудь сказать свое слово…

Но он не сказал его, он вообще ничего не сказал, а так и остался Промежуточком, по-взрослому — Интервалом. И все считали, что он вообще ничто, пустое место, и мама плакала, вспоминая, каким он был маленьким и какие большие подавал надежды.

Как-то два члена предложения, между которыми стоял Интервал, задумали между собой соединиться. Казалось бы, что в этом плохого? Они так долго стояли рядом, что уже не могли отделить себя друг от друга, а словам, которые не могут отделить себя друг от друга, естественно слиться в одно целое. Тем более, что одно из слов было ум, так что в поступке их не было никакого безрассудства.

Но, как это иногда бывает, ум отодвинулся на второй план, а на первый выдвинулось определительное местоимение, которое в данном случае было определяющим: сам ум. Пока еще ум был ум, но стоило им соединиться, как их бы захлестнуло безумие, смерч, самум — все сметающий на пути вихрь уничтожения.

Вот тогда-то и выяснилось, что Интервал — это совсем не пустое место. Он встал между ними, и, как его ни ругали, ни уговаривали, ни обзывали пустым местом, он не позволил, чтобы ум превратился в самум, жестокое и безумное орудие уничтожения.

Вот вам и Промежуточек, которого мама нашла промеж уточек, когда сами уточки уже улетели… В трудную минуту наши уточки возвращаются к нам, и мы становимся такими сильными, какими бывали только в детстве…

Мазурий усмехнулся:

— Вы хотите меня уверить, что и я, как тот Промежуточек, кому-то нужен, несмотря на свое полное отсутствие в природе? Ну, знаете, уж как я вру, а вы еще меня похлеще… Ох, выставят вас из вашей таблицы — или откуда там у вас выставляют?

Наступила очередь Морфа.

— Мазурий, — сказал он, — мне тоже хотелось бы на память что-то вам подарить. Синт подарил вам сказку, фон Этик — бравую солдатскую команду, помогающую шагать, несмотря на трудности несуществования. А я подарю вам небольшое открытие. Конечно, для специалиста по этимологии это известная истина, но для меня, морфолога, это открытие, и мне пришлось перерыть для него немало книг. Так вот, Мазурий, ваше имя происходит совсем не от слова мазурик, означающего «обманщик, плут», оно имеет совсем другое происхождение. То же самое, что и танец мазурка.

— Значит, вы считаете, что мне можно верить? Спасибо, спасибо, теперь мне будет не существовать веселей. И не потому, что имя мое имеет общий корень со словом мазурка, а потому что это так важно, когда тебе верят… Когда тебе верят, чувствуешь, что живешь…

Прошло немало часов после разлуки с Мазурием, когда перед ними возник странный берег, не имевший ни начала, ни конца,

простиравшийся во все стороны — неизвестно откуда и неизвестно куда. На берегу этом стоял странный конь, запряженный в странный возок, на котором стоял странный возничий и говорил с этого возвышения, вследствие чего слова его звучали несколько высокопарно:

Друзья мои!
Мы счастливы безмерно,
Что вы, не убоявшись книжных бурь,
Нашли в себе и силы, и дерзанье
Фрегат направить к нашим берегам,
Необжитым, холодным и суровым,
Вселенная вам шлет привет,
Галактики вам кланяются низко,
Орбиты обнимают вас сердечно
И прижимают к звездам горячо.
Созвездье Чаши поднимает тост
За процветанье каждой вашей буквы.
Созвездье Водолея воду льет
На вашу мельницу. Созвездье Лиры
Звучит сегодня только в вашу честь.
И низко клонит головы свои
Могучее созвездие Дракона,
Созвездье Скульптора,
Созвездье Живописца
Уже готовы вас увековечить,
Хотя ничто не вечно под Луной.
Так, не смутясь всемирным притяженьем,
К вам тянутся сегодня все созвездья,
Поскольку всю Вселенную вмещает
Отрезок небольшой — от А до Я.

— Вы слышите, фон Этик: от А до Я, — сказал Синт. — Кажется, вас узнали.

— Ну почему это меня? Разве только меня?

А Возничий между тем продолжал:

Вот буква А: созвездье Андромеды,
Звезда Антарес и Альдебаран.
Вот буква Б: созвездье Близнецов,
Ярчайшее светило — Бетельгейзе.
А Волосы прекрасной Вероники,
Название огромного созвездья,
Дань вашей благородной букве В.

А Вега? А красавица Венера?
По алфавиту дальше буква Г.
Могучее созвездье Геркулеса
Ее не зря возносит до небес.
А букву Д несет созвездье Девы
В своих нежнейших девичьих руках.
И спутница Юпитера Европа
Навеки неразлучна с буквой Е.
Почтительно склоняют обе шеи
Пред буквой Ж созвездия Жирафа
И Журавля.
А дальше — буква З.
Ее хранит суровый Змееносец,
Ее гонец — неутомимый Заяц,
Ее советчик — мудрая Змея.
И — в чем ее особенное счастье —
Ее несет родимая Земля…

— Ну, наконец-то мы вернулись на Землю, — шепнул Морф фон Этику. — А я уж думал, нам и ночевать в небесах.

Я мог бы продолжать. Немало букв
Еще осталось в вашем алфавите.
Но я не буду утомлять ваш слух:
Вселенная хотя и бесконечна,
Но любит краткость.

Возничий сошел с воза и сказал:

— Все, что я говорил до сих пор, это стихи. А теперь позвольте перейти на прозу.

Нет, он еще не кончил. Он кончил только стихотворную, так сказать, официальную часть, подготовленную для этого случая в созвездии Пегаса. А теперь ему хочется сказать несколько слов от себя. Прозой. Когда он говорит от себя, он всегда говорит прозой, потому что стихами всего не выскажешь.

— Сам я, как вы уже, наверно, догадались, Возничий из созвездия Возничего, а этот малый — мой конь, из созвездия Малого Коня…

Малый Конь заржал, представляясь новым знакомым.

— А вот это наша Вселенная, — продолжал Возничий. — Вон, видите огоньки? Это созвездие Стрельца. Однажды я этого Стрельца подвозил. Вот была история! Рассказать? Только предупреждаю: без всяких стихов. Стихи — это по части Пегаса.

Малый Конь заржал, высмеивая Пегаса. А Возничий рассказывал:

— Иду это я, значит, точнее, еду на своем возке, смотрю: он стоит на дороге. И руку поднял: мол, подвези. На плече у него щит из созвездия Щита, за поясом стрела из созвездия Стрелы, а у ног гончие псы из созвездия Гончих Псов дорогу нюхают. «Хочу, — говорит Стрелец, — освободить деву из созвездия Девы от дракона из созвездия Дракона». Ну, думаю, это дело хорошее. Подвез его, куда он просил, а на обратном пути вижу — стоит волопас из созвездия Волопаса и плачет горькими слезами. Точно вам говорю, без стихов. Оказывается, этот Стрелец из созвездия Стрельца подстрелил тельца из созвездия Тельца, которого пас волопас из созвездия Волопаса. А я его еще подвозил… Выходит, что я и сам принял в этом участие. Хотя сам-то я не стрелец, я возничий, но у нас во Вселенной все так связано… Вот, пожалуйста: звезда Ми Голубя вылетела из созвездия Голубя и панически несется со скоростью сто километров в секунду. Возможно, из-за этого самого Стрельца. Если так будет продолжаться, мы останемся без созвездий. Это я вам точно говорю, без стихов.

Малый Копь заржал, солидаризуясь с хозяином.

Чем-то этот Возничий был похож на Мазурия. Может, он тоже не существовал, а все несуществующие похожи друг на друга.

— А как вы нас узнали? — спросил Синт.

— Кто ж вас не узнает? Сразу видно: люди серьезные, грамотные. Да и разговоры такие: что писать с черточкой, что без черточки — как же тут не узнать? Мне поручено встретить вас как гостей, но я от себя так думаю: гость — человек посторонний, сегодня он есть, завтра нет, а нам все-таки жить в нашей Вселенной. Вот я и решил поговорить с вами начистоту, без стихов: может, напишете о нашем бедственном положении? Можно с черточкой, можно без черточки, но только так, чтоб о нас прочитали.

Ох, как он был похож на Мазурия! А может, это и был Мазурий? Ведь для них, несуществующих, все равно где не существовать: в Периодической таблице или где-то в созвездии Возничего.

— Напишем, — сказал Синт. — Непременно напишем.

— Вот и хорошо, вот и спасибо. В таком случае разрешите подвезти. — Он усадил их в свой возок. — Чувствуйте себя как дома, во Вселенной у нас нет гостей, все, как говорится, дома… — Он причмокнул губами и сказал ласково: — Но, Малый!

Малый Конь заржал, сигнализируя хозяину: вас понял,

перехожу на галоп.

Они въезжали во Вселенную… Звезды становились крупнее и ярче, планеты бежали по своим орбитам так быстро, как секундная стрелка часов. Тут же было и созвездие Часов: во Вселенной дорожили временем.

Они въезжали в бесконечность, в ту самую бесконечность, о которой мечтала Восьмерка, конечная величина, в непостижимую, пугающую и манящую бесконечность…

— Но, Малый! — крикнул Возничий и еще что-то тихонько сказал. Кажется, это было знакомое: «Ать-два, бравой!»

Память о птице Моа

ПОЧЕМУ НЕБЫЛИЦЫ БЕЗ «НЕ» НЕ УПОТРЕБЛЯЮТСЯ

В те сказочные времена, когда все слова свободно треблялись без «не», жили в одной стране просвещенные люди — вежды. Король у них был Годяй, большой человеколюб, а королева — Ряха, аккуратистка в высшей степени.

Вежды глубоко навидели своего короля Годяя. Да и как было не навидеть короля, когда во всем королевстве сплошная разбериха, постоянные взгоды, поладки и урядицы, когда все хорошее может употребляться без «не» и поэтому не становится плохим, а остается хорошим?

Собрал однажды король своих доумков, то есть мудрецов, и

сказал им:

— Почтенные доумки, благодарю вас за службу, которую вы сослужили мне и королеве Ряхе. Ваша служба была сплошным потребством, именно здесь, в совете доумков, я услышал такие лености, такие сусветные суразицы, что, хоть и сам я человек вежественный, но и я поражался вашему уму. Что же касается королевы Ряхи, то она не раз восхищалась вашей уклюжестью, вашей укоснительностью в соблюдении государственной аккуратности и чистоты.

— Ваше величество, — сказали доумки, — мы просто удачники, что у нас король такой честивец, а королева такая складеха и что подданные такие вежи и навистники, каких свет не видал. Вы, ваше величество, всегда вызывали в нас чувство годования, и мы доумевали, что вы стали нашим королем.

— Я знал, что вы меня долюбливаете, — скромно сказал Годяй. — Мне всегда были вдомек ваши радивость и домыслив в решении сложных вопросов, и, при вашей поддержке, я бы и дальше сидел на троне, как прикаянный, если б не то, что я уже не так домогаю, как прежде, бывало, домогал.

— Вы домогаете, ваше величество, — запротестовали доумки. — Вы еще такой казистый, взрачный, приглядный! Мы никого не сможем взлюбить так, как взлюбили вас.

— Да, — смягчился король, — я пока еще домогаю, но последнее время стал множечко утомим. Появилась во мне какая-то укротимость, я бы даже сказал: уёмность. Удержимость вместо былой одержимости. Устрашимость. Усыпность. И вообще — жизнь уже не кажется мне такой стерпимой, как прежде.

— Вам бы, ваше величество, частицу «не»! — сказал доумок, слывший среди своих большим дотепой. — Вместо того, чтоб восторженно восклицать: «Ну что за видаль!» — пожимали бы плечами: «Эка невидаль!» Вместо того, чтоб ласково похлопывать по плечу: «Будь ты ладен!» — махали б безучастно рукой: «Будь ты неладен!» И вся недолга… То есть, я хотел сказать, что если раньше у вас, ваше величество, была вся долга, то теперь, с частицей «не», было б совсем другое.

Король запротестовал:

— Употребляться с частицей «не»? Но вы забываете, что когда все хорошее может свободно употребляться без «не», оно не становится плохим, а остается хорошим.

Доумок — недаром он слыл дотепой! — на это возразил:

— Но когда все плохое может свободно употребляться без «не», оно так и останется плохим и никогда не станет хорошим!

Король задумался. Он думал долго, как можно думать только в совете доумков, и наконец сказал:

— То-то я смотрю: жизнь уже не кажется мне такой годящей, как прежде. Это потому, что плохое у нас не становится хорошим, а остается плохим. А мы на него надеемся!

Так появился в королевстве указ, точнее параграф, о слитном написании частицы «не». То ли недовольные прежним своим смыслом, то ли в погоне за лишней парой букв, частицей «не» обзавелись не только состоятельные, солидные вежи, но и юные доучки, и даже малолетние смышленыши.

С частицей «не» плохое становилось хорошим. Но его не убывало, потому что хорошее с частицей «не» становилось плохим.

До чего же коварная эта частица! Недаром ее правописание выделено в грамматике в отдельный параграф — и все равно плохо запоминается, хотя с частицей «не» плохо должно обозначать хорошо.

Какой-то бывший поседа, который был одновременно дотрогой, сидел на одном месте, всеми затроганный, — теперь оседлал частицу «не» и помчался по белу свету рассказывать, что у них в королевстве произошло. Но никто не верит его былице, потому что много воды утекло, а когда утекает много воды, некоторые былицы без «не» не употребляются.

РАССКАЗЫ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

У нас каждый имеет право говорить от первого лица. Кто бы он ни был, какое бы ни занимал положение, ему обеспечено право говорить от первого лица. Даже если он и не лицо вовсе, и не умеет считать до одного, — все равно он говорит от первого лица… Это дар нашей щедрой науки — грамматики.

Рубашка

Меня всю жизнь считали счастливым человеком, потому что я родился в рубашке. Ведь не каждый рождается в рубашке. Некоторые всю жизнь не имеют рубашки. А я родился в рубашке. Значит, я — счастливый человек.

Началось все, как водится, со счастливого детства.

— Смотри, не порви рубашку, — говорила мне мать. И я смотрел. Когда мои товарищи покоряли вершины деревьев, заборов и крыш, я оставался внизу и смотрел. Потому что я родился в рубашке.

— Лучше сядь и почитай, — говорила мне мать. — А еще лучше — приготовь уроки.

И я читал и готовил уроки, аккуратно готовил, чтоб не посадить на рубашку пятно.

В моем счастливом отрочестве пришла ко мне первая любовь. Вернее, пришла она не ко мне, а к моей матери: это была ее подруга.

— Вот это рубашка, о которой я тебе говорила, — сказала ей мать, показывая на меня.

И подруга сказала:

— Очень миленькая.

И она ушла, так и не заметив того, кто скрывался за этой рубашкой, и даже не скрывался, а, напротив, изо всех сил старался попасться ей на глаза.

Так пришла и ушла моя первая любовь. Потому что я родился в рубашке.

Моя счастливая юность щеголяла в рубашке даже там, где все ходили в одних трусиках. Я не лежал на песке. Я не сидел на песке. Я стоял на песке, прикрываясь от солнца рубашкой.

Зрелость, счастливая пора, свела меня с женщиной, которая стала стирать мою рубашку. Когда мы впервые встретились, она опустила глаза и вздохнула:

— Хорошо бы постирать вашу рубашку.

Я не возражал.

По вечерам, оставаясь вдвоем, мы садились у окна и смотрели, как загораются звезды. Мы сидели так близко, что я чувствовал ее сквозь рубашку, и она говорила с нежностью:

— Милый, не помни рубашку…

Это было чудесное время. Мы никуда не ходили, ни с кем не встречались, мы были вдвоем, вернее, втроем: я, она и наша рубашка.

Сейчас у меня счастливая старость. Прекрасная пора! Я много бываю на воздухе, потому что в старости полезно бывать на воздухе. Я начал заниматься спортом. Театр — моя страсть. Кино — моя страсть. У меня есть немало страстей, о которых не место здесь распространяться.

Я отдал сыну рубашку, в которой родился. И теперь он — счастливый человек.

Горе-Хвостка

Вы знаете Кукшу? Ну этого, из семейства вороновых… Он еще всегда летает в одиночку, холостяком, словно у него вообще нет никакого семейства…

Да нет, конечно, вы его видели, его невозможно не заметить. Он даже в будние дни держится франтом, благодаря своему яркому оперению, в котором цвета подобраны с большим вкусом, и крылья у него умеренно короткие, а хвост умеренно длинный, и все это производит весьма благоприятное впечатление, хотя по натуре Кукша — самый настоящий разбойник.

Кстати, вы замечали, что впечатление бывает обманчивым?

Глядя на Кукшу, вы ни за что не поверите, что он разоряет чужие гнезда, что он, по выражению Зяблика, плодит на свете вдов и сирот в большем количестве, чем собственное потомство. По выражению Зяблика, между теми, которые всех едят, и теми, которых все едят, Кукша занимает промежуточное положение: аппетиты у него большие, но габариты маленькие. А для больших аппетитов нужны соответствующие габариты.

На нашей большой дороге Кукша всегда появляется в одиночестве, и соседка Горихвостка, одна из тех горихвосток, которых Кукша сживает со свету сотнями, частенько вздыхает о нем:

— Ах, бедный! Какой же он одинокий!

При этом Горихвостка так вертит хвостом, что вокруг нее тотчас же собирается аудитория.

— Но ведь он же разбойник! — возражаем мы ей.

Слово «разбойник» настраивает Горихвостку на романтический лад, — возможно, потому, что сама она мирная и вполне безобидная птичка. Если вы обратили внимание, романтика — это нередко тяга к тому, чего сами мы лишены. И вот, настроившись на романтический лад, Горихвостка представляет себе, как этот разбойник вылетает в одиночестве на большую дорогу, и сердце ее сжимает сладкая грусть: неужели ему, разбойнику, суждено быть таким одиноким?

Можно посмеяться над Горихвосткой, можно даже, по примеру Зяблика, назвать ее Горе-Хвосткой, но Горихвостка прекрасна, а прекрасное редко бывает смешным. Мы не сводим с нее восхищенных глаз, а когда Горихвостка начинает вертеть хвостом, мы едва не падаем с наших веток.

Что и говорить, этот разбойник выделяется среди нас. Может быть, потому, что он держится особняком, а когда держишься особняком, тогда, конечно, среди других выделяешься. Даже свои перелеты он совершает не в стае, а в гордом одиночестве. Правда, не в очень гордом, потому что панический страх загоняет его на каждое встречное дерево, где Кукша подолгу отсиживается, прячась от возможных, зачастую мнимых, врагов.

Обратите внимание: великодушие противоположно малодушию. Поэтому жестокие всегда трусливы.

— Он бы не был таким разбойником, если б не был так одинок, — вздыхает Горихвостка, оправдывая Кукшины злодеяния, на что Зяблик немедленно возражает:

— Он бы не был так одинок, если б не был таким разбойником.

Зяблик прав, Зяблик тысячу раз прав, но его правота ни в ком не вызывает сочувствий. Всем гораздо ближе Горихвосткина неправота. Потому что в Горихвостке все прекрасно: и правота, и неправота, — одно ее движение хвостом убеждает нашу аудиторию. И мы уже завидуем этому разбойнику и его одиночеству, потому что, если взять во внимание Горихвостку, его одиночество с нашим не сравнить. Мы не сводим с нее глаз и думаем: до чего же мы все одиноки! Мы летаем стаями, мы собираемся шумной гурьбой на деревьях, стараясь перекричать и перегорланить друг друга, но мы одиноки, мы по-настоящему одиноки… Потому что не о нас печалится Горихвостка и не для нас она вертит хвостом…

Сухарик

Зовите меня Сударик, зовите меня Сухариком, но не забывайте, что я — бывший Рогалик.

Помните — с двумя рожками? Да не козлик, нет. Не бычок. Сдобный такой. Да мы же на кухне у вас встречались!

Славные были времена!

Варенья была полная банка, а теперь только три четверти.

Меду была полная банка, а теперь только три четверти. И чай тогда только-только закипел… Вот было время! Горячее, веселое, но и трудное, правду сказать. Сколько было рогаликов, а где они все? Потому что сдобные были, мягкие чересчур. А в жизни главное что?

Твердость.

Это понимаешь не «разу, а со временем, когда станешь — ну, как, к примеру, я…

Вспомнили теперь? С двумя рожками. Нет, не козлик. И не бычок… Зовите меня Сухариком, зовите Кусариком, но попробуйте укусить…

Вот то-то же. Выплюньте зуб, он вам больше не пригодится.

Воробьиная сказка

Сидел я у окна, смотрел, как воробьи резвятся на соседней крыше, и завидовал. И вдруг один из них подлетает и говорит:

— Пошли резвиться! Усядемся на проводе, будем хвостиками вертеть.

— У меня нет хвостика.

— Ну, хоть почирикаем, клювики почешем.

Да, почирикать — это бы хорошо! Почесать клювики — золотое дело!

— У меня нет клювика…

Воробей помолчал.

Трудно тебе… А хочешь, я из тебя воробья сделаю?

— Насовсем бы мне не хотелось. Привык я как-то. Да и семья. Там, у вас, у меня нет семьи, а здесь семья…

— Можно не насовсем, — кивнул Воробей. — От семьи насовсем уходить — самое последнее дело. Хотя и последние дела тоже бывают ничего.

— Какие там последние! Я еще первых не переделал…

— Ладно, — сказал Воробей, — сиди как сидишь. Только мыслей у тебя не должно быть человеческих. Думай, как бы в луже поплескаться, стащить кусочек чего-нибудь… И вырастет у

тебя хвостик и клювик для чириканья, и полетим мы с тобой резвиться по белу свету…

Я приготовился. Представил, как сижу в луже, чирикаю да хвостиком верчу… Только вот лужа в неподходящем месте: жильцы наши ноги промочат, чего доброго, простудятся…

— Ты о чем думаешь? — подозрительно спросил Воробей. — Вижу по тебе, что мысли у тебя какие-то человеческие, не воробьиные мысли. Ну-ка, сначала давай!

Сосредоточился я. Представил, как сижу на проводе, хвостиком верчу… А по проводам бежит ток… Или не бежит? Что-то я его совсем не чувствую… Конечно, воробьи сидят — и им ничего, но они-то не знают, что такое сидеть без света… Знали бы — сразу почувствовали бы: идет ток по проводу или не идет…

— Опять ты думаешь не по-воробьиному! — рассердился Воробей.

Так и не удалось мне с ним порезвиться. Ни почесать клювики, ни хвостиками повертеть. Оказывается, чтоб воробьем быть, нужно не только иметь хвост и клюв, но и мысли специальные, для чириканья…

ИСТОРИЯ, НЕ ПРОЧИТАННАЯ В КНИГЕ «АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ»

Когда Алиса подошла к зеркалу, там уже кто-то был. Она присмотрелась и узнала Белого Кролика — того самого, из Страны Чудес. Он смотрел из зеркала, высокомерно улыбаясь, и ронял жалкие, не соответствующие его виду слова:

— О, освободите меня, я уже так опаздываю! Я застрял в этом зеркале, остекленел, озеркалился, ни тпру ни ну, ни в гостях ни дома, ни в городе Богдан ни в селе Селифан…

Он не был похож ни на Богдана, ни на Селифана, он был похож на обыкновенного Белого Кролика, который слишком долго и часто смотрел в зеркало и потому в нем застрял…

— Возможно, я слишком долго смотрел в зеркало. Воз. Можно. Можно воз, а можно телегу, но только отсюда меня надо вывезти. Мне, понимаете, хотелось иметь такой вид, какой подобает иметь на балу у Герцогини. И вот — вследствие… а может быть, и не вследствие, а по причине… Ведь причина бывает раньше, чем следствие?

— Смотря какие обстоятельства, — сказала Алиса, всегда путавшая обстоятельства следствия и причины.

— Вы меня видите? — спросил Кролик.

— В том-то и беда. Теперь в этом зеркале никто не увидит себя, все будут видеть только Белого Кролика.

— Это вы серьезно? — забеспокоился Кролик. — Боюсь, что у меня такой вид… Я ведь себя не вижу, я не в зеркало смотрю, а из зеркала…

— Как же теперь попасть в Зазеркалье? — спросила Алиса. — Вы загородили все зеркало, и теперь никто не попадет в Зазеркалье.

— Воз — можно, — сказал Белый Кролик. — Можно — воз. — Чтобы придать себе вес, он употреблял приставку вместо имени существительного. — Но лично мне не нужно в Зазеркалье. Я не опаздываю в Зазеркалье так, как опаздываю на бал к Герцогине.

Сказка его давно кончилась, а он все еще опаздывал на бал к Герцогине. Но не терял надежды попасть на бал.

Алиса смотрела в зеркало и видела в нем Белого Кролика, вместо того чтобы видеть себя. А ведь в зеркале положено видеть себя, а не кого-то другого.

Постепенно Алиса начала к этому привыкать, и ей уже казалось, что в зеркале не должно быть никого, кроме Белого Кролика. У нее даже промелькнула мысль, что, возможно, она,

Алиса, и есть в действительности Белый Кролик (воз — можно, а можно и воз). Потому что ведь зеркала не врут. Девочки иногда врут, кролики иногда врут, но зеркала — не врут.

Так подумала Алиса и провела рукой у себя под носом, чтобы разгладить усы, которые видела в зеркале. И подняла высоко над головой руку, чтобы потрепать себя по ушам.

СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА

Когда собственное имя становится нарицательным, это большая честь для него, хотя его и начинают писать с маленькой буквы. Ну разве для Держиморды не честь, что его пишут с маленькой буквы, называя его именем всех остальных держиморд?

Но, с другой стороны, когда нарицательное имя становится собственным, это тоже для него лестно. «Проказница Мартышка, Осел, Козел да косолапый Мишка…» Посмотрите, как эти слова вырастают в наших глазах… Хотя бы начальной буквой своей вырастают…

Каждому хочется вырасти в чужих глазах, собственное имя свое сделать всеобщим достоянием, а своим собственным достоянием сделать широкоизвестное нарицательное имя.

Привет из литературы

На нашей лестнице живет Некрасов — не писатель, конечно. И живет на нашей лестнице Белинский — тоже не критик, а так. И вот Белинский (не наш) написал статью про Некрасова (тоже не нашего). Вообще-то он ее написал давно, только мы про нее недавно узнали.

Наш Белинский говорит:

— Неудобно хвалить, но написано здорово. Я специально, чтоб почитать, записался в библиотеку. Прочитаю — выпишусь.

— Надо и себе записаться, — говорит наш Некрасов. — Интересно, как там твой моего…

Некрасов — тот еще — выпустил сборник. Не то московский, не то ленинградский, словом, по какому-то из городов. Правда, он не весь сборник сам написал, были там еще, не с нашей лестницы. А Белинский (тот) возьми и грохни статью.

— Ты прикинь, — говорит наш, — их там на сборник человек десять, а он один — про всех.

— Ну, мой-то, наверно, тоже что-нибудь написал. Помимо сборника.

Это наш Некрасов вступился за своего. Кто ж теперь за него заступится?

— А ты думаешь, Белинский только про этот сборник написал? У него там и про других, только я фамилий не запомнил.

И правда, всех запоминать — мозгов не напасешься. Тут хоть бы со своей лестницы.

На лестнице у нас хватает жильцов, и каждый норовит, чтоб его запомнили. Один говорит: меня запомнить легко, потому что, говорит, моя фамилия Менделеев. А чего ж, говорю, легко, фамилия довольно-таки длинная. А он: так это ж был великий химик. Придумывает, конечно, пользуется, что химия — наука малоизвестная, не для широких масс. Ты бы, говорю, придумал что-нибудь поинтересней. Полководец, например, Менделеев. Или космонавт. А с химией… Кому она нужна, твоя химия?

Но — запомнил. Через химию эту самую. Теперь как про химию услышу, вспоминаю Менделеева и смеюсь. Ловко он купил меня, Менделеев.

Чего там говорить, каждому хочется, чтоб его фамилия прозвучала. С Некрасовым-то легко звучать — под одной фамилией. И с Белинским тоже. Как начнут они на лестнице нашей звучать — битый час, и все о литературе.

— Сейчас, — говорит Белинский, — уже не та критика. Нет того, чтоб про целый сборник — статью.

— А сборники? — поддает Некрасов. — Кто их сейчас пишет, сборники?

Словом, разговор. Со стороны даже слушать обидно. Пошел я, записался в библиотеку.

— Дайте, — говорю, — что-нибудь под моей фамилией. Чего, думаю, не бывает. А вдруг?..

Не надеялся, честно говоря. А она — выносит. Видно, писателей у нас развелось, в какую фамилию ни ткни… Полистал книжечку — стихи.

— А про него у вас нет? Статейки хоть маленькой?

— Две статьи Белинского. Добролюбова. Чернышевского. Салтыкова. Щедрина…

Как стала перечислять — не остановишь.

— И все про него одного? — спрашиваю.

Про одного, оказывается. Вот так живешь, живешь и ни о чем не подозреваешь…

С тех пор пошел у нас разговор на троих. Соберемся мы — Белинский, Некрасов, и я, Кольцов, — и давай про литературу! Наконец и я себя человеком почувствовал, веселей зашагал по жизни.

Недавно встретил Менделеева.

— Ну, что, брат Менделеев? Как твоя химия? — смеюсь. — Привет тебе из литературы!

Ерофей Павлович

Кто у нас Ерофей Павлович, пускай радуется: на карту его нанесли. Вообще человека на карту нанести затруднительно, человек не город, он на месте не стоит. А Ерофея Павловича нанесли. Потому что Ерофей Павлович — город.

Ну, конечно, не какой-нибудь большой город, хотя мог бы быть и большим, учитывая, что его называют по отчеству. И стоит он у железной дороги, которая идет на запад в Читу, а на восток — в — Хабаровск, родной город Ерофея Павловича.

Само собой понятно, что Ерофей Павлович никогда не бывал в Хабаровске, потому что Ерофей Павлович — город и Хабаровск — город, а город в городе не может побывать. И все же Хабаровск — его родной город, очень близкий ему город, несмотря на довольно дальнее расстояние.

Все началось с того, что лет двести назад проехал по этим местам Ерофей Павлович Хабаров, — конечно, не город, а человек, впоследствии известный путешественник. Проехал — и остался здесь навсегда: его именем назвали город в Амурской области, а фамилией — город в Хабаровском крае и даже целый Хабаровский край.

Разделили Ерофея Павловича Хабарова на две части и поселили эти части в разных местах, соединив позднее их железной дорогой.

И теперь Ерофей Павлович провожает на восток поезда, которые уходят в его родной далекий Хабаровск. А Хабаровск встречает поезда и все пытается разузнать: как там живет его родной Ерофей Павлович?

И не может Ерофей Павлович сесть в поезд, чтоб приехать в свой родной город Хабаровск, ему остается только провожать и встречать поезда…

Одно утешение, что величают его по имени-отчеству. Единственного на всей земле. Белорусская Лида куда больше, чем он, и планетарий у нее есть, а ее называют по-простому: Лида. Даже не Лидия, а Лида. А его уважительно: Ерофей Павлович.

Хоть и без планетария, но Ерофей Павлович. А она с планетарием — просто Лида.

Так что кто у нас Ерофей Павлович, пусть внимательнее живет и, чтоб имя свое оправдать, почаще смотрит на карту.

Мама, Папа, Бабка и прочая родня

Папа в Венгрии, Мама в Прибайкалье, а Малютка где-то между Хабаровским краем и Амурской областью. Один, даже без Бабки. Бабку на Урал занесло, в Пермские края. На кого ж тут Малютку оставить?

Попросить Родню — так Родня у нас на самой Волге. Соседку попросить — и Соседка где-то там, в среднерусской полосе. А поискать Няню — так попробуй Няню найти.

Вот вам карта мира, ищите.

Видите: Мама над Байкалом на реке Маме стоит.

А Папа где?

Вот он, слева от города Будапешта.

Бабка на Урале речкой течет, по Малютке слезами истекает: как он там без нее?

А вот и Родня расположилась на Волге, неподалеку от города Ржева.

А вот и Соседка в Пензенской области зазевалась на реку Ворону, небось забыла, что Малютку оставить не на кого.

И стоит Малютка среди высоких гор, откуда рукой подать до Горюн-реки, вот оно горе какое!

А где Няня? Вы нашли Няню?

Можете не искать, на целой карте мира ее не найдете.

Нет Няни. Нет Нигде.

Хотя даже Нигде можно на карте найти: стоит он, город Нигде, в стране Турции… Но даже в городе Нигде Няни нигде не найти.

И не на кого оставить Малютку.

Два вулкана

Жил-был вулкан Тупунгато. Это был самый высокий в мире вулкан. Правда, вокруг поговаривали, что высокий он потому, что восседает на горах Андах, самых высоких во всем Западном полушарии. Что если восседать на Гималаях, то можно еще не такой высоты достичь. Но вулкан Тупунгато не обращал внимания на все эти разговоры. Он ничего не знал о Гималаях, ему не было дела до Гималаев, потому что Гималаи находились совсем в другом полушарии.

Одла у него была тревога — за сына его, Тупунгатито.

Сын был большой, всего на какой-нибудь километр ниже отца, но был он действующим вулканом. А Тупунгато был потухшим, и он говорил своему сыну…

Но прежде чем узнать, что говорил своему сыну вулкан Тупунгато, давайте попробуем произнести одно слово: «Лью-льяй-льяко».

Ну-ка, еще раз повторим: «Лью-льяй-льяко».

И последний раз: «Лью-льяй-льяко».

Очень хорошо. А теперь послушайте, что сказал своему сыну Тупунгато.

— В наше доисторическое время, — сказал он, — мы с моим другом вулканом Льюльяйльяко (как хорошо, что мы сначала потренировались!) тоже действовали не хуже тебя. Поглядел бы ты на нас — мы клокотали, извергались, мы такое из себя выдавали! Дым! Огонь! Расплавленный гранит! Но потом мы обратили внимание…

Но прежде чем узнать, на что обратили внимание Тупунгато

и друг его Льюльяйльяко, давайте попробуем произнести еще одно слово: «А-кон-ка-гу-а».

Еще раз попробуем: «А-кон-ка-гу-а».

Прекрасно!

— Мы обратили внимание на вершину Аконкагуа, самую высокую в Западном полушарии, — сказал Тупунгато. — Мы заметили, что она не бурлит. В смысле не клокочет.

— Но ведь она не вулкан, — напомнил сын Тупунгатито.

— Не будем разбираться, кто вулкан, а кто не вулкан. Если другие бездействуют, почему я должен кипеть? В смысле бурлить? Почему мы с Льюльяйльяко должны бурлить? Почему мы должны всегда клокотать, волноваться?

— Но, отец, мы не можем жить без волнений, мы ведь вышли из земных недр, а в недрах — вечное волнение.

— Но мы-то уже вышли. Зачем же нам волноваться? Зачем волноваться мне, Тупунгато, тебе, Тупунгатито, нашему другу Льюльяйльяко, нашей подруге Аконкагуа, нашим приятелям Гуальятири, Охос-дель-Саладо, Агульяс-Неграс…

Нет, это невозможно!.. Невозможно продолжать, невозможно говорить, невозможно жить среди подобных названий!..

Человек должен жить среди своих названий. Среди родных, понятных, произносимых названий… Кор-сунь-Шев-чен-ков-ский. Пе-тро-пав-ловск-Кам-чат-ский…

Ну вот, теперь пускай они там у себя упражняются, а мы поговорим о своих проблемах.

ОБРАЩЕНИЕ

Михаилу Степановичу было семь лет, когда он познакомился с тридцатилетним Володей. Сейчас самому Михаилу Степановичу тридцать, а Володе пятьдесят три. Они работают в одном учреждении, причем Михаил Степанович сидит в отдельной комнате, а Володя вообще нигде не сидит. Такая у него работа. Не сидячая.

Вызовет его Михаил Степанович в свою комнату, пожурит, что не сразу явился, и скажет:

— Сбегай-ка, Володя, на почту.

Или:

— Сбегай-ка, Володя, на вокзал.

Или:

— Сбегай-ка, Володя, в вышестоящее учреждение.

И на все это Володя отвечает:

— Будет сделано, Михаил Степанович.

С точки зрения грамматики, это не вызывает возражений. Грамматически допускаются самые различные обращения: и «Михаил Степанович», и «Володя», и «Миленький», и «Друг любезный». Но Михаил Степанович никогда не назовет Володю «Миленький», а Володя не назовет Михаила Степановича «Друг любезный», потому что Михаил Степанович сидит в отдельной комнате, а Володя вообще нигде не сидит. Такая у него работа.

Когда Михаилу Степановичу было семь лет, его называли Мишенькой, а еще раньше — Буленькой. А Володю всегда называли Володей, и он даже не подозревал, что бывают какие-то другие обращения, хотя в школе учил грамматику и там про это говорилось. Правда, грамматика не делит обращения на культурные, грубые и ласковые, как это обычно бывает в жизни. В жизни тебя по-всякому назовут, иногда так, что ты об этом даже и не узнаешь.

— Ну и хам он, этот Михаил Степанович!

Это, конечно, не обращение. С точки зрения грамматики, это никакое не обращение, потому что в грамматике обращение — это слово, называющее того, к кому обращаются с речью. А если обращаются к одному, а говорят о другом, называют или даже обзывают другого, то это не обращение. Обращение в грамматике требует, чтобы называли прямо в лицо.

— Послушайте, хам, никакой я вам не Володя.

Правда, это будет не очень вежливое обращение, но справедливое с точки зрения грамматики, а также жизненной правды.

А вообще-то без отчества ходить даже легче. Как-то моложе себя чувствуешь. И на почту сбегаешь, и на вокзал, и всюду, куда пошлют тебя сбегать.

Что там ни говорите, а одно имя легче нести, чем тащить на себе и имя, и отчество.

НАЗВАНИЯ ВЕСЕЛЫЕ, ГРУСТНЫЕ, ВСЯКИЕ

Свадьба

Орел-Скоморох на своей свадьбе сам и орел, и скоморох, сам и музыка, и песни, и танцы! Не плавные па (па вперед, па в сторону), а настоящие антраша, двойные и тройные кульбиты. Орел-Скоморох выступает, как воздушный гимнаст: все свои номера он выполняет в воздухе. Причем выполняет не так, как это бывает, когда работаешь на публику, а так, как это бывает, когда работаешь на себя, когда выступаешь на собственной свадьбе.

— Скоморох! — уныло замечает Орел-Могильник, который и на свадьбе не теряет уныния, пронося его через всю жизнь — к своей заранее намеченной цели. — И чего веселиться? Ну, свадьба. Потом будут похороны…

Орлу-Могильнику не нравится Орел-Скоморох. Впрочем, Скоморох и не стремится ему понравиться. Он хочет понравиться своей невесте, такой же скоморошке, которой только дай поскакать, особенно на собственной свадьбе. «Скачи, скачи, — размышляет Орел-Могильник на ее счет, — после свадьбы наскачешься…»

И она скачет. Она выкидывает все эти антраша, все эти двойные и тройные кульбиты, словно в жизни ее произошло невесть какое событие.

А какое событие?

Ну, свадьба. Ну, нашелся такой же, как и она, скоморох, который польстился на такую же, как и он, скоморошку. Так уже, значит, прыгать, скакать? Словно ты не орел, а блоха, простите за выражение.

Тьфу!

Орел-Могильник произносит мысленно «тьфу!», как бы подводя итог своим размышлениям. А чего размышлять-то? Стоит ли по этому поводу размышлять?

Ну, свадьба. Потом будут похороны. И между тем и другим один шаг. Одно па, выражаясь по-скоморошьи.

Глупый Сивка

В трудную минуту Глупый Сивка строит из себя дурачка, поэтому его называют Глупым Сивкой.

Вот допустим: к гнезду приближается враг, а в гнезде еще не

высиженное потомство. Как должна поступить серьезная птица при виде такой серьезной опасности? Либо спасать потомство, либо отражать врага.

Сивка же начинает выкидывать свои фокусы. То он взлетает, то падает, как подбитый, то вдруг начинает кувыркаться, как какой-нибудь клоун. И хотя ему, конечно, невесело, и хотя сердце его колотится, как будто его там заперли на замок, но он веселится, изо всех сил веселится, так что на него невозможно серьезно смотреть.

Смотрит враг на Глупого Сивку и забывает о его недовысиженных птенцах. И думает враг: «Ну и Сивка, до чего же ты глупый, Сивка!» А Сивка еще больше старается, словно всем своим видом хочет сказать: «Да, я глупый, я очень глупый, я прямо-таки шут гороховый, ну что с меня, дурака, возьмешь?»

И враг идет дальше, потому что с дурака взять нечего, враг уходит, смеясь и удивляясь тому, что есть на свете такие глупые сивки. А Сивка, убедившись, что враг ушел, перестает дурачиться и спешит к своему гнезду и серьезно, очень серьезно, как настоящий отец, продолжает высиживать свое недовысиженное потомство.

Но еще долго не может он успокоиться, и сердце у него прямо выскакивает, как будто где-то там сорвали замок, и Сивке страшно, теперь ему страшно, а раньше было весело! Раньше он кувыркался, а теперь сидит и дрожит, хотя раньше надо было дрожать, а теперь бы можно и покувыркаться…

Обезьянье Дерево

Живет на свете Баобаб — как ободрение всем живущим. За свои пять тысяч лет он многое повидал: рождение и гибель держав, величие и падение фараонов. Ураганы, несущие смерть. Потопы, несущие смерть. Пожары, несущие смерть. Дикие табуны и дикие орды.

Но — живет на свете Баобаб. Как ободрение всем живущим.

Его рубили, ломали и жгли, с него сдирали кожу — с живого. Его даже назвали Баобабом, то есть Обезьяньим Деревом, — чтоб унизить, хотя ростом он и так невысок. Ему свойственна широта — тридцать, а то и сорок метров в обхвате. Разве можно согнуть, разве можно сломать при таком обхвате? Были землетрясения, все вокруг сотрясалось, а он стоял, как положено стоять тем, кто намерен простоять тысячелетия. И все, что было срублено, содрано с него, — отросло.

Пожары прожгли его насквозь, выжгли самую сердцевину. Но

он все равно живет. И цветет. Когда отцвели державы и фараоны, и пожары, и потопы, и дикие орды и табуны — он все равно цветет, он живет. И даже не затвердел от всех этих испытаний.

Нет, он не затвердел, древесина у него мягкая, недаром ее любят жевать слоны. Баобаб не возражает, и причина этого не мягкость его, а широта: пусть жуют, всю не сжуют — все-таки тридцать метров в обхвате! А из коры его вьют веревки, и он тоже не возражает: новая кора отрастет. И плоды новые вырастут, и листья новые отрастут, хотя вечно их кто-нибудь объедает.

Пускай объедают, пускай жуют, пускай даже вьют веревки и называют Обезьяньим Деревом, — Баобаб не станет протестовать, при его широте это, в сущности, мелочи. Другие считают, что нужно быть выше мелочей, а он считает, что нужно быть шире. Да и разве только из него вьют веревки? Не только из него. За пять тысяч лет он смог в этом убедиться.

Всем трудно, приходит к выводу Баобаб, но — ничего не поделаешь. Нужно быть шире трудностей, тогда их легко преодолеть…

Поэтому Баобаб обнимают сразу двадцать, а то и тридцать человек. А тех, у которых нет широты, и один человек не обнимает.

Бражники и Жужжалы

Жужжала-Печальница, небольшая, но весьма печальная муха, настолько печальная, что, казалось, она вобрала в себя всю мировую скорбь, после чего остальные мухи должны жить беззаботно и весело, — так вот, эта самая Жужжала-Печальница, которую иногда называют Траурницей, нисколько не заботясь о том, чтобы отличить ее от бабочки Траурницы, а может быть, специально для того, чтобы спутать ее с бабочкой Траурницей, хотя спутать муху с бабочкой можно в состоянии уж слишком большой печали, — так вот, наконец, эта Жужжала-Печальница, муха, а, уж конечно, не бабочка, в один печальный, тоскливый, совершенно несчастный день повстречала Бражника-Языкана.

Этот Бражник был, конечно, не мухой, а бабочкой, хотя в настоящее время это было ему безразлично. Он не видел разницы между чешуекрылыми и двукрылыми, и это его не смущало и нисколько не портило ему настроения. Наоборот, это сближало его со всем миром — чешуекрылым, двукрылым, перепончатокрылым, с миром жестко- и полужесткокрылым, прямокрылым, и равнокрылым, и сетчатокрылым, — мать честная, до чего он разно- и вместе с тем однообразен, этот мир!

Бражник-Языкан развел крылья, чтобы обнять этот мир, и спросил:

— Жужжишь?

— Жужжу, — ответила Жужжала-Печальница, потому что она одна представляла здесь жужжащий мир, как другие представляли стрекочущий и звенящий.

— И правильно делаешь, — подумав, сказал Языкан.

— А может, неправильно? — вздохнула Жужжала-Печальница. — Может, нужно не жужжать, а визжать? Или даже рычать? Только я не умею.

— Каждому свое, — сказал Бражник-Языкан и задумался. Когда-то он тоже вот так же печалился, пока не понял, что каждому свое. Когда это поймешь, тогда уже ни о чем не будешь печалиться. Кому надо, пусть жужжит, кому надо, пусть визжит, кому надо, пусть рычит. И молчит, кому ничего не надо.

— Жить — жуть, — сказала Жужжала-Печальница.

— Ничуть. Кто поет, пусть поет. Кто плачет, пусть плачет. Разнообразие звуков. Я, к примеру, разговариваю, потому что я Языкан. А ты жужжишь, потому что ты Жужжала. А другие пусть визжат и рычат, пока ты жужжишь, а я разговариваю. Все нормально, все хорошо.

Бражник-Языкан как-то неестественно замолчал, словно усомнившись в своем последнем слове. Он замолчал, как молчат те, кому ничего не надо, хотя подсознательно ощущал: что-то ему было надо… где-то там, в глубине, что-то ему было надо…

Что ему было надо? Он не мог сказать. Но оно было — что-то такое, чего он, Языкан, не умел сказать, а Жужжала-Печальница не могла прожужжать, а другие не могли провизжать, прорычать… Было что-то такое…

ДИАЛОГИ

Диалоги состоят из прямой речи, но речь в них редко бывает идеально прямой. Сплошь и рядом она бывает неровной, извилистой, даже петляющей, хотя грамматически остается безукоризненно прямой речью.

— Вы понимаете, что я хочу сказать?

— Прекрасно понимаю.

Тире перед прямой речью — эталон прямоты, которому она должна следовать, но, к сожалению, следует не всегда. А иногда не следует — к счастью…

Контакты

(Прямота, принесенная в жертву взаимопониманию)

— Выньте руку из моего кармана!

— Это не ваш карман.

— А чей же? Может быть, ваш?

— В этом я не уверен.

— Зачем же запускаете в него руку?

— Почему вы думаете, что это моя рука?

— А чья она?

— Может быть, ваша… Откуда взялся этот платок?

— Это мой платок.

— Опять «мой»! Мой карман, мой платок…

— Зачем я с вами разговариваю? Вы залезли в мой карман, а я еще с вами разговариваю!

— Человек должен разговаривать с человеком.

— Даже когда к нему залезают в карман?

— Это тоже своего рода общение. И, как во всяком общении, что-то приобретаешь, а что-то приходится потерять.

— Но я не хочу ничего терять!

— Друг мой, жизнь — это сплошная потеря, она состоит из уходящего времени. Из времени, буквально вынутого у нас из

карманов.

— Как это верно! И главное, никогда не знаешь, сколько его там…

— Не сосчитаешь… Особенно, когда мешает платок…

— Стоит ли говорить о нем? Возьмите его себе.

— Спасибо. Мне бы хотелось оставить его вам — на память о нашем общении. Кто знает, когда еще придется общаться.

— Кто знает… А я уже стал привыкать… Мне будет вас не хватать… Вашей руки… в моем кармане…

— А что у вас в другом кармане? Вы мне позволите?

— Ну что за разговоры! Дайте руку!

— Вот вам моя рука!

Гид и женщина

(Взаимопонимание, принесенное в жертву прямоте)

— Итак, мы на необитаемом острове. Пожалуйста, не толпитесь!

— Тише! Ничего не слышно! Послушайте, уберите с моей шеи свой фотоаппарат!

— Триста лет назад здесь высадился Робинзон Крузо.

— Кто высадился? Да помолчите вы наконец!

— Крузо высадился. Карл, Роберт, Уильям, Захар, Оливер…

— Мистер Оливер, говорите громче!

— Ну Крузо, Крузо. Робинзон Крузо.

— Ах, этот! Робинзон. И зачем же он высадился?

— Потерпел крушение.

— Какой ужас! С этими несчастными случаями хоть из дому не выходи! И что же — он потерпел крушение прямо на острове?

— Он высадился на острове.

— Ну, тогда еще ничего.

— Но на острове не было ни одного человека.

— Ни единого? Счастливый Робинзон! Послушайте, уберите свой фотоаппарат, не напирайте!

— Робинзон высадился на острове…

— Это мы уже слышали, что вы заладили одно и то же? Он высадился, ну, и где он стоял?

— То есть как — где он стоял? Мало ли где он стоял…

— Вы хотите сказать, что он стоял по всему острову?

— Он ходил по всему острову.

— И здесь тоже? Там, где я стою, он ходил? Послушайте, не толкайтесь, вы же видите: я здесь стою. Почему вы мне не

отвечаете? Там, где я стою, он ходил?

— Это неизвестно. За ним никто не следил,

— Так-таки и никто?

— Пятница появился позже.

— Он тоже высадился на необитаемом острове? Хотя почему необитаемом, там же уже был Робинзон… Подумать только, всего один человек, да еще к тому же потерпевший крушение, и остров становится другим. Из необитаемого становится обитаемым. Что же дальше? Ну, остров стал обитаемым, и это сделал один человек. И что же дальше? Почему вы ничего не рассказываете?

— Я пытаюсь… Но у меня что-то не получается.

— Почему не получается? Разве вы на необитаемом острове? Когда человек на необитаемом острове, тогда ему, конечно, трудно рассказывать, а вам, мистер Оливер, нечего жаловаться на недостаток слушателей. Так что же делал Робинзон на этом необитаемом острове? Хотя почему необитаемом? Ведь Робинзон на нем уже обитал? Что же вы нам толкуете — необитаемый остров?

— Но он здесь жил один…

— Я тоже иногда бываю одна. Я даже люблю, когда никто не нарушает моего одиночества… Да не жмите же вы, не жмите! Велика невидаль — Робинзон! Ну, жил человек на острове. В Англии шестьдесят миллионов живут на острове — и ничего. Никто из этого не делает трагедии.

У врача

(Идеально прямая речь с добавлением авторской речи)

— Ну что ж, картина ясна. Нам нечего скрывать друг от друга.

Он загрустил. Возможно, у него тоже были свои неприятности.

— Это будет третий случай на моем участке.

— Разве это так много?

— Как считать. Конечно, все люди смертны, и по сравнению со всеми три — сущий пустяк. Но с нас за каждого спрашивают.

— Вас будут ругать из-за меня?

— Ничего не поделаешь, такая наша работа. Когда больной выздоравливает, это считается в порядке вещей, но стоит ему… так, как вы… и начинается…

— Не могу ли я что-нибудь для вас сделать?

— Вы шутите! Кто угодно, только не вы!

Больной готов был умереть от стыда за собственное бессилие.

— Да ладно, чего уж там… Вам вредно волноваться… Хотя, говоря откровенно, вам что волноваться, что не волноваться… Скажите «а-а!»

— А-а!

— Третий случай на участке…

ОБРАЗЦОВЫЙ ПОРТНОЙ

Жил-был Портной. У него было много различных дел, но все эти дела он умел уложить в одно слово.

На работе он порол одежду.

Дома порол детей.

А в компании порол всякую чушь.

Других слов для его занятий не требовалось.

Прослышало начальство, что Портной все свои дела укладывает в одно слово, и назначило Портного Старшим Портным, чтоб он и других научил экономии.

Работает Портной Старшим Портным. И опять укладывается в одно слова. На работе успевает петли метать, дома — на детей метать громы и молнии, да еще в компании метать банчок (теперь уже есть что метать: заработки получше стали).

Прослышало начальство про такие дела и выдвинуло Портного в Главные Портные.

Работает Портной Главным Портным. На работе стегает одежду, дома стегает детей. А что до компании, то компании у него теперь нет: Главному Портному остальные портные не компания.

Вот так он и теперь укладывается в одно слово.

Прослышало об этом начальство, само из начальства ушло, а Портного выдвинуло в начальство.

Работает Портной начальством. Дома почти не бывает: времени нет. Детей некому стегать, пороть некому: отец все на работе да на работе.

Строчит приказы.

Ему бы на машинке строчить, но он теперь строчит только приказы.

И на подчиненных мечет громы и молнии.

А уж на совещаниях — чего только не порет!

Правда, он и прежде чего только не порол, но тогда он хоть укладывался в одно слово.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ

Назад, к природе, или вперед, к цивилизации? Время — круглое, как Земля. Этимологически оно означает: нечто вертящееся. У него общий корень со словом вертеться. Земля вертится. Время вертится. Недаром еще в древности говорили: вернуться на круги своя…

Круг времени…

К природе можно идти и вперед, и можно идти назад — даже к цивилизации.

Крылечко

Во дворе нашего современного многоэтажного здания приютился старенький домик с крылечком, какие были еще в те времена, когда высотных домов и в помине не было. Мы любим смотреть на этот домик с крылечком. Когда мы смотрим на него, нам кажется, что мы и сами живем в этом домике, сидим на его крылечке, ходим босиком по его земле, по настоящей земле, а не по асфальту.

Особенно интересно смотреть, как из трубы домика идет дым. Сначала он посидит на трубе, как птица перед полетом, а потом начинает подниматься — все выше и выше, бледнея от высоты…

И мы тревожимся: а вдруг снесут этот маленький домик с крылечком? Кто будет у нас стоять на земле? Не на асфальте, а на земле? И кто будет у нас взлетать к облакам, посидев на трубе перед полетом?..

Без крылечка мы — как без крылышка: и высотные, и многоэтажные, а крылышек — не хватает…

Животные — значит: живые

Кто-то может подумать, что животные — это те, у которых живот. Есть живот — значит, ты животное.

Но, между прочим, «живот», который в наше время обозначает определенную, иногда компрометирующую нас часть

тела, когда-то обозначал «жизнь». И тогда он, конечно, никого не мог скомпрометировать. Жить не стыдно, а скорее даже наоборот. Жить почетно. Хотя, конечно, жить можно по-разному.

И вот именно в тот, почетный, период слова «живот» от него образовалось слово «животные». Животные — это те, которые живут. Почетно живут. Хотя и почетно жить тоже можно по-разному.

Животные как будто всю жизнь играют в горелки: одни убегают, другие догоняют. Но при игре в горелки сначала ты догоняешь, а потом догоняют тебя. У животных так не бывает. Если сначала волк догоняет зайца, то это не значит, что потом заяц будет догонять волка. Тут другое правило: тот, кого догнали, навсегда выбывает из игры.

Поэтому тем, кого догоняют, нужно быстро бегать, чтобы не выбыть из игры. Это трудно. Не всегда знаешь, кто тебя догоняет, и приходится убегать от всех.

Тут такое правило: один от всех убегает, а другой всех догоняет. Заяц убегает от волка, лисы, собак, а волк догоняет зайца, козла, оленя. Попробуй-ка от всех убежать. Поэтому приходится развивать очень большую скорость.

Но, конечно, если бы все убегающие развивали скорость, какую не могли бы развить те, кто их догоняет, это было бы не по правилам: их тогда никто не смог бы догнать. Поэтому и догоняющие научились бегать с очень высокой скоростью. Правда, на короткие дистанции.

Те, которые догоняют, бегают очень быстро, но только на короткие дистанции. Это называется: спринт. А те, которые убегают, развивают хоть и не такую большую скорость, но зато на длинные дистанции. Это называется: марафон.

А почему бы и тем и другим не бегать на одни и те же дистанции?

Потому что, превосходя убегающих скоростью, догоняющие в конце концов догнали бы всех и больше догонять было б некого.

Вот почему показатели в скоростном беге среди животных распределяются так: догоняющие — чемпионы в спринте, убегающие — в марафоне. Потому что догонять приходится время от времени, а убегать — иногда всю жизнь. Весь этот самый «живот», от которого происходит слово «животные».

Конечно, она утомляет, эта игра в горелки.

Но, с другой стороны, не хочется выбывать из игры.

Бег

Я бежал по первой дорожке.

По второй бежало солнце, по третьей ветер, по четвертой — веселый весенний шум…

А по пятой дорожке бежало время…

На первом этапе мы с ветром вырвались вперед. Мы от лихости свистели в два пальца, как разбойники, и в леса свистели, и в улицы, и в подъезды встречных домов. А солнце жарко дышало нам в спину, и веселый шум наполнял наши уши, и только время бежало тихо — так тихо, что мы и не знали: бежит оно или не бежит?

На втором этапе ветер начал ослабевать, и мы уже свистели не так оглушительно, и солнце не дышало так жарко — тоже начало отставать. И в утихающем шуме все отчетливей слышалось ровное и сухое дыхание времени: тик — выдох, так — вдох, тик-так, выдох-вдох…

Оно догоняло нас…

Солнце отстало совсем, и по его дорожке бежали ночные холодные звезды.

Стало совсем тихо, только время тикало позади.

Позади ли?

Оно уже впереди, и все громче, слышней его сухое, ровное тиканье…

И где-то, далеко впереди, снова солнце. Сперва отстало, а теперь его не догнать.

Но время всех догонят. Время умеет бежать. Сначала тихо, неслышно, экономя силы для финиша. А потом все быстрее…

Время умеет бежать.

Да и что ж ему не уметь? Ведь оно, кроме этого, никаких забот не имеет.

Память о птице Моа

Память о великой птице Моа сохранилась только в названии островов, на которых сама птица Моа никогда не бывала. Она жила в Новой Зеландии, за тысячи километров от островов Самоа.

Самоа… Они называются так в память о птице Моа.

Канарейку назвали канарейкой в честь Канарских островов, и никого не смущает, что Канарские острова означают буквально Собачьи, и, таким образом, Канарейка — это, в сущности, Собачейка. Одно дело, когда птицу называют в честь острова, и совсем другое дело, когда остров называют в честь птицы. Это должна быть великая птица…

Она была великой. Она была ростом почти со слона. И, конечно, ею заинтересовались охотники. Охотники предпочитают иметь дело с большими, потому что в больших легче попасть.

Но птица Моа не улетела, когда на нее стали охотиться. Во-первых, она не хотела покидать свою родную Новую Зеландию, во-вторых, она просто не знала, куда от этих охотников улететь, а в-третьих, птица Моа не умела летать… Ведь она была ростом почти со слона, а слоны, как известно, не летают.

Слоны не летают, они не могут никуда улететь, поэтому их на земле все меньше и меньше.

А птицы Моа совсем не осталось на земле. Только память о ней сохранилась. Правда, не в родной Новой Зеландии, а на далеких островах Самоа.

СЫНОВЬЯ МУДРЕЦА

У одного мудреца было два сына. Когда отец умирал, ничего он не мог оставить детям в наследство: ни богатства, ни прибыльной должности, — потому что сам никогда этого не имел. Мудрость, известно, вещь неприбыльная.

— Дети мои, — сказал мудрец сыновьям, — оставляю вам два слова, на первый случай достаточно: умный человек не бросает слов на ветер.

— А какие слова? — поинтересовались наследники.

— Слова простые, короткие: ДА и НЕТ. Утвердительная частица и отрицательная. Только помните: одним отрицанием, как и одним утверждением, в мире не проживешь.

Умер мудрец, а сыновья тут же принялись делить наследство. Положили слова в шапку, потрясли. Одни вытянул ДА, другой НЕТ — и разошлись в разные стороны.

Живут-поживают, добра наживают. Вернее, добра наживает тот, которому утвердительная частица досталась. А тот, которому отрицательная досталась, не только не наживает, но проживает последнее. Это только так говорится, что на НЕТ суда нет: есть на него и суд, и другие строгие меры.

Вот на ДА действительно нет суда. Станет оно утверждать, чего утверждать не полагается, тут бы с него взыскать, а оно на попятный:

— Не положено, ДА?

И уже оно не утвердительная, а всего лишь вопросительная частица. Наше дело спрашивать, ваше дело отвечать.

Если же вопрос не к месту, всегда найдутся объяснения:

— То ДА се, ДА пятое, ДА десятое…

И уже оно никакая не частица, а соединительный союз.

Вот это да! Вот это ДА как меняет свои значения! То оно союз, то частица, а когда союзы и частицы не в ходу…

— ДА, кстати, мы совсем забыли про вводное слово…

Вот ДА уже и вводное слово. А с вводного слова — какой спрос?

Живут сыновья мудреца, поживают: один добра наживает, другой, наоборот, проживает последнее. Уже и слово НЕТ в ломбард заложил и только головой качает отрицательно, а нет чтоб кивнуть! Привык отрицать, теперь его не перевоспитаешь!

А брат его доволен:

— ДА будет и дальше так!

Здесь ДА — побудительная частица, чтоб ему так и дальше — поживать, добра наживать.

И поживал бы, и наживал, ДА не тут-то было.

Здесь ДА — противительный союз.

Оказалось у благополучного слова ДА противительное значение, и обернулось против наследника его наследство.

Видно, правильно говорил мудрец: слова ДА и НЕТ надо употреблять с толком. Одним утверждением, как и одним отрицанием, на свете не проживешь.

СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА

Древнеримский бог Термин не мог и мечтать о таком положении, какое он занял в наши дни на страницах специальной литературы. Там, в древности, он был богом границ, здесь же обозначает слова, имеющие ограниченное употребление. В пределах науки, производства и других видов специальной деятельности. Но даже бог границ не соблюдает границ, поэтому мы все чаще встречаем его в широкой литературе.

Эволюция камня

В первобытные времена, когда камень был основным средством защиты и нападения, он мог бы относиться к военной лексике, если бы понятие лексики в то время существовало. Понятия лексики не было, но сама лексика уже была, хотя и реже использовалась в межплеменных отношениях, чем камень, орудие массового уничтожения (не столь массового, как современные орудия, но ведь и массы в то время были другие).

Толковые словари определяют камень как кусок горной породы, твердой, нековкой и не растворяющейся в воде. Из этих трех качеств в условиях первобытного взаимонепонимания и непрекращающихся междоусобиц была выделена, естественно, твердость. Кроме того, по сравнению с палкой, выведшей в свое время человека в люди и поставившей его на ноги (с четырех на две), камень обладал такими преимуществами, как значительно больший удельный вес и, при равной силе броска, повышенная летательная способность.

Открытие камня как нового вида оружия было значительным шагом вперед по пути уничтожения человечества. Могущественные племена, могущество которых столетиями покоилось на дубине, дрогнули, пошатнулись и пришли в смятение: противника поблизости не было, но его удары их настигали. Удары на расстоянии, наиболее коварные удары, были первым весомым вкладом, который внесло человечество в ведение дочеловеческих войн.

В сравнительно короткий исторический срок дубина была сломлена и в мире воцарился камень — как наиболее современное средство ведения войн, уже или еще человеческих. Воины враждующих племен были вооружены камнями с ног до головы, и даже мирные жители, избегая идти на войну, на всякий случай держали камень за пазухой. Стали раздаваться первые благоразумные голоса, призывающие использовать камень в мирных целях. Но в возможность такого использования мало кто верил: как можно использовать в мирных целях камень, обладающий такими стратегическими качествами, как твердость, маневренность и повышенная летательная способность?

Военное использование камня продолжалось. Камни летели в разных направлениях и за короткий срок налетали больше, чем Земля вокруг Солнца за все время их совместного существования.

И вот однажды, на исходе очередной тысячелетней войны, какой-то солдат, истомившийся в тысячелетнем походе, высек из камня фигуру своей жены или другой, поразившей его воображение, женщины. Эта каменная фигурка не имела сходства с живой натурой, но солдату в тысячелетнем походе любой предмет кажется похожим на женщину, и каменная фигурка имела успех. Впервые вооруженные камнями стрелки посмотрели на камень другими глазами.

Оказывается, кроме стратегических качеств камень таил в себе качества не стратегические, но дорогие каждому солдатскому сердцу. Глядя на него, не возникало даже мысли, что его можно запустить кому-то в голову, а, наоборот, — хотелось склонить перед ним собственную голову и задуматься… Неважно о чем… Может быть, о чем-то совсем не военном…

Когда говорят пушки, музы молчат. Но когда музы заговорят, тут уже приходится замолчать пушкам.

И вот уже каменные жернова перемалывают зерно, каменные орудия не войны, а труда помогают совершенствовать производство, один за другим вырастают каменные дома… И камень, если его не держать за пазухой и не использовать как орудие уничтожения, даже как-то неудобно относить к военной лексике. Поэтому никто его к ней и не относит.

Пенелопа

ОДИССЕЙ стремился к ПЕНЕЛОПЕ — Орбитальный Дистанционный Искусственный Спутник Ежедневной Информации держал курс туда, где в сверкающем оперении облаков то появлялась, то исчезала ПЕНЕЛОПА — Пока Еще Не

опознанный Летающий Объект Постоянной Аккумуляции.

ПЕНЕЛОПУ окружали ЖЕНИХИ — Жесткокрепленые Еще Не опознанные Источники Характерных Импульсов, и ОДИССЕЙ понимал, что вступить в контакт с ПЕНЕЛОПОЙ будет не так просто.

Была ВЕСНА — Время Естественной Световой Неистощимой Активности. В небе светило СОЛНЦЕ — Самостоятельная Оптимальная Лучащаяся Незатухающая Центральная Единица, а внизу лежала ЗЕМЛЯ — Зона Единственно Мыслимых Локальных Явлений.

ОДИССЕЙ летел к ПЕНЕЛОПЕ сквозь плотное кольцо ЖЕНИХОВ и гадал: опознают они друг друга или не опознают? Так обидно жить рядом и навеки остаться неопознанными… А тут еще эти жесткокрепленые ЖЕНИХИ.

ОДИССЕЙ замедлил ХОД — Хронометрированное Орбитальное Движение, чтобы послать на ЗЕМЛЮ очередную информацию: «Объект вижу. Пока не опознаю». С ЗЕМЛИ тут же поступил ответ: «Продолжайте опознавать. Следуйте прежним курсом».

ЗЕМЛЯ замолчала. Сегодня она уже не выйдет на связь. ОДИССЕЙ продолжал следовать прежним курсом.

И вдруг его волноулавливатели зафиксировали незнакомые позывные:

— ОДИССЕЙ, ты веришь в любовь?

Электронный словарь ОДИССЕЯ заработал с лихорадочной скоростью, пытаясь отыскать позабытое слово.

— ЛЮБОВЬ?

— Да, любовь…

Ага, вот оно. Локальное Юридически Безответственное Одностороннее Влечение… И в это он должен верить? Он, источник информации — не локальной, не безответственной и юридически совершенно неуязвимой!

— Эй, па ПЕНЕЛОПЕ! Как меня слышите? Иду на опознавание. Без всякой, подчеркиваю: без всякой ЛЮБВИ!

— Прощай, ОДИССЕЙ! Ты меня никогда не опознаешь!

ПЕНЕЛОПА удалялась неопознанной в сопровождении своих ЖЕНИХОВ. Жесткокрепленых. Но источающих характерные импульсы. Так вот что это за импульсы!

ЛЮБОВЬ… Ну при чем здесь ЛЮБОВЬ?

— Эй, на ПЕНЕЛОПЕ! При чем здесь ЛЮБОВЬ?

Ответа не было. Навеки замолчали на ПЕНЕЛОПЕ.

ТЕХОСМОТР

С тех пор, как ко мне стали обращаться на «вы», я почувствовал, что во мне уже не один, а два человека. Прежде во мне жил один человек, и это к нему обращались на «ты» даже незнакомые люди. А теперь не только незнакомые, но даже знакомые говорят мне «вы», словно подчеркивая, что они обращаются к нам двоим: к тому, кто живет во мне с детства, и к тому, кто появился, когда я повзрослел.

Тот, прежний, остался таким же, как был, и вел бы себя точно так же, если б этот, новый, его не одергивал: «Неудобно, ты уже не маленький, что о тебе люди скажут?» И тот, которого прежде называли на «ты», подчиняется, потому что теперь он уже не один и приходится с этим считаться.

Вот почему я так обрадовался, когда совершенно незнакомый человек обратился ко мне на «ты»:

— Послушай, парень! — Это я-то парень в свои сорок с лишним лет! — Почему бы тебе завтра не выступить на собрании?

Из своих сорока с лишним лет я не выступал на собрании лет двадцать. Тот, которого называли на «ты», не раз хотел выступить, но другой ему говорил: «Брось, не связывайся, ну что мы можем одни?»

И я не связывался. Мы с ним действительно были одни, и нас бы, наверное, даже и не услышали.

Но теперь незнакомец обращался ко мне на «ты», совершенно игнорируя того, второго:

— Выступи, скажи все, что думаешь, а за тобой и другие скажут. Они давно хотят сказать, просто им не хочется говорить первыми.

Тот, которого раньше называли на «ты», уже и рот раскрыл, чтобы согласиться, но второй его опередил:

— А, собственно, почему вы тыкаете? И откуда вам известно, что у нас собрание? И вообще — кто вы такой?

— Я из тех, — сказал незнакомец.

— Из каких это тех? — надменно спросил тот, кто появился во мне попозже. Но тот, кого с детства называли на «ты», догадался: — Вы с НЛО? С Неопознанного Летающего Объекта? Вы из тех, из наших братьев по разуму?

— Все разумные люди — братья по разуму, — уклончиво сказал незнакомец. — Но, говоря, что я из тех, я имел в виду станцию техосмотра. У вас тут случилась поломка, и я прибыл, чтобы ее устранить.

— Электричество? Газ? — уточнил тот, который появился во

мне попоздней. — Когда нужен ремонт, вас не дозовешься, а когда ремонт не нужен…

— Он нужен, — сказал незнакомец из техосмотра. — По инструкции мы должны устранять неполадки еще до их появления, но мы постоянно запаздываем, не успеваем. А когда спохватишься, требуется капитальный ремонт.

— Набиваете цену? — осведомился тот, которого никогда не называли на «ты». — Предупреждаю: этот номер здесь не пройдет, у нас в двух шагах комбинат бытового обслуживания.

— Какое там обслуживание! — махнул рукой монтер из техосмотра и, в общем-то, был прав: обслуживание было никакое. — Вы помните, в детском садике вы разбили окно, а когда в этом обвинили вашего товарища, вы промолчали, не признались, что это вы…

— Не было такого! — сказал тот, который никогда не ходил со мной в детский садик. А тот, что ходил, признался: — Было, чего там говорить!

— Вот когда нужно было начинать ремонт, — сказал монтер из техосмотра. — Но у нас было много работы, и мы решили, что с этим успеется. А потом в школе вы списали контрольную у соседа, и ему поставили двойку, решив, что это он у вас списал. Вы тогда тоже промолчали.

— Промолчал, — сказал тот, которого когда-то называли на «ты». — Я боялся, что мне тоже поставят двойку.

— А как вы женились? Ведь вы же не любили эту девушку, вы женились на ней лишь потому, что ее отец был завучем вашего института. Благодаря этому вы поступили в аспирантуру, стали научным работником… А мы опять запоздали с ремонтом…

— С каким ремонтом? — возмутился тот, которого никогда не называли на «ты». — Занимайтесь своим ремонтом и не суйтесь в чужие личные дела!

— Что же делать, если мы как раз по этим делам? — вздохнул монтер из техосмотра. — Вот вы завтра должны выступить на собрании. Если выступите, вам вряд ли удастся остаться в институте. И докторскую вам не защитить. И вообще конец вашей научной карьере. А если не выступите, станете ректором. Членом-корреспондентом…

— Вы в этом уверены? — дрожащим голосом спросил тот, которого никогда не называли на «ты».

— Стали бы. Но, к счастью, я вовремя подоспел. Произведу ремонт, устраню неполадки, и вы завтра выступите на собрании.

— Как бы не так. Особенно теперь, когда вы сами предупредили…

— Можете не сомневаться. Наш ремонт гарантирует полную

исправность, это вам не комбинат бытового обслуживания.

— Ремонтируйте же, ремонтируйте! — сказал тот, которого прежде называли на «ты».

— Я протестую! — крикнул тот, которого на «ты» никогда не называли.

— Придется ремонтировать, — вздохнул монтер, как всякий монтер, которому не хочется приступать к работе. — Раз уж вы сами не можете между собой договориться…

— Почему же не можем? — заторопился тот, которого никогда не называли на «ты». — Мы договоримся… Правда, мы договоримся?

— За сорок лет не договорились, а тут договоритесь? — все еще не верил монтер.

— Обязательно договоримся. Ведь мы же свои… так сказать, в одном деле… в одном теле… Ну, чего ж ты молчишь? — тормошил он того, которого называли на «ты». — Договоримся мы или не договоримся?

Тот, которого когда-то называли на «ты», вспомнил, как он молчал в детском садике, как молчал в школе и потом все время молчал и молчал… И он решил: хватит молчать! И твердо сказал:

— Договоримся!

Монтер техосмотра исчез, словно его и не было. А я остался. Верней, не я, а эти двое, что были во мне.

И с тех пор они договариваются.

С тех пор!

Так вот почему незнакомец сказал, что он из тех! Он прибыл с тех пор, с тех далеких пор, когда ко мне обращались на «ты», он прибыл из моего детства.

Там, в детстве, моя станция техосмотра, на которой осматривают каждый прожитый мною день. И стараются устранить неполадки, но только всегда опаздывают. Всегда, всегда опаздывают…

Решено!

Завтра я выступлю на собрании.

Правда, то, прежнее, завтра уже прошло, а за ним прошло и другое, и третье завтра… Но впереди еще столько завтр! И можно не сомневаться: завтра я выступлю на собрании!

ДИСТРОФИКИ

Дистрофик (буквально: двухстрофный) — это в прошлом длинное стихотворение, из которого выброшены все строфы, кроме двух, самых необходимых. Этим дистрофик-жанр напоминает другого дистрофика — человека, от которого остались кожа да кости, то есть самое главное. Тем не менее это совершенно разные слова, хотя и имеющие одинаково греческое происхождение.

Дистрофик-жанр в своем первоначальном греческом варианте не ДИС-ТРОФ (нарушение питания), а ДИ-СТРОФ (удвоенная строфа). По линии приставки ДИ- он имеет таких признанных в нашем языке родственников, как диод, дилемма, дилогия, по линии корня СТРОФ- его родня — апостроф и катастрофа.

Да, наш дистрофик близок к катастрофе, но это ничем ему, не грозит, поскольку близок он к ней не в будущем (как тот, другой дистрофик), а в далеком греческом прошлом, где корень СТРОФ- означал перемену, поворот — например, от одной к другой части стихотворения. Такие повороты в нашем дистрофике сведены до минимума, и это делает чтение его если и не захватывающим, то, во всяком случае, безопасным.

Борей и Солнце

Однажды заспорили Солнце с Бореем,
Кто снимет с прохожего шубу скорее,
Борей попытался сорвать ее грубо —

Прохожий плотнее закутался в шубу.

А Солнце пригрело — и сразу прохожий
Снял шубу и шапку, и валенки тоже…
Поистине ласка — великое дело:
Кого она только из нас не раздела!

Апельсин

У апельсина не доля, а долька,
Но апельсин не в обиде нисколько:
Долек-то много, а доля одна,
Да и не редко горька, солона.

Прячутся дольки под толстою кожей,
Здесь их не видит никто, не тревожит,
Доля ж открыта, у всех на виду —
Всем на потеху, себе на беду.

Рога и ноги

Сказали оленю: — При виде врага
Всегда ты уходишь от драки.
Ведь ты же имеешь такие рога,
Каких не имеют собаки.

Олень отвечал: — Моя сила в ногах,
Иной я защиты не вижу,
Поскольку витают рога в облаках,
А ноги — к реальности ближе.

Собака и заяц

Огромный пес, а зайца не догнал,
Пришлось ни с чем с охоты возвращаться.
Ох этот заяц! Он хотя и мал,
А бегает — большому не угнаться.

А почему? Не взять собаке в толк,
Она ведь тоже бегает не хуже…
Собака только выполняет долг,
А заяц в пятки вкладывает душу.

Волк в овечьей шкуре

За волком гонятся собаки.
Сопротивляться что за толк?
Чтоб избежать неравной драки,
Не быть затравленным, как волк,
Смирив жестокую натуру,
Пошел матерый на обман:
Он нацепил овечью шкуру
И был зарезан, как баран.

Лебедь, щука и рак

Да, лебедь рвется ввысь, и в этом есть резон.
И щука в холодок стремится не напрасно.
Рак пятится назад: что сзади — знает он,
А что там впереди — ему пока неясно.

А воз стоит. И простоит сто лет.
И о другой он жизни не мечтает:
Пока в товарищах согласья нет,
Ему ничто не угрожает.

Большая Фортунатовская (Записки бывшего языковеда)

МАРКИЗА, МАРКИЗА, МАРКИЗА…

В том доме, в котором я жил до войны, каждый день поднимали и опускали маркизу. В том городе было много маркиз, и каждую из них то поднимали, то опускали. И пели песню про маркизу — про то, как у нее все хорошо, как великолепно идут дела и, вообще, какая жизнь великолепная.

Впрочем, это были разные маркизы. Та, про которую пели, была несчастная женщина, хотя и маркиза. У нее погиб муж, сгорел дом, и еще много чего погибло и сгорело. Хотя считалось, что у нее все идет хорошо и нет никаких оснований для беспокойства. Эту маркизу поднимала и опускала жизнь, и это не имело никакого отношения к нашей маркизе, которую поднимал и опускал каждый, кому вздумается. Наша маркиза была матерчатым навесом над окном, и держали ее для защиты от солнца.

В то время я еще ничего не знал об омонимах…

Помню, как я удивился, узнав, что в Китае мандарины правят людьми. Я тогда подумал, что еще большую власть над людьми должны иметь апельсины, но о них из Китая не поступало никаких сведений. В Китае были мандарины и кули, которые таскали кули (тут главное не перепутать ударения).

А посол огурцов?

Мне он представлялся солидным, пожелтевшим от времени огурцом, который прибыл с секретной миссией к помидорам. Большой, неуклюжий, состоящий из одного носа, он всюду совал этот нос, но не мог собрать необходимых сведений. Потому что посол был совсем не посол. То есть он был посол, но не в дипломатическом, а в гастрономическом смысле. Посол огурцов — это был просто засол огурцов.

Или донья Ваз. Кто такая донья Ваз? По-видимому, испанка, хотя фамилия у нее не испанская. Может, немецкая, а может, английская. Но «донья» по-испански — госпожа, значит, она, видимо, испанка.

А она, представьте, русская. Точнее, они — русские, и «они» — вовсе не из-за какой-то безграмотной почтительности, а потому, что ДОНЬЯ ВАЗ — это множественное число от простого русского выражения ДНО ВАЗЫ. Единственное число — ДНО ВАЗЫ, множественное — ДОНЬЯ ВАЗ. А нас уже потянуло в Испанию…

Романтика слов иногда уводит далеко, как всякая романтика…

Приглушенный голос за стеной:

— Для такого дела нужна целая шайка.

Для какого дела? Для разбоя? Для ограбления? Может, там, за стеной, атаман разбойников собирает свою бандитскую шайку? Целую шайку!

Не нужно звонить в милицию, никакого атамана там нет. Просто человек собирается в баню, и для такого дела ему нужна шайка, посудина для мытья. Причем, целая шайка, не дырявая.

До чего различны бывают значения одного и того же слова!

Вы спрашиваете в аптеке закрепитель для волос, а вам отвечают:

— Для ваших волос нужен не закрепитель, а проявитель.

То есть, намекают на вашу лысину.

Ведь это же оскорбительный, причем, совершенно не медицинский разговор. Разговор, который можно вести о фотографии, но никак не о живом человеке.

Подобная многозначность создавала бы путаницу, если б слово выступало в одиночку. Но у него, к счастью, имеется контекст. Так же, как человек приобретает значение в обществе, слово приобретает значение в контексте…

А в доме, в котором я жил до войны, до сих пор поднимают и опускают маркизу и поют песню про маркизу, у которой по-прежнему все хорошо, и даже едят маркизу, потому что маркиза — это не только титулованная особа и полотняный навес, но и крупная, очень вкусная груша.

СЛАВА СЛОВА

Мы живем среди слов. Конечно, мы ходим по земле, дышим воздухом, купаемся в море, — но при этом всюду мы живем среди слов. Мы не можем представить себе море без слова море и землю без слова земля. И никуда нам не уйти от слов: даже если мы улетим в космос, мы встретимся там со словом космос, и в любой, самой далекой галактике мы не уйдем от слова галактика.

Мы даем слово и берем слово, держим слово, владеем словом, верим на слово, поминаем добрым словом, кого-то ловим на слове, в трудных случаях берем слова обратно, а в еще более трудных не можем связать двух слов… А если б не было слов… Тут уж ни в науке новое слово сказать, ни построить что-либо по последнему слову техники, ни даже за друга замолвить словцо… Одним словом — жизнь невозможная.

У слова и славы — общий корень, и этим все сказано. Слава слова гремит над миром, правда, иногда превращаясь в пустое и лицемерное славословие, но само Слово от этого не страдает. Страдает тот, кто осмеливается им злоупотреблять.

Федор Иванович Буслаев, о котором речь впереди, назвал слово старинным художественным произведением, сохраняющим первоначальный живой образ, вызванный тем ощущением, которое в человеке возбудили природа и жизнь.

Сколько слов — столько художественных произведений. Сотни тысяч художественных произведений, которые могут принадлежать каждому, кто пожелает ими владеть. «Придите и владейте нами!» — взывают они словами древней летописи.

И те, которые ими владеют, как положено владеть художественными произведениями — то есть знают их значение, историю, взаимосвязь с другими словами, — эти люди по праву носят звание словесников и не менее громкое звание языковедов, а также лингвистов («лингвист» по-латыни — языковед).

О них очень мало написано. Их наука многим кажется скучной. Да и сами они называли грамматику то «забавой педантства и слабомыслия» (Греч), то «собранием полицейских предписаний» (Буслаев), то признавались: «Если впоследствии меня не пугала грамматика, то это, я думаю, потому, что я смолоду не знал никаких грамматических учебников» (Потебня).

Так они говорили, продолжая заниматься своей «неинтересной» наукой, благодаря которой мы узнаем о самом интересном, что было в мире до нас и до них.

В СТАРОМ ТАЛЛИНЕ ДВЕСТИ ЛЕТ НАЗАД…

Он сидел в кибитке, радуясь этому минутному удовольствию и «не простираясь мыслями ни вперед, ни назад»… Плакала майорша, плакал гарнизонный сержант Савелий, крестный отец кирпичник отсчитывал медяки, чтобы дать мальчику на дорогу…

Мальчика звали Александр, и не было у него ни одной из тех громких фамилий, которые приобрели впоследствии широкую известность. Даже фамилии не оставил ему в наследство отец — ландмаршал, член совестного суда Христофор Иванович Остен-Сакен, — не раскрыл и секрета, кто была его мать…

Второпях дали мальчику фамилию Остенек, воспользовавшись частью отцовской фамилии, второпях укутали овчинным тулупом и посадили в кибитку, которая остановилась как раз между семью прожитыми годами и семьюдесятью шестью непрожитыми, — мальчику предстояла долгая жизнь.

Если б он знал, какая ему жизнь предстоит, то, возможно, плакал бы вместе с майоршей и сержантом Савелием, хотя будущее его ожидало славное, простирающееся далеко вперед после смерти. Но, может быть, только в прошлом он был счастлив по-настоящему, — здесь, в предместье старого Таллина, тогда еще Ревеля, в домике бедной майорши, слушая бесконечные сказки гарнизонного солдата Савелия. Русские сказки, которые впервые знакомили его с русским языком, чтобы он мог впоследствии стать русским поэтом, русским лингвистом, автором русской грамматики — подробной и сокращенной, — которая выдержала свыше двадцати изданий. Велика роль сержанта Савелия в истории русской науки о языке!

Мальчик, сидевший в кибитке между прошлым своим и будущим, почти не умел говорить: он был косноязычен и заикался так, что произнести два слова подряд было ему не под силу. Он так никогда и не вылечился от этого недуга, и то, что хотел сказать, вынужден был писать на бумажке. И только дома, в семье, среди близких ему людей, он говорил довольно гладко. Здесь его любили, и любовь делала чудеса, на которые не была способна современная ему медицина.

А в Академии…

«Посредственности нередко затирали его; они свысока судили о его трудах, позволяли себе покрикивать на него в заседаниях Академии…» (Срезневский). Он не мог им ответить. Он молчал. Природа не наградила его даром слова.

Но посредственностей, не имеющих другого дара, кроме умения покричать за себя, чтобы выкричать себе чины, ордена и

почетные премии, давно уже никто не помнит, а он, Александр Христофорович Бостонов, прежде Остенек, а еще раньше — мальчик, лишенный фамилии, — живет. И в нынешнем, 1981, году ему исполняется двести лет — не каждый проживет столько лет, пусть даже в памяти потомства.

Он словно рядом с нами: вот он сидит в кибитке, радуясь этому минутному удовольствию и «не простираясь мыслями ни вперед, ни назад»… Потому что главная наша радость — вот эта самая кибитка между прошлым и будущим, это наше настоящее, которое одно способно дать настоящую радость.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС АЛЕКСЕЯ БОЛДЫРЕВА

У каждого человека есть свой звездный час, та самая вершина, с которой он виднее современникам, а в особых случаях — даже потомкам.

Алексей Васильевич Болдырев долго шел к своей вершине. Стал профессором, автором солидных научных работ, перевел на русский язык еврейскую грамматику, за что от царя Александра Первого получил в награду золотую табакерку.

Но вершина ли это? Разглядят ли потомки золотую табакерку царя, а при ней Алексея Васильевича Болдырева?

Был назначен профессор Болдырев ректором Московского университета. Может, и не вершина, но достаточно высокое положение. И студенты — как на подбор: Александр Иванович Герцен, Виссарион Григорьевич Белинский, Иван Сергеевич Тургенев. Из будущих лингвистов — Федор Иванович Буслаев. Хорошие, запоминающиеся имена.

Но не стало высокое положение ректора вершиной, видной издалека. Науке больше запомнился первый русский востоковед Болдырев, автор учебников арабского и персидского языков, латинист Болдырев, составивший латинско-русский словарь, русист Болдырев, предлагавший целый ряд реформ в русской грамматике…

Все как будто делалось правильно. Писались учебники, составлялись словари, читались лекции во вверенном ему университете…

И вдруг его увольняют в отставку. Без пенсии, во цвете неполных шестидесяти лет, то есть в возрасте, еще не пенсионном.

Карающая рука не скудеет. Та самая рука, которая покарала декабристов и участников польского восстания, не пощадила и ректора Московского университета, который, будучи ко всему вдобавок еще и цензором, разрешил к печати «Философическое письмо» Чаадаева…

Запретил бы — и все было бы хорошо. И спокойно бы дослужил до пенсии.

А он разрешил. Дозволил. Это был полный провал. Времена золотых табакерок прошли, наступили времена другие.

Автор «Философического письма» был объявлен сумасшедшим, редактор журнала, в котором «Письмо» было напечатано, отправлен в ссылку, а цензор — уволен в отставку без пенсии…

Чаадаев — Надеждин — Болдырев… Так соединила жизнь

этих совершенно разных людей.

Мог ли думать Алексей Васильевич Болдырев, что его провал станет его вершиной, что беспросветность его положения именно и есть его звездный час, который осветит его скромную фигуру потомкам?

ДАЙ БОГ ПАМЯТЬ…

Я уехал — и все вы живы, а для тех, кто с вами остался, может быть, вы давно умерли: ведь уже тогда некоторым из вас было за пятьдесят. Я уехал, увозя вас живыми в своей памяти — из тех мест, где люди старятся и умирают, туда, где они не умирают и не старятся. До тех пор, пока память о них жива.

Четверть века прошло, а вы по-прежнему сидите в нашей продолговатой, отрезанной у коридора учительской, выделенной нам из милости дневной школой. Мы — вечерники, мы ждем, когда наступит темнота, и тогда начинаем бороться с ней во имя торжества света.

Завуч наш — добрый человек, не слишком верящий в окончательное торжество света, с радостью зачисляет любого желающего в любой класс, не требуя никаких свидетельств об образовании, и в ответ на наши протесты говорит свою обычную фразу:

— Пусть сидит. Для тепла.

Немало учеников в наших классах сидят исключительно для тепла, а так как посещаемость у нас довольно низкая, то учителям в классе холодно и неуютно…

Но мы не падаем духом. Мы верим. Мы молоды. Мы еще так молоды, хоть некоторым из нас давно за пятьдесят лет.

Человек ведь стареет с головы: старость начинается с мыслей о старости. Я слышал человека, который до того поддался мыслям о старости, что вместо 1912 года назвал год 1512-й:

— Это было… дай бог память… ну да, в 1512-м.

СНЫ ВОСПОМИНАНИЙ

В воспоминаниях, как и в снах, видишь себя молодым. Таким видел себя Федор Иванович Буслаев в своих «Воспоминаниях».

Он видел свое детство, свои первые школьные годы в частной школе для девочек, среди которых он был единственным мальчиком. Не отсюда ли в нем та мягкость, та душевная нежность, которые помогли ему стать «идеальным профессором»? Одна из статей о нем так и называлась: «Ф. И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов».

Потом он видел в «Воспоминаниях» гимназию, в которой вместе с товарищами читал «Думы» Рылеева, не подозревая, что автор их — государственный преступник и уже несколько лет как казнен. «Никому и в голову не приходило соединять преступные деяния декабристов с их невинными литературными произведениями».

Он видит себя студентом, видит своих товарищей, своих учителей… Видит, как к нему приезжает «старушка мать» (легко подсчитать, что старушке было в то время тридцать три года).

Он видит себя в детстве, в юности… А в старости он себя не видит.

Он был хорошим профессором. Сверх программы обучал студентов итальянскому языку, и для всех были открыты двери его дома. А когда в связи со студенческими волнениями был закрыт Московский университет, профессор перенес занятия к себе домой. «Я кликнул клич — и студентов набралось на целую аудиторию».

У него была хорошая жизнь, и, конечно, с ней было нелегко расставаться. Но он не терял оптимизма и даже, совершенно ослепнув, видел в этом некоторое преимущество:

— Было бы очень тяжело сразу умереть, сразу всего лишиться. А у меня идет постепенно… Вот я лишился возможности читать, видеть картины, свои гравюры; половина прелести жизни пропала. Потом я оглохну, не буду в состоянии читать и чужими глазами… Так и умру нечувствительно, понемножку…

Наверно, и в старческой слепоте своей он видел свое детство. Ведь в детстве жизнь написана крупным шрифтом, видишь каждую буковку, хотя и не умеешь читать. С годами буквы складываются в слова и жизнь приобретает смысл, проходит перед тобой крупно, чеканно, врубаясь в память надежно и глубоко.

Но пройдут еще годы — и буквы начнут мельчать, сливаться в

сплошную туманную линию, и ты уже ничего прочесть не сможешь. И хотя текста много, он останется непрочитанным, промелькнет, оставляя в глазах только рябь…

И тогда ты начнешь вспоминать то, что читал в далекой молодости. Будешь смотреть на текст современный, а читать в нем то, что давно прошло…

Видно, с годами перемещается центр тяжести. В молодости он в будущем, а в старости — в прошлом. Чтобы не так ощущалась тяжесть, центр ее удален в прошлое или в будущее, и это помогает сохранить равновесие в настоящем.

Когда тяжелеют и повисают крылья нашей мечты, мы опускаемся на мягкие подушки воспоминаний… И читаем то, что было написано крупным шрифтом в то время, когда мы еще не умели читать. Так устроен человек: как бы он ни был стар, он не умрет до тех пор, пока не исчезнут последние очертания его детства…

КРЕСТЫ

Если человек несет свой крест и никому его не навязывает, можно ли назвать его крестоносцем? Разумеется, нет — в том смысле, в каком это слово обычно употребляется. Крестоносец не просто несет свой крест. Для него крест — орудие подавления, закабаления и убийства.

Выражение «нести свой крест» пришло из евангельского рассказа о том, как Иисуса заставили нести свой крест, на котором его вскоре распяли. Крестоносцы несли свой крест, чтоб распинать других.

Мы не выбираем своих предков. Предками Бодуэна де Куртенэ были именно эти крестоносцы — не распинаемые, а распинающие. Его предками были французские короли, а также император Болдуин, стоявший во главе созданной крестоносцами Латинской империи. А сам он, уже давно не король, уже давно не француз, нес крест своей неустроенной жизни, своего бесправного положения поляка в пределах Российской империи, где в родном Варшавском университете поляку не разрешалось преподавать.

Он нес свой крест ученого и интеллигента в стране, которой правили неинтеллигентность и невежество, нес его рядом с русскими учеными, не инородцами, но почти такими же бесправными в своей собственной стране… Нет, его не тянуло обратно в короли. Ученые не идут в бонапарты — это бонапарты идут в ученые, как подтверждает пример Людовика Люсьена Бонапарта, племянника императора, но больше известного в качестве лингвиста, крупнейшего исследователя баскского языка (buona parte означает: хорошее дело. Чье дело лучше — определяет только история).

Ученые не идут в бонапарты, но это не облегчает их участи. Особенно таких «рыцарей правды», каким был, по выражению Щербы, Бодуэн де Куртенэ.

Этого потомка крестоносцев жизнь настолько не баловала, что он мог написать из тюрьмы «Кресты»: «Я здесь чувствую себя прекрасно…»

ЯЗЫКОЗНАНИЕ ЗА РЕШЕТКОЙ

В 1714 году французский король Людовик-Солнце бросил в Бастилию лингвиста, утверждавшего, что название Франция германского происхождения. Со времен германского племени франков отношения между Францией и Германией настолько испортились, что безобидная этимология была истолкована как измена отечеству.

Король-Солнце не только светил, он беспощадно выжигал крамолу. Крамольников либо бросали в Бастилию, вводя в расход чуткую к малейшим тратам казну, либо отправляли на гильотину (как много в этом случае зависит от одной приставки: ввести в расход совсем не то, что вывести в расход).

Не только этимология подвергалась преследованию властей. В конце прошлого века Бодуэн де Куртенэ, живший в то время в Кракове (входившем в состав Австро-Венгрии), писал, что венгерские «патриоты» отождествляют диалектологические исследования в области словацких говоров с политической агитацией и смешивают слависта с «панславистом», то есть специалиста по славяноведению с националистом, стремящимся к объединению всех славян с царской Россией.

А «Карманный словарь иностранных слов» Петрашевского, удививший, по выражению Герцена, всю Россию? Правительство дало по-своему высокую оценку «Словарю», сослав его авторов на каторгу.

Бывали крамольными и географические названия. Например, станица Зимовейская: в названии ее — стремление развеять зиму, расчистить землю для грядущей весны. Но не этим провинилась станица, а тем, что родились в ней два великих мятежника: Степан Разин и Емельян Пугачев.

После подавления пугачевского восстания, во избежание новых попыток развеять зиму, станица Зимовейская была переименована в Потемкинскую — название, которое не могло ее украсить, поскольку эта Потемкинская станица затерялась среди множества потемкинских деревень…

ОБ ОПТИМИЗМЕ В НАУКЕ

Оптимизм — великий лекарь и великий больной. Потому что он одновременно и средство, и объект лечения. Но пока длится лечение, шансы на излечение есть. А ведь оптимизм — это и есть способность увидеть шансы.

При этом очень важно уметь смотреть. Один шанс исчезнет — другой появится. Совершенно неожиданный и, может быть, совсем неуместный, но шанс.

Молодой человек на почте воскликнул радостно:

— Придет пора сыграть в ящик — не сыграешь: ящиков нет!

Маленькая неудача может стать поводом для очень большой удачи. Совершенно справедливо воскликнул другой молодой человек:

— Употребляйте с пользой все, что направлено против вас: на Диогена тоже катили бочку!..

Это оптимизм на почте, оптимизм в быту, а где же оптимизм в науке, обещанный в заглавии?

Не обессудь, читатель! И то, и другое — один и тот же оптимизм. Он нужен и для того, чтобы жить, и вдвойне нужен для того, чтобы заниматься наукой.

В том числе и наукой о языке.

Говорят, наши пороки — продолжение наших добродетелей. В этом случае такая добродетель, как язык, имеет весьма пышное продолжение. По крайней мере, больше усилий тратится, чтобы заставить его замолчать, нежели на то, чтоб поощрить его к разговору. Ну, допустим, кого-то тянут за язык, кому-то развязывают язык, с кем-то находят общий язык… А все остальное — призыв к молчанию. Тут надо и прикусить язык, и придержать язык, и проглотить язык — в особо опасных случаях. Рекомендуется держать язык на привязи, а проще говоря — за зубами. В противном случае — тут тебе и пожелание типуна на язык, и совет языку отсохнуть, и сожаление, что язык без костей. Дело, впрочем, не ограничивается одними пожеланиями, Совершается немало решительных действий, чтобы не дать языку заговорить: и наступают на язык, и укорачивают язык, и стараются не дать языку воли. Потому что считается, что язык наш — враг наш, что он страшнее пистолета, что он длинный, что он злой и вообще плохо подвешен.

О добрых языках почему-то в народе умалчивают. Говорят только о злых языках. И даже Слово, великое, всемогущее Слово считают всего лишь серебром, в то время как Молчание считают золотом.

Если судить по этим изречениям, можно подумать, что людям вообще не нужен язык, что он для них — обуза. Но даже то плохое, что сказано о языке, сказано благодаря языку. Не будь его, народ безмолствовал бы в самом полном смысле этого слова.

Вот на этом и основывается оптимизм языковедов. На том, что жизнь в обществе без языка невозможна, что бы в обществе ни говорилось о языке.

Не обессудь, читатель, если ты не языковед.

Не обессудь… Что значит — не обессудь?

В высоком смысле — не лишай меня суда.

В невысоком — не лишай меня ссуды.

Без невысокого смысла трудно прожить, а без высокого — просто нет смысла…

О СМЫСЛАХ

Самое прекрасное слово может приобрести ужасающий смысл, поскольку настоящий его смысл определяется смыслом всего предложения. И даже нескольких предложений.

Вот одно из таких слов в контексте:

— То, что муж Анны Михайловны — алкоголик, распутник, хулиган и дурак, что он истязает жену и живет на ее иждивении, что он тупое, невежественное, ленивое и грязное существо, — все это еще не самое страшное. Самое страшное — что он однолюб.

А вот еще одно благородное, тонкое слово, приобретшее грубый смысл не от контекста, а просто от грубого обращения.

Наконец-то я нашел в одном из словарей это словечко — вкалывать в значении тяжелой и неприятной работы. А то все вокруг вкалывают, а словари об этом молчат.

Словари молчат о многом, о чем люди говорят, в том числе и о том, что людям приходится вкалывать в значении неприятной работы.

А люди — говорят. Как-то в поликлинике даже медсестра заикнулась о том, что она с утра до вечера вкалывает, но это заявление прозвучало неубедительно, потому что медсестра делала уколы, то есть вкалывала в первоначальном, буквальном смысле этого слова. Слово, огрубев от просторечного употребления, вернулось к своему первоначальному, тонкому смыслу и само себя не узнало: неужели я когда-то было таким?

Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку. Но, с другой стороны, что дозволено быку, не дозволено Юпитеру.

КОСАЛМА

В 72-м году я путешествовал с моим петрозаводским другом по Карелии, и в одной деревеньке (как впоследствии я узнал — Косалме) мы оказались с ним у старой могилы. На хорошо сохранившемся надгробном памятнике я прочитал надпись: «Академик Филипп Федорович Фортунатов».

Больше двадцати лет я ничего не слышал о нем. А слышал в институте, на лекциях по языкознанию. Его называли главой формальной школы, что тогда, в период «нового учения» о языке, было не лучшей аттестацией, но ссылались на него чаще, чем на самого Марра, когда разговор о языке был не отвлеченной теорией, а по существу.

Впрочем, сам Фортунатов был для нас фигурой достаточно отвлеченной, книжной, теоретической, и никому и в голову не приходила мысль, что где-то есть конкретная могила, в которой лежит этот, в прошлом вполне конкретный человек. Для нас он жил не в книгах — мы не читали его книг, он жил только в ссылках на него, он был сослан в эти ссылки, чтоб не мешать господству марровского учения.

А он и тогда здесь лежал, в карельской деревне Косалме, ничего не зная «о новом учении», — глава московской лингвистической школы, учитель многих академиков Филипп Федорович Фортунатов.

Я встретился с ним в период его возрождения, когда его сравнительно-исторический метод одержал победу над «новым учением», и хотя о возрождении вроде бы не пристало говорить на могиле, но ведь возрождение наших дел, наших помыслов — это оправдание наших могил.

ОБ ИМЕНАХ

Я спросил знакомого, как зовут его кошку.

— Кошка.

— Что она кошка, я вижу. А зовут ее как?

— Кошка.

Знакомый объяснил: человеку и животному имя дается для того, чтоб отличить его от других людей и животных. Человека от человека, кошку от кошки. А если в квартире других кошек нет, от кого ж ее отличать?

Я тихонько позвал:

— Кошка!

Она повернула ко мне голову. Потом не спеша подошла. Я стал гладить ее, проявляя сочувствие к ее безымянной судьбе, и она замурлыкала, как мурлыкают Мурки. Мурка — имя собственное, поэтому любой кошке оно делает честь. Когда не имеешь никакой собственности, хорошо иметь хоть собственное имя…

Впрочем, речь не о кошках…

Умирают на земле имена.

Сейчас уже редко встретишь Харлампия — Сияющего Любовью. И Калистрата — Прекрасного Воина. А куда девался Павсикакий — Борец Со Злом? Есть Акакий — Беззлобный. Есть Иннокентий — Безвредный. А где Павсикакий — Борец Со Злом?

Своему сыну, будущему языковеду Срезневскому, отец дал имя Измаил, соблазнившись значением этого имени. Измаил в переводе означает Устроит Бог, и отец Срезневского, знаток языков, решил в устройстве сыновней судьбы положиться на бога.

Если бы и сын так решил, мы бы не знали языковеда Измаила Срезневского.

Но вернемся к Павсикакию. Отвергнув это звучное имя, родительница гоголевского персонажа отдала предпочтение Акакию. И вовсе не потому, что Акакий — Беззлобный, а Павсикакий — Борец Со Злом, хотя и это могло быть принято во внимание, поскольку беззлобным всегда жилось легче, чем борцам, а какая же мать не желает легкой жизни своему ребенку? Но родительница гоголевского персонажа не вдумывалась в значение этих имен и назвала сына Акакием, повторяя имя его отца. Так появился на свет Акакий Акакиевич, Смиренник Смиренникович, Тихоня Тихониевич… Но легкой жизни у него не было. Уж лучше б он был Павсикакием: авось зла на земле стало бы поменьше.

Правда, в наше время Павсикакий считается неблагозвучным.

Вадим-Смутьян — благозвучен, Тарас-Бунтарь — благозвучен, а Павсикакий — Борец Со Злом — почему-то неблагозвучен.

Конечно, для того, чтоб бороться со злом, необязательно быть Павсикакием. Можно быть Емельяном — то есть Ласковым, Приветливым, — и при этом быть Пугачевым.

ЕЩЕ ОБ ИМЕНАХ

Почему Дантес известней Мартынова? Неужели лишь потому, что убийца въезжает в историю на плечах своей жертвы, а плечи Пушкина в нашей литературе несколько выше, чем плечи Лермонтова (хотя и плечи Лермонтова достаточно высоки)?

Не только поэтому. Помимо других, возможно, более существенных обстоятельств, определенную роль сыграло и то, что фамилия Мартынов слишком распространенная, чтобы стать нарицательной для обозначения убийцы. Всякий раз придется уточнять:

— Это какой Мартынов? Меньшевик? Астроном? Поэт?

О Дантесе ничего не нужно уточнять. Нет в России другого Дантеса.

Фамилия, ставшая нарицательной, не терпит однофамильцев. Поэтому предположение Пушкина, что Чаадаев «в Риме был бы Брут», нередко понимается так, что Чаадаев, будучи в Риме, непременно убил бы Цезаря. Между тем у Пушкина-речь совсем о другом Бруте: не о Марке Юнии, а о Люции Юнии, жившем примерно за пятьсот лет до Марка.

Люций Брут, один из основателей Римской республики, фигура в истории Древнего Рима заметная, но ее заслонила фигура Марка Брута. Потому что убийство Цезаря легче запомнить, чем борьбу римлян против этрусского господства, свержение Тарквиния Гордого и множество других полезных для республики дел. И, конечно, немалую роль здесь сыграла крылатая фраза: «И ты, Брут?» — сказанная много столетий спустя одним из героев Шекспира.

Никому не известные имена легко уживаются в одном тексте. Известным трудней. Больно видеть, как они, чужие и несовместимые, живут в нем, втайне ненавидя друг друга, но подчиняясь общему смыслу, которому призваны служить.

Разве можно спокойно читать эту фразу: «Сестры Наталья Гончарова, в замужестве Пушкина, и Екатерина Гончарова, в замужестве Дантес…»?

ИМЕНА И МЕСТОИМЕНИЯ

Местоимение заменяет имя, но собственного имени у него нет. Приходит время — и никто не вспомнит, какое имя оно заменяло. Но если мысль, выраженная общим текстом, не умерла, если ее читают спустя столетия, то в этом заслуга не только имен, но и безымянных местоимений…

Имена ведь тоже забываются. И вспоминаются — забытые при жизни. У каждого имени две судьбы: прижизненная и посмертная.

Генрих Лудольф… Кому это имя что говорит? А ведь оно принадлежит автору первой русской грамматики. Не церковнославянской (как грамматики Зизания и Смотрицкого), а русской, написанной за шестьдесят лет до «Российской грамматики» Ломоносова.

Замечательный советский лингвист Борис Александрович Ларин, издавший в 1937 году грамматику Лудольфа, пишет в предисловии к ней: «Как оценен был труд Генриха Лудольфа в России? На этот вопрос можно ответить коротко: большинство русских лингвистов со второй половины XVIII века и до наших дней или вовсе не знало о нем, или не обращалось к этому важному источнику, а те, кто заглядывал в книгу Лудольфа, не оценили ее по достоинству». И дальше профессор Ларин приводит отзывы о грамматике Лудольфа за истекшие два с половиной века, «чтобы продемонстрировать непроницательность и националистическое высокомерие «отечественной» критики».

Может быть, это и не высокомерие. Просто считалось, что не может нерусский человек написать русскую грамматику. Такие же обвинения предъявлялись в начале нашего века академику Гроту, в котором, по словам А. А. Шахматова, «наш язык нашел… неутомимого исследователя». Автор, уличивший Грота в его немецком происхождении, пишет: «Чутья к русскому языку у него в детстве сложиться не могло, тем более, что он был окружен то полунемцами, то простыми прислугами».

Последние слова недвусмысленно говорят о том, что националистическое высокомерие тесно связано с высокомерием социальным.

В предисловии к своей «Грамматике» Лудольф писал: «Так как я не страдаю таким смешным честолюбием, чтобы искать славы в грамматических работах, то мой покой не смутят суждения тех, кто жаждет проявить свои таланты не в исследованиях, предпринятых на общую пользу и в меру своих сил, а в нападках на других авторов».

Он писал в этом предисловии, что если русские будут писать

на живом народном наречии, то они создадут свой язык и будут писать на нем хорошие книги.

Это было сказано в 1696 году. Великий русский язык создан. Хорошие книги на нем написаны. Так стоит ли забывать о том, кто предсказал это величие русскому языку, кто, может быть, и не вполне владея этим языком, написал первую его грамматику?

Я, МЫ, ОНИ

Местоимение МЫ легко заменяет местоимение Я, а также местоимения ТЫ и ВЫ, когда нужно у кого-то спросить:

— Как мы себя чувствуем?

Или написать в научной работе: «Мы считаем. Мы полагаем». Хотя, кроме нас, ни один человек не станет этого ни считать, ни полагать.

А что заменяет местоимение Я?

Правда, иногда оно пытается заменить другие местоимения, заявляя:

— Я строил город.

Вместо того, чтоб сказать:

— Мы строили город.

Или:

— Вы строили город.

Или даже еще более откровенно:

— Они строили город.

Но это неправильно.

Грамматика учит, что не может Я заменять другие местоимения.

Я — это всегда только Я.

ТОМАС ПЕЙН, НАПОЛЕОН И АЛЕША ШАХМАТОВ

Я — это всегда только Я, хотя иногда пытается заменить другие местоимения. Самолюбие местоимений — тема, еще не исследованная, но уже накопившая богатый материал.

Томас Пейн, известный в свои времена публицист, был участником трех революций: американской, английской и французской. Тут бы ему и остановиться, как остановился на одной революции его современник. Остановился — и стал Наполеоном. А Томас Пейн, герой трех революций, уехал в свою Америку умирать в нищете.

Это он, Томас Пейн, сказал знаменитую фразу: «От великого до смешного один шаг…» Тут бы ему и остановиться, как остановился повторивший эту фразу Наполеон, но Томас Пейн продолжил свою мысль: «…но следующий шаг может сделать смешное великим».

Наполеон не повторил этого продолжения.

Он уже не помнил, как стал великим, перестав быть смешным.

Что-то в этом Наполеоне уловил гимназист Алеша Шахматов, потому-то он и писал сестре: «Не знаю, как ты, Женя, но я нахожу, что Наполеон не был великий человек, а стоит даже ниже Александра Македонского. Все его победы суть не им одержанные, но духом времени, народом французским…»

Даже ниже Александра Македонского! Какое унижение для Наполеона!

ДВЕ НЕСООБРАЗНОСТИ

Академик А. И. Соболевский в «Лекциях по истории русского языка» считает, что мужчина должен быть мущиной, поскольку происходит от древнего мужьщины — с тем же суффиксом — щин-, который мы наблюдаем у женщины. А. И. Соболевский утверждает, что суффикса — чин- здесь быть не может, откуда же у нас возьмется мужчина?

В недостаточно осведомленных кругах делались попытки рассматривать — чин- в слове мужчина как хорошо известный всем корень, а первой части — муж — отводить чуть ли не роль приставки. Дескать, главное не муж, а чин. Такое толкование приучает видеть в мужчине совсем не главное, а самих мужчин выдвигать на первый план свою вторую часть, пренебрегая исконной и древней первой. Мудрено ли, что мужество в результате у нас пропадает, а вместо него появляется чинопочитание?

Не потому ли сейчас никто не пишет мущина, как предлагал академик Соболевский, что мораль оказывает давление на грамматику?

А как мы понимаем риск? Как мужчины понимают риск?

Этимологический словарь объясняет: рисковать — буквально «объезжать утес, скалу». Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет — вот что такое риск для современного мужчины.

Был бы он мущиной, а еще лучше — мужьщиной, как в древние времена, и все было бы совсем по-другому. Был бы у него суффикс — щин-, не претендующий на роль корня, а корнем был бы муж, означающий мужество, то есть самое главное у мужчины.

СОБСТВЕННЫЙ СТИПЕНДИАТ

Неужели это так смертельно? Мозг перерождается в жировое вещество… У скольких людей мозг перерождается в жировое вещество, а их считают практически здоровыми. Разжиревшими, но здоровыми. Отупевшими, но здоровыми. Равнодушными, ленивыми, бессердечными, но здоровыми, практически — совершенно здоровыми…

Николай Крушевский никогда не был здоровым человеком. Но он был мыслящим человеком — с чего бы это его мозгу перерождаться в жировое вещество?

Он был беден. Подобно своему учителю, знаменитому Бодуэну де Куртенэ, он трудился всю жизнь ради куска хлеба. Зачисленный в Казанский университет в качестве сверхштатного профессорского стипендиата без стипендии, он существовал со своей семьей на средства, которые специально ради этого в течение трех лет зарабатывал в уральском городе Троицке. Он был собственным стипендиатом, он работал, трудился — с чего бы это его мозгу перерождаться в жировое вещество?

Двадцати семи лет он пришел в Казанский университет стипендиатом без стипендии, а тридцати пяти лет вышел в отставку. «Как быстро я прошел через сцену!» — сказал он в минуту просветления.

Последние два года он провел в Казанском доме для душевнобольных, забывая постепенно все, чему научился… Дольше всего он помнил свою науку — лингвистику…

Его учитель, глава Казанской лингвистической школы профессор Бодуэн де Куртенэ, написал о нем большую статью. Учитель пережил ученика на сорок два года.

Это, конечно, патология. И то, что учитель переживает ученика, и то, что живой, активный, талантливый мозг перерождается в жировое вещество, — это патология.

Другое дело — мозг застывший, зачерствевший, разжиревший… Когда такой мозг превращается в жировое вещество — это естественно, и человека можно считать практически здоровым. Безнадежным, но здоровым…

Николай Крушевский пытался читать книги в лечебнице для душевнобольных. Накануне своей кончины он боялся отстать от науки.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ХАРЬКОВА В МОСКВУ

У слова две формы и одно содержание, утверждал Александр Афанасьевич Потебня. Внешняя форма — звучание слова, внутренняя форма — его буквальное значение. А содержание — его истинное значение в тексте.

Вот Потебня рассказывает, как по пути от Харькова до Московской губернии кондуктор четырежды «бил зубы ямщикам».

И дальше замечает:

«Умилительно и назидательно было слышать, как кашлатые и бородатые представители невежества ссылались на законы гражданские и общечеловеческие, а представитель цивилизации отвечал им только одним: молчать, так-то твою мать!»

Умиление — это внутренняя форма слова умилительно, а содержание его — возмущение. И представитель цивилизации представляет цивилизацию лишь по форме, а по содержанию представляет самое темное, самое дикое и необузданное невежество, по сравнению с которым невежество избиваемых мужиков (которые ссылаются на законы гражданские и общечеловеческие) — вершина воспитанности и культуры.

Продолжение этого эпизода: Потебня берет под защиту ямщиков, а кондуктор объясняет остальным пассажирам, что, поскольку он, кондуктор, действовал исключительно в их интересах, вступившийся за ямщиков пассажир — человек вредный (вредный по характеру — это только внутренняя форма данного слова, а содержание его — вредный для общества, для государства). И пассажиры (то есть общество) немедленно берут кондуктора под защиту и выражают готовность свидетельствовать, что он не бил ямщиков.

Что тут остается сказать?

Потебня говорит:

«Ой нема, нема правди ні в кому,

Тільки в єдиному бозі

да еще, может быть, немного в мерзавцах мужиках… пока еще их бьют, а не они бьют».

Содержание слова мерзавцы выражает отношение к мужикам не Потебни, а просвещенного общества, у которого просвещение — тоже всего лишь форма.

Несоответствие формы и содержания в словах создает иронию — оружие беззащитного ума перед вооруженным до зубов невежеством. «Государь император соизволил всемилостивейше благодарить Георгиевских кавалеров за молодецкую службу. — Министр юстиции изволил благодарить чинов судебного

ведомства за ухарскую службу. — Министр народного просвещения изволил благодарить профессоров университета за лихое чтение лекций и студентов за залихватское их посещение…»

Такова ирония Потебни, прекрасно знающего разницу не только между формой и содержанием, но также между формой внешней и внутренней формой.

ПОТОЛОК, РАВНЫЙ ПОЛУ

Слабый синоним прекрасному лишь тогда, когда речь идет о прекрасном слабом поле. Но в большинстве случаев слабый и прекрасный — враги. Или, как их принято называть, антонимы (прекрасные стихи — слабые стихи).

Но жизнь слов сложнее, чем кажется на первый взгляд, и синоним может обернуться антонимом. Допустим, синоним слова профессия — ремесло. А профессионал и ремесленник? Нетрудно ответить на этот вопрос.

Антонимы многому учат нас. Антонимы предупреждают:

— Не заводите дорогой обстановки, чтоб на ее фоне не выглядеть слишком дешево!

— Не употребляйте дешевых фраз, это вам обойдется слишком дорого!

Но иногда противоположность чисто внешняя и антонимы не такие уж антонимы, как может показаться на первый взгляд.

К примеру, пол и потолок. В любом многоэтажном доме верхние соседи ходят, в сущности, по потолку нижних. И в жизни так бывает: какого б ты ни достиг потолка, всегда твой потолок может оказаться чьим-нибудь полом.

Так обычно бывает в жизни. Так бывает в многоэтажных домах. И так же бывает в прекрасной (но не слабой!) науке этимологии.

Потому что потолок, как утверждает этимология, буквально означает: равный полу. Равный — какого бы он ни достиг потолка!

Для потолка это не беда. Та же этимология утверждает, что без беды не бывает победы. Потому что слово победа происходит от слова беда. Сначала беда, а потом, после нее, по беде, как результат ее преодоления — победа.

Различие бывает таким же внешним, как и сходство. Знакомство с голландским сыром еще не дает права судить о голландской живописи. И даже — как ни странно — о голландской породе коров.

ГЕНЕРАЛ ОТ ОРФОГРАФИИ

Грустно сознавать, что дважда два всегда будет четыре и действие всегда будет равно противодействию, а наречие «по-прежнему» сегодня может писаться через черточку, а завтра слитно, как писалось уже не раз. Есть в этом какая-то непрочность, зыблемость нашей науки.

И разве можно иметь твердую уверенность, что нужно писать не иначе, а именно так? Мы требуем писать так, мы снижаем отметки за малейшее отклонение, но уверенности, твердого убеждения у нас нет. Можно ли посвятить свою жизнь тому, что не является твоим убеждением?

Не случайно к грамматике в школе относятся не так, как к физике и математике, а как к бессмысленному и необязательному ярму. Точнее, обязательному, но только для аттестата.

В эти минуты неуверенности в любимом предмете обращаешься памятью к великим именам. Например, вспоминаешь, как в течение многих лет шла борьба за реформу русской орфографии, как понадобилась революция для проведения в жизнь этой реформы, и, конечно, новая орфография — ценой таких усилий! — была не для того принята, чтобы какой-то лодырь ее нарушал.

У реформы — в те еще, дореволюционные времена, — было немало противников. Придворный публицист, славянофил и генерал-лейтенант А. А. Киреев считал, что можно, не прибегая к реформе, повысить грамотность в учебных заведениях. Для этого нужно совсем не много: ЗАПРЕТИТЬ УЧИТЕЛЯМ ВЫСТАВЛЯТЬ БАЛЛЫ НИЖЕ ТРЕХ.

«Неужели генерал-лейтенант был прав?» — усомнится учитель в минуту душевной слабости. Но тут же перед ним возникает образ честного и бескомпромиссного рыцаря филологии, отважного борца за орфографическую реформу, и, отбросив колебания, учитель скажет себе: нет, Александр Алексеевич Киреев не прав, прав Алексей Александрович Шахматов.

Такие мысли возвращают уверенность, и опять чувствуешь себя надежно за могучими спинами титанов лингвистической науки.

ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ

«…Я купил за 50 санскритских слов и за три готских слова — 60 исландских. За 40 персидских слов и 8 арабских — 50 финских и литовских… за 257 древнегерманских слов — 60 редких готских слов».

Такова была «коммерческая» деятельность тринадцатилетнего Алексея Шахматова в стенах Московской гимназии. Поскольку в гимназии таких слов не водится, обмен производили через гимназистов с их родителями и родственниками, давным-давно окончившими университет.

Среди своих солидных партнеров мальчик Шахматов — личность известная и уважаемая. Да, собственно, он и не новичок в науке. Десяти лет от роду он уже был автором двух солидных трудов:

1. «Книга I. До Ярослава I. Русская Старина. 23 апреля 1874. Составил Ал. Алексан. Шахматов», 175 страниц.

2. «Русская Старина. Ч. II — от Ярослава Мудрого до Всеволода III и ч. III — от Георгия и татар до Василия Дмитриевича и Вас. Темного. Лето 1874», 178 страниц.

Это было начало того пути, в конце которого академик Никольский скажет:

«Если бы в наше время продолжались старинные погодные записи, которыми с таким увлечением занимался Алексей Александрович, то летописец без колебания и преувеличения был бы вправе отметить его кончину словами: «такового не бысть на Руси преже, и по нем не вем, будет ли таков» (Никон. Летопись, под 1089 годом)».

А пока гимназист Шахматов устанавливает научные связи с родителями своих соучеников. Отец гимназиста Прогульбицкого торговал у него слова, примечания к ним и сочинение «Взгляд на историю с филологической точки зрения» за шесть рублей. Но разве за деньги можно продать слова, тем более — взгляд на историю? Юный коммерсант предложил ему свое сочинение бесплатно.

Отец Прогульбицкий на это не согласился, он хотел приобрести не только сочинение, но и авторские права. Пока он торговался, накидывая по рублю, Алексей Шахматов составил филологические теоремы, которые он доказывал алгеброй.

Целый год вел осаду отец Прогульбицкий, подсылал своих лазутчиков и парламентеров, а потом согласился переписать сочинение даром. И не только переписал — опубликовал его в иностранном журнале под своим (правда, вымышленным)

именем.

Кто мог этого ожидать? Ведь они же обменивались словами, только словами: за 50 санскритских — 60 исландских, за 40 персидских — 50 финских… И вдруг — профессор Мюллер говорит:

— Молодой человек, все эти теоремы вы переписали из иностранного журнала.

Мальчик отвечал с достоинством истинного ученого:

— Милостивый государь! Я начинающий, я начал изучение языков с пяти персидских слов, найденных мною в грамматике Востокова, а теперь у меня одних санскритских слов пять тысяч…

В сущности, если разделить представителей любой науки на две части, они разделятся на Шахматовых и отцов прогульбицких. И пока первые беспечно обмениваются словами, вторые начеку и каждое слово у них имеет реальную стоимость.

ОТ ЗВЕЗДОСЛОВИЯ ДО СВИСТОПЛЯСКИ

Что было бы с нашим развитием, с нашей общественностью, с нашей промышленностью, наконец, если б не Карамзин? Все эти слова — его изобретение.

А наша будущность? Ведь и это слово идет от Карамзина. Да, не много найдется писателей, оказавших такое влияние на развитие русского языка, — недаром ему принадлежат слова влияние и развитие.

Словотворчество — занятие, доступное всем, но как дать жизнь придуманному слову? Как добиться его принятия, приживления в живом языке? Это не удавалось даже такому знатоку живого русского языка, как Даль: сконструированные им на манер живых слова так и не ожили, навсегда остались на бумаге.

Повезло историку Погодину: придуманное им слово свистопляска внезапно прижилось в русском языке. Слово, что и говорить, выразительное: так и представляешь себе эту банду, с дикой пляской освистывающую нечто святое, благородное, прогрессивное… Но дело-то в том, что реакционный историк Погодин адресовал это слово прогрессивному «Современнику». Возможно, натолкнул его на это сатирический отдел «Современника» — «Свисток». От этого «Свистка», возможно, и пошла придуманная Погодиным свистопляска, которую впоследствии охотно употребляли прогрессивные авторы для характеристики всевозможных реакционных действий.

Однако авторство Погодина, удостоверенное Писаревым («Раздражение г. Погодина, выразившееся… в изобретении слова «свистопляска»…»), опровергается словарем Даля. Оказывается, слово это давно существует в вятских говорах и уходит своей историей в XIV век. Именно в этом веке вятичи убили пришедших им на помощь устюжан, ошибочно приняв их за неприятелей, и тризна по убитым — свистопляска — с того времени стала традиционной. В этот день свищут в глиняные дудочки, — так объясняет происхождение слова Даль.

Возможно, историк Погодин знал историю вятичей и устюжан, а, возможно, придуманное им слово просто совпало со словом вятского говора. Тем не менее имя его связано с введением в русский язык нового слова. Оказать новое слово в буквальном смысле нисколько не легче, чем в переносном (то есть, сделать какое-нибудь открытие).

Были, к примеру, у нас и недотепы, и растяпы, но их неудачи часто объяснялись невезением, стечением обстоятельств, а также

тем или иным свойством характера. Щедрин указал на истинную причину, заменив невразумительные приставки полнозначным словом голова.

Так появились у нас головотяпы.

В свое время Российская академия, подчеркивая разницу между академиком и писателем, сетовала, что писатели вместо слов звездословие, тискарня, обзор, отвес писали астрономия, типография, горизонт, перпендикуляр. Писатели могут употреблять какие угодно слова, но суть не в том, какие слова употребляют писатели, а в том, какие употребляют читатели. Только слово, употребляемое читателями, становится достоянием живого языка.

Вот что такое наше развитие, наша будущность: они никогда не зависят от одного человека, даже если он придумает слово влияние и будет стараться повлиять на общественность. Пока общественность сама не примет нового слова (как буквального, так и переносного), слово это жизни не обретет.

СУДЬБА ВЕРБЛЮДА

Давно было сказано: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко…» — а между тем он, верблюд, проходить сквозь ушко даже и не пытался. Канат, возможно, пытался и до сих пор не теряет надежды, старается, хотя никто этого не замечает. Все видят, что верблюду трудно пройти сквозь игольное ушко, и никто не видит, как трудно канату.

Дело в том, что в греческом языке верблюд и канат очень похожие слова, а если судить только по словам, то, конечно, можно принять канат за верблюда. Потом иди доказывай, что ты не верблюд.

Д когда, отдав все до ниточки, истончившись до ниточки, осуществишь наконец дело всей своей жизни, пройдешь сквозь игольное ушко — лавры достанутся не тебе, а верблюду. О нем будут говорить, что он добился этого своим горбом, своими мозолями (не зря в зоологии его относят к отряду мозоленогих).

И теперь тебе придется доказывать, что ты и есть тот самый верблюд, что это ты, ты прошел сквозь ушко своим горбом и мозолями…

Все относительно просто, пока не выходишь за пределы пословицы и поговорки. «На ловца и зверь бежит». Прекрасно! Особенно если не очень страшный зверь и ловец не робкого десятка. «Тише едешь — дальше будешь». Пословица призывает не только не спешить, но и не очень шуметь о своем движении. Из такой пословицы и выезжать не захочешь. «Не боги горшки обжигают». Это и вовсе отличная пословица. В такой пословице можно век жить — не тужить. С одной стороны, горшки обжигают не боги, значит, работа не требует особого мастерства. А с другой стороны — и о качестве нечего спрашивать: ведь обжигают горшки — не боги!

Да, внутри пословицы все обстоит хорошо. По крайней мере, так видится поверхностному взгляду.

«Я увидел ее и остановился как вкопанный. Я влюбился по уши и предложил ей: «Давайте сядем, в ногах правды нет».

И все было прекрасно, и никто не вспомнил, что в ногах правды нет потому, что в старину добывали эту правду под пытками, больно ударяя людей по ногам, а как вкопанные мы останавливаемся, напоминая тех, которых заживо закапывали в землю. По уши закапывали — тут уж было не до любви!

Но внешне в пословице все обстоит хорошо. Если, с одной стороны, не углубляться в нее, а с другой — не выходить за ее пределы. А стоит выйти — и она совсем по-другому зазвучит.

«Работа не волк, в лес не уйдет… не надейся». Только что мы утешались тем, что работа в лес не уйдет, и вдруг утешение обернулось разочарованием. Оказывается, когда мы не торопились с работой и утешали себя тем, что в лес она не уйдет, втайне мы все же надеялись: а вдруг уйдет? Вдруг работа, как волк, уйдет в лес, и мы, таким образом, избавимся от работы?

«Дети — цветы жизни… а ягодки будут впереди». Этот мостик в другую пословицу открывает истину, неизбежную в жизни. Но даже мысль о будущих ягодках не изменит нашего отношения к цветам, не заставит нас, выражаясь пословицей, выплескивать вместе с водой ребенка…

«Ребенок, которого выплеснули вместе с водой… постепенно рос и становился на ноги». Напрасные усилия — выплеснуть ребенка с водой. Сколько его ни выплескивай, он все равно станет на ноги и призовет нас к ответу. И зря мы надеемся уйти от ответственности за то, что мы выплескиваем вместе с водой для собственного спокойствия, благополучия или карьеры. Они растут вокруг нас — наши выплеснутые мысли, дела, добрые начинания. Выращенные другими — дети наши, выплеснутые вместе с водой…

И не нужно утешаться пословицей, что «нет худа без добра». Иначе на худо уйдет все наше добро и на добро добра не останется.

Неуютно и тревожно за пределами прописных истин, в том числе и лучших из них, пришедших в нашу жизнь как пословицы.

ИЗМЕНЕНИЕ ВО ВРЕМЕНИ

«Изменение языка во времени и составляет самое существование языка…»

В этих словах Фортунатова точно выражена не только природа языка, но и природа самого человека. Изменение во времени… Потому и изменяется наш язык, что он должен поспеть за изменением человека во времени.

Он поспевает. И всегда точно соответствует уровню человека в данный период его изменения. В период расцвета — цветет, в период оскудения — скудеет.

Потому так важно к себе прислушиваться: не скудеет ли наш язык? Не становится ли он бедней, чем был язык наших предков?

«Прекрасный наш язык, под пером писателей неученых и неискусных, быстро клонится к падению», — писал Пушкин в 1836 году. Достоевскому было 15 лет, Островскому — 13, Салтыкову-Щедрину — 10, Льву Толстому — шутка сказать: Льву Толстому! — всего-навсего 8 лет… Русский язык был на подъеме, но тревожному взгляду Пушкина казалось, что он клонится к падению.

Впрочем, время тоже не всесильно, и не все в этом мире зависит от времени. Профессор Стороженко характеризовал юному Шахматову двух корифеев тогдашней филологии: Буслаев — человек очень увлекающийся и поэтический, он благодарен за всякое указание на ошибки, за всякую критику. Фортунатов же совершенно противоположен, сухой, математически точный и никогда не увлекается.

Фортунатову в то время был 31 год.

Буслаеву — 61.

Что же касается Бодуэна де Куртенэ, то он увлекался до восьмидесяти четырех лет, до последнего года своей жизни, хотя, по выражению Виноградова, «никто из лингвистов последней трети XIX века и начала XX века не подвергался таким издевательствам и даже преследованиям, как он».

РАЗГОВОР О ПОГОДЕ

В русском языке нет твердого, незыблемого порядка слов, но если уж с чего начинать, то прежде всего желательно определить место и время.

НА УЛИЦЕ ШЕЛ ДОЖДЬ…

Это не просто банальный разговор о погоде. Это пример того, что обстоятельству места легко занять в предложении первое место.

Но — до поры до времени.

ВЧЕРА НА УЛИЦЕ ШЕЛ ДОЖДЬ…

Речь опять-таки не о погоде, а о том, что появилось обстоятельство времени и отодвинуло обстоятельство места на второй план.

Так обычно бывает. Даже обстоятельство места не может сохранить своего места в предложении. А если сохраняет — то лишь до поры до времени. Придет время, точней, обстоятельство времени, — и все прежние обстоятельства отодвинутся на второй план.

СПАСИБО ВАМ!

Учитель — всегда ученик. Особенно если он преподает в вечерней школе, где ученики старше его по возрасту и имеют более солидный жизненный опыт. Ученицы будут относиться к нему по-матерински, а ученики попытаются даже воспитывать. Дескать, не так все просто в жизни, как это в книжках написано, и если хочешь жить по литературе, нахватаешь синяков.

Им захочется уберечь своего учителя от синяков, просветить его своим опытом, но, конечно, не всяким: до иного опыта нужно дожить, для него требуется соответствующий возраст. И, сознавая это, они будут стесняться отвечать на уроках со всей откровенностью и о программных вещах будут говорить как о произведениях, которые их учителю еще рано читать.

Но не только в этом случае учитель — всегда ученик. Когда он перестает быть учеником, он перестает быть и учителем.

Сорокапятилетний профессор Бодуэн де Куртенэ брал уроки армянского языка у одного из своих студентов. Одновременно он изучал латышский, эстонский и арабский языки, слушал курс патологии речи и брал уроки высшей математики.

Федор Евгеньевич Корш, о котором говорили, что он один заменяет целый восточный факультет, Корш, который писал стихи не только по-русски и по-украински, но также по-гречески и по-латыни, Корш, который вступал в разговор с человеком, не зная его языка, и изучал язык в процессе разговора, — Федор Евгеньевич Корш, уже будучи престарелым академиком, изучил по учебнику грамматики венгерский язык, да так, что с успехом переводил Петефи.

А Федор Иванович Буслаев (который, обучая болгарина русскому языку, попутно выучился у него болгарскому и сербскому) говорил своим ученикам:

— Какие же вы ученики? Да мы вместе учимся, мы соученики; вы только младшие мои товарищи.

Если вы работаете в вечерней школе, трудность заключается в том, что младшие ваши товарищи одновременно старшие ваши товарищи, и вам особенно часто придется повторять любимую буслаевскую фразу:

— Спасибо вам, вы меня научили!

Представьте, что вы даете на почте телеграмму и, подсчитав стоимость текста, обнаруживаете нехватку двух копеек. Как в этом случае поступить?

И тогда, после мучительных сомнений, вы решитесь на страшное преступление: напишете слитно то, что по всем

правилам должно писаться раздельно.

В конце концов — бывают же исключения. В самой грамматике — вон сколько исключений! Конечно, данное исключение в грамматике не зафиксировано, но оно продиктовано самой жизнью. А жизнь — это вам не грамматика: здесь либо пиши, как требуют обстоятельства, либо выкладывай две копейки.

Вы уже смирились с этой жизненной философией. Вы уже написали слитно — допустим, с глаголом частицу «не» — и вдруг, подойдя к окошку, обнаруживаете, что телеграммы принимает ваша ученица. Отличница!

Да, вы похолодеете, представив, что она вам сейчас скажет.

— Что же это вы, уважаемый? Нас учите, а сами пишете как?

Или еще того хуже:

— Нас учите, а сами готовы ради каких-то жалких копеек пожертвовать самым святым?

Ну, самым святым — это слишком. Так не скажет даже отличница. Она скажет проще и конкретней:

— Нас учите, а сами готовы за копейку продать правописание частицы «не» с глаголами?

Пусть вы, учитель, младше своих учеников, пусть они относятся к вам, как к младенцу, но, во всяком случае, как к младенцу, устами которого глаголет истина. И не просто истина, а истина, предусмотренная программой.

Понимая это, вы возьмете новый бланк и перепишете текст наново. Вы напишете частицу «не» на приличном расстоянии от глагола, но, отделившись от глагола, она потребует отдельных затрат (как это бывает с детьми, отделившимися от родителей). И, чтобы ее оплатить, вам придется (по примеру тех же родителей) пожертвовать очень важным, быть может, самым важным во всем тексте словом: «Целую».

— Спасибо вам, вы научили меня!

А позднее, когда время будет приближаться к экзаменам, к вам подойдет коллега-физик и предложит по дороге домой зайти выпить по кружке пива. Какое пиво в одиннадцать часов вечера? Оказывается, здесь неподалеку есть буфет, который работает до двенадцати. В вашем распоряжении целый час.

Буфет, как вы и ожидали, будет закрыт.

— Одну минуточку! — скажет коллега-физик и постучит — тихонько, так, чтоб в соседних буфетах не услышали.

Дверь неслышно отворится и затворится, и за столом, уставленным бутылками, вы увидите своих учеников.

Им будет неловко. На какой путь они толкают своего младшего товарища? Начнет ходить по буфетам, продавать

достоинство учителя за стакан вина. Плохо это для него кончится. Но без этого тоже нельзя. Экзамены на носу, придется писать сочинение. Что же лучше — принести в жертву одного учителя или целый коллектив? Да, с педагогическими церемониями пора кончать, здесь требуется хирургическое вмешательство.

— Выпьем, дорогой наш учитель! — скажет незнакомый вам человек, поднимая стакан с вином, как хирург поднимает скальпель.

Как ни странно, он, этот хирург, окажется вашим учеником. Просто вы до сих пор не имели случая встретиться, но фамилию его регулярно зачитывали во время переклички.

Вы выпьете, но от этого не исчезнет неловкость. Даже веселый физик не будет находить слов.

— А вот интересно: почему «вдвоем», «втроем», даже «вдесятером» пишется слитно, а «в компании» — раздельно? — спросит какой-нибудь двоечник, явно выслуживаясь перед вами.

Но даже родная тема не развяжет вам язык. Вам будет неуютно в этой малознакомой компании. Тех учеников, которых вы привыкли видеть на уроках, здесь не окажется, — разве что те, которых, право же, лучше не видеть…

Расходясь, вы разделитесь на две группы: физиков и лириков. Физики, не доверяя этой серьезной науке, пойдут провожать вашего коллегу, а вас пойдут провожать лирики — двоечники русского языка.

И опять разговор не будет клеиться. Кто-то затронет тему лишнего человека, но его не поддержат. Тема романтизма раннего Горького тоже повиснет в воздухе. Даже в этих программных темах будет звучать что-то незаконное, словно это какая-то уголовная литература.

И эти темные переулки, по которым вас ведут к вашему дому… Встречные прохожие испуганно жмутся к домам, словно чувствуя противозаконность этой компании. Такой большой компании в такую темную ночь…

Учитель всегда ученик. Но нужно что-то сказать на прощание… Что тут можно сказать?

— Спасибо вам, вы меня научили.

СОЕДИНЕННЫЕ ПАМЯТЬЮ

Они неразлучны в нашей памяти — Мелетий Смотрицкий и Леонтий Магницкий, хотя жизни прожили разные и никогда не встречались друг с другом. Смотрицкий родился при Иване Грозном, за сто лет до рождения Петра (умер он через сто лет после рождения Грозного), а Магницкий был сподвижником Петра и родился спустя сорок лет после смерти Смотрицкого.

Каждый из этих двух людей считал главным делом своей жизни не то, которое впоследствии запомнилось потомкам. Магницкий двигал вперед высшую (по тем временам) математику, Смотрицкий писал пламенные богословские трактаты, от которых впоследствии отрекался, участвуя в их публичном сожжении, а затем отрекался от сожжения и писал новые пламенные трактаты.

А потомкам запомнились «Арифметика» Магницкого и «Грамматика» Смотрицкого.

Правда, грамматика была церковнославянская, а одно из основных правил арифметики предписывало «множить первое предположение на второе отклонение и второе предположение на первое отклонение», но ведь путь к истине всегда состоял из предположений и отклонений… Хотя, как в любой задаче с расстоянием между двумя городами, путь к истине является одновременно путем от истины. И если богословская деятельность Смотрицкого была путем от истины, то своей «Грамматикой» он сделал шаг к истине, открытой спустя столетия в трудах Фортунатова, Шахматова, Потебни…

«Грамматику» Смотрицкого и «Арифметику» Магницкого Ломоносов назвал вратами своей учености (поскольку ученость была огромная, соответствующими были и врата); он соединил Магницкого и Смотрицкого на вечные времена, отодвинув на второй план все их дела, кроме грамматики и арифметики.

«Грамматики словенския правильно синтагма по тщанием многогрешнаго мниха Мелетия Смотрискаго»…

Многогрешен был мних. Но все грехи отпустила ему его «Грамматика».

СЛУЖЕБНЫЕ

Опасно подниматься на такую вершину грамматики, чтобы оттуда казались мелочью служебные слова.

К примеру, предлог В. Среди всех слов он — самый употребительный. Без него ни В одиночку, ни В компании, ни В полдень ясный, ни В темную ночь, ни В путешествие отправиться, ни остаться В четырех стенах. Без него ни В кого не влюбишься, без него ни В школу, ни В институт, без него и В люди не выйдешь — ни В повара, ни В профессора… Даже В дураках без него не останешься… Вот тебе и служебное слово…

Служебные слова вообще встречаются чаще других — такая у них служба. Из самостоятельных чаще всего встречается местоимение Я, и это попятно: ведь сколько людей на земле, столько Я. И каждому надо высказаться.

Служебные слова сами не высказываются, но зато помогают высказываться другим. Допустим, кто-то говорит:

— Все, что ни делается, то к лучшему.

А другой уточняет:

— Все, что не делается, то к лучшему.

Ведь это, согласитесь, существенное уточнение. И кто его вносит? Частицы — служебные слова.

Или другой пример, тоже из жизни. Было не однажды замечено, что некоторые родители уходу ЗА ребенком предпочитают уход ОТ ребенка.

Лицемерно похожие существительные — уход и уход, но зато — ЗА и ОТ — откровенно различные предлоги.

Когда молчат существительные, говорят служебные слова. Но правда все равно будет сказана.

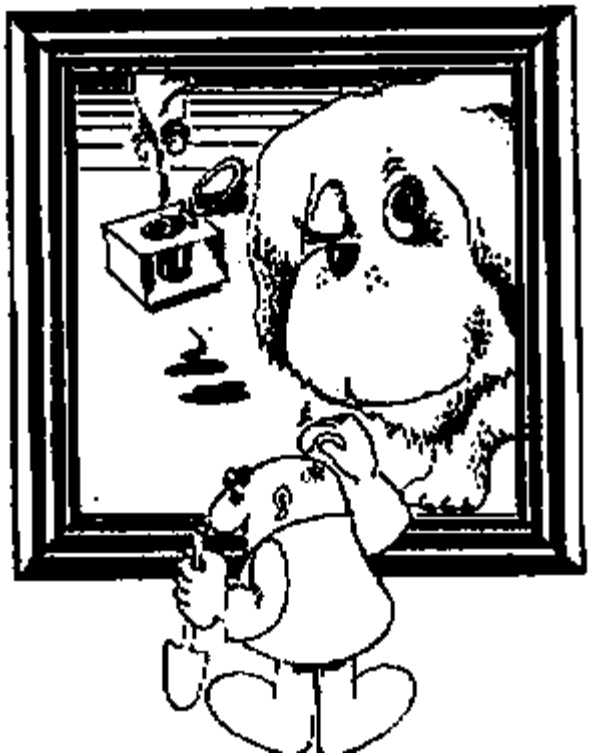
Для этого только нужно так расставить буквы, чтоб они обозначали слова.

А слова нужно так расставить, чтоб они обозначали мысли.

А мысли нужно так расставить, чтоб они открывали, а не закрывали путь к истине.

А истины нужно так расставить, чтоб они помогали, а не мешали нам жить.

ВСЕГДА РЯДОМ



Слова тоже привыкают друг к другу. Когда их часто употребляют рядом, они до того привыкают друг к другу, что их уже трудно бывает разделить. Некоторые из них вообще не могут отдельно существовать, а только в компании с единственным полюбившимся словом.

Хорошо, когда кто-то без кого-то не может существовать, но надо же сохранять и собственное значение. Самостоятельное значение. А не так, как БАКЛУШИ в выражении БИТЬ БАКЛУШИ: если их не бить, то от них вообще толку не добьешься.

А вот ЛЯСЫ не бьют, ЛЯСЫ ТОЧАТ. КАНИТЕЛЬ не бьют и не точат — ТЯНУТ КАНИТЕЛЬ. А ТУРУСЫ — РАЗВОДЯТ, причем, непременно НА КОЛЕСАХ. На колесах, а разводят, хотя на колесах привычнее развозить.

Странные бывают между словами отношения. Посмотришь на иную пару — ну как они только могли сойтись? СОБАКУ СЪЕЛИ, СВИНЬЮ ПОДЛОЖИЛИ, а разве не естественней было СВИНЬЮ — СЪЕСТЬ, СОБАКУ — ПОДЛОЖИТЬ, чтоб уже заодно знать, где эта СОБАКА ЗАРЫТА? Но, как говорится в пословице, не по хорошу мил, а по милу хорош. Как встретишь такое, по милу хорошее, так

и бросишься очертя голову. Именно голову, потому что-что еще можно ОЧЕРТЯ? Ничего нельзя, только ГОЛОВУ…

НЕКОРОНОВАННОЕ СЛОВО

Гарпократ, старинный бог молчания, изображался ребенком в короне и с рогом изобилия в руках. Рог изобилия символизировал богатство: хочешь быть богатым — не давай воли языку. Корона символизировала власть: хочешь властвовать над людьми — не доверяй им своих тайных помыслов. А ребенком изображался бог молчания в знак того, что лишь умеющему молчать принадлежит будущее.

От бога — молчание, слово — от человека. У древних не было бога красноречия, хотя и у них были свои Демосфены. Человек неотделим от слова, и Демосфену пришлось принять яд, чтобы научиться молчанию.

Священный бог молчанья,
Которому, увы! невольно я служу!
Несчастлив я и счастлив,
Что на устах моих печать твою держу, —

писал Востоков, молчавший вынужденно, в силу своего врожденного физического недостатка.

Люби свой путь, гордись сознаньем,
Что в строгой с жизнию борьбе
Всегда ты верен был себе
И словом твердым, и молчаньем, —

писал Грот, знавший, когда говорить, а когда молчать.

Молчание бывает разным, как и слова. Оно бывает трусливым и мужественным, добрым и жестоким, добровольным и вынужденным… Было когда-то блюдо — «соловьиные язычки»… Чтобы насытить одного гурмана, сколько ж это соловьев надо было заставить замолчать! Как часто Слово как раз и бывает причиной молчания…

Некоронованное Слово, не сулящее ни бессмертия, ни богатства, Слово, лишенное покровительства богов, разделяет трудную судьбу человека. И, подобно человеку, оно бывает и лживым, и лицемерным, и корыстным, и даже предательским, — но только оно способно выразить Мысль, поднимающую человека над беспредельным царством Молчания…

САМАЯ ДОРОГАЯ БУКВА

По наблюдению Соболевского, буква Ъ хранит молчание примерно с XIII века. До XIII века ей было что сказать, а с XIII она замолчала.

Нет, она регулярно посещала собрания букв…

ЖИЛЪ-БЫЛЪ КОТЪ, ОНЪ ЕЛЪ БУТЕРБРОДЪ… но занимала место где-нибудь в самом конце и — помалкивала.

Это с XIII-то века!

За это время у нас многое произошло. Появились новые слова, старые вышли из употребления. Книжки стали печататься. А буква Ъ об этом — молчок… А может, она молчок совсем не об этом? Мало ли о чем можно с XIII века молчать!

Осип Иванович Сенковский, известный также под именем Барона Брамбеуса, очень сердился на букву Ъ: «Пагубнее всех и всего этот тунеяд Ъ… на хвосте русских слов: он пожирает более восьми процентов времени и бумаги, стоит России ежегодно боле 4 000 000 рублей, — а какую приносит ей выгоду или честь?»

Не каждый, кто много стоит России, приносит ей честь, этого Осип Иванович не учитывал. Но, с другой стороны, за такие деньги можно что-то сказать. Хоть звук проронить…

Теперь понятно, почему буква Ъ с XIII века молчит: для нее молчание — чистое золото.

КТО СКАЗАЛ «Э»?

Спор между Бобчинским и Добчинским, кто первый сказал «Э!», мог бы не возникнуть совсем, если бы за сто лет до них другой спор имел другое завершение. А именно, спор о том, нужно ли вообще сохранять в русском языке это «Э». Может, сохранить ето «Е» и етим ограничиться?

В борьбе против буквы Э объединились представители различных грамматических направлений: Ломоносов, Сумароков и Тредиаковский. В восемнадцатом веке писатели были одновременно и языковедами — приходилось самим укладывать рельсы, чтобы потом вести по ним поезда.

О других буквах спорили: исключить или оставить. О букве Э спора не было: исключить.

И вот Фита, в отношении которой мнения разошлись, исключена.

Ять, в отношении которого мнения разошлись, исключен.

А буква Э, которую единогласно приговорили к исключению, осталась.

Э оборотное… Оно сохранилось, как ни брали его в оборот.

Возможно, это показалось подозрительным издателю С.-Петербургских Полицейских Ведомостей, и он спустя сто лет, в 1852 году, потребовал исключения Э оборотного.

Но вмешательство полиции не помогло. Больше того: стали раздаваться голоса о необходимости ввести другие оборотные буквы. Например, Г оборотное, с палочкой налево. Т оборотное, с перекладиной внизу.

Предложение несерьезное, надо прямо сказать, издевательское, но — в грамматике чего не бывает.

Замолчали Полицейские Ведомости. Оставили в покое оборотное Э.

Хотя — какой в грамматике покой? Все равно кто-то пишет вместо Э — Е, кто-то И, и кто-то даже А (вместо «элементы» — «алименты»).

Хотя, конечно, сейчас уже не то время, о котором писал Карамзин: «В целом государстве едва ли найдешь человек сто, которые совершенно знают правописание».

ДАЛЬ

Смелость — для начала труда, упорство — для его продолжения и силы — для его завершения… Много великих дел осталось незавершенными, еще больше — брошенными на полпути, но больше всего великих дел — неначатых… Как посмотришь с этого начала туда, где не только не видится — не мыслится завершение… Какая даль!.. И руки опустятся, и увянет дух, и поспешишь взяться за какое-нибудь ближе исполнимое дело.

Даль…

Человек с этой удивительной фамилией — Даль — никогда не боялся больших расстояний. В молодости он проходил ежедневно десятки верст и в молодости же начал тот труд, на который ушла не только вся молодость, но и почти вся старость. Сорок восемь лет из одной жизни — для одного дела, — какую нужно иметь смелость для начала такого труда!

А ведь этот труд не кормит. Одним этим трудом не только не доживешь до старости, но и в зрелые лета не войдешь. Значит, нужны и другие труды. Например, служба на флоте — мичманом. Затем в армии — военным врачом. Чиновником особых поручений при военном губернаторе. Написать учебник ботаники, учебник зоологии, несколько этнографических работ, создать в литературе новое имя Казака Луганского, — и при всем этом продолжать главный путь, которому не видно окончания… «Дожить бы до конца Словаря…»

Он дожил. Его хватило не только на создание словаря, но и на его издание (много тысяч страниц, помноженных на четырнадцать корректур, читанных слабыми старческими глазами). Он покорил эту даль, на которую никто не решался. Ни до него, ни после него.

Отметив, что Французской Академии на составление словаря понадобилось шестьдесят лет, а Российской — в десять раз меньше, Пушкин пишет: «Карамзин справедливо удивляется такому подвигу». Если это подвиг для целой Академии, то что ж тогда сказать об одном человеке?

В словаре Даля слово подвиг имеет два значения: путь и славное деяние. В своей жизни он соединил оба эти значения в одно.

Моряк, солдат, военный лекарь. Человек непостижимой смелости, если взглянуть на труд его с самого начала, откуда даже не мыслилось его окончание…

НАРОДНЫЕ ИСКАЗИТЕЛИ

Пути слова в живом языке поистине неисповедимы. Почему, к примеру, можно праздновать труса, праздновать лентяя и нельзя праздновать дурака? Или, допустим, мошенника?

Повезло трусу и лентяю, их можно праздновать. Хотя какой это праздник? Всю жизнь дрожать или лежнем лежать — уж лучше дурака валять, раз уж его невозможно праздновать.

Любопытно употребление фразы «Шут с ним!» — наряду с «Бог с ним!» и «Черт с ним!» Видимо, шут не случайно попал в эту компанию: ведь юмор — это соединение высокого и низменного, святого и грешного, бога и черта. В зависимости от того, над чем человек способен смеяться, в нем побеждает бог либо черт. (Иногда, впрочем, в нем побеждает пес, о чем свидетельствует выражение: «Пес с ним!»).

В наше время уже нельзя смеяться по пустякам, для смеха требуются серьезные причины. Еще недавно можно было от души посмеяться над нехитрой фразой: «Дядька Черномор закурил «Беломор». А теперь? Ну, Черномор. Ну, закурил. «Беломор». А суть-то? В чем суть? В современном юморе самое главное — докопаться до смешной сути…

Скажи мне, над чем ты смеешься, и я скажу тебе, кто ты…

Искаженная пословица: «Хорошо смеется тот, кто смеется в последний раз». Искажено совсем немного, но уже крылатая фраза летит в другом направлении: не туда, где хорошо смеются победители, а туда, где смеются побежденные, которым ничего, кроме этого, не остается.

Людей, которые бессознательно искажают привычные выражения и слова, приспосабливая их к новой действительности, кто-то удачно назвал народными исказителями. Исказители от сказителей отличаются тем, что, ничего не сказывая, а лишь чуточку изменив сказанное, добиваются подчас не меньшего эффекта.

«Я не могу этого есть натошняк». (Из разговора в поезде).

«В первую мировую я был стрелевой». (Рассказ старого солдата).

Не каждому известно, что слово тощий, от которого произошло слово натощак, когда-то обозначало «пустой». На тощий желудок — на пустой желудок. Но ведь суть не в том, на какой ты желудок ешь, а в том, каковы результаты.

А что важно для солдата? Конечно, и то, что он в строю, но, может быть, еще важней, что он стреляет, а главное — в него стреляют. Вот почему он называет себя: стрелевой.

Жизнь корректирует все, в том числе и привычные выражения. И человек, который, по общему мнению, работал на износ, теперь работает на износ окружающих, а всегда преуспевавший вздыхает:

«Дело принимает нехороший оборот… Темп жизни таков, что дела делают до десяти нехороших оборотов в секунду…»

ЕЩЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Не так-то просто говорить кварт**а**л там, где все говорят кв**а**ртал. Сквозь дружный хор неправильных ударений ты пытаешься пробить свое правильное, но, увы, одинокое ударение…

Ты ведешь борьбу с неграмотностью, которая окопалась не только в классах вечерней школы, но иногда врывается даже в учительскую. Завуч твой — отчаянный человек, он расставляет ударения на свой страх и риск, по праву заведующего учебной частью. Возможно, когда-то, в начале своей учительской деятельности, он говорил правильно, но потом устал бороться и его засосала среда. Пройдут годы — и кто поручится, что ты не будешь говорить так же? Ты все еще будешь бороться, но все теснее будет сжиматься кольцо, и тогда, в отчаянном порыве, ты, как знамя, взметнешь над собой:

— КВАРТ**А**Л!

Тебя не услышат.

— Кварт**а**л, кварт**а**л… — будешь ты хрипеть на последнем дыхании, пока, обессиленный, не уронишь знамени: — Кв**а**ртал…

Всего лишь одно знамя уронено, а посмотри, сколько склонилось над ним: и Ломоносов, и Востоков, и Буслаев, и первый школьный учитель Буслаева Виссарион Григорьевич Белинский, и многие, многие… Они поднимают твое знамя, и ты чувствуешь, что нет, ты не одинок, и никакая среда тебя не засосет, потому что твоя среда — это вся наша история…

«ХАМАСА» НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ

В начале 60-х годов прошлого века Московский университет был охвачен студенческими волнениями. Учебная программа трещала по всем швам, а студенты собирались не на лекции, а на сходки. Между тем в аудитории «Юридическая внизу» профессор Петров и студент Корш читали «Хамасу»…

«Хамаса» в переводе с арабского означает «отвага». Так назывались антологии арабской средневековой поэзии.

Профессор Петров был исправным профессором, и студент Корш был исправным студентом. И в полном соответствии с учебной программой они читали о событиях средних веков, затыкая уши от современных событий. О событиях арабских — не слыша событий российских. Как примерный профессор и примерный студент.

Они штудировали «Отвагу», запершись в аудитории «Юридическая внизу», не желая подняться до критики существующего правопорядка.

Студенту Коршу было тогда восемнадцать лет. А в пятьдесят один, будучи уже профессором Коршем, он выступил на защиту арестованных студентов и подвергся за это административному наказанию.

Благонадежный студент стал неблагонадежным профессором.

Молодость, молодость… Иногда на то, чтобы к ней подняться, уходит вся жизнь…

«Хамаса» на родном языке… Не так просто читать на родном языке «Отвагу»…

КОРРЕСПОНДЕНТЫ АКАДЕМИКА

Очень важно, чтобы математик был нужен не только математикам, а языковед не только языковедам.

Страховой агент интересуется, как пишутся фамилии на — ко в родительном падеже.

У кого узнать?

У академика Шахматова.

Учитель ищет уроки.

У кого спросить?

У академика Шахматова.

Инвалиду нужна материальная помощь.

Кто поможет ее получить?

Академик Шахматов.

А еще кому-то нужно установить родословную. А еще кому-то важно знать условия вступления русских добровольцев в сербскую армию. И защитить от несправедливостей начальства, и разыскать без вести пропавшего солдата, и освободить из тюрьмы арестованных студентов, и облегчить участь осужденных крестьян, и пристроить беспризорного ребенка — все это Шахматов, Шахматов, академик Шахматов.

Дело не в том, что академик. Хотя к академику, конечно, больше прислушиваются, он больше может помочь, но не к каждому академику за помощью обратятся. А Шахматов, еще не будучи академиком, а едва став приват-доцентом, вдруг оставил преподавание и, «в связи с некоторыми душевными переживаниями», уехал в Саратовскую губернию исправлять должность земского начальника. Он помогал крестьянам в неурожайный 1891 год, он помогал им в холерный 1892 год, в должности земского начальника он стал доктором филологии и расстался с ней лишь после избрания академиком Петербургской Академии наук. Подобного не было ни в истории Академии наук, ни в истории земства.

Не мудрено, что к нему впоследствии обращались люди, связанные с деревней и совсем не связанные с филологией.

Наука не существует изолированно. Она существует в мире, населенном людьми. В этом трудность, но в этом и единственный смысл ее существования.

ЯЗЫК ТВОЙ — ДРУГ МОЙ

Вавилонское столпотворение этимологически не связано с толпой, хотя в нем принимали участие многочисленные толпы народа… Вся суть в том, что этимологически безымянная толпа занималась творением столпа, что, как это бывает порой, привело к столпотворению. Вот тогда-то единый дотоле язык, согласно легенде, разбился на множество языков и исчезло взаимопонимание.

С тех пор у нас существуют иностранные языки, а до этого был только родной. Один язык, родной всем говорящим.

Иностранный язык нельзя полюбить, как родной, но зато к нему можно испытывать уважение. В старину, например, у нас все иностранные слова писались с большой буквы. Свои писались с маленькой, а чужие — с большой. В то время всюду учитывалось происхождение.

Возмущенный Сумароков написал трактат «Об истреблении чужих слов из русского языка». Это что за фрукт, когда надо говорить овощ? Овощ яблоко, овощ абрикос. Сумарокову отвечали, что всякому овощу свое время. Было время абрикосу быть овощем, а теперь пришло время стать фруктом. Ну и фрукт этот овощ! — возмущался, должно быть, истребитель чужих слов в русском языке.

Но языки не могут не общаться между собой, не взаимопроникать, не обмениваться словами. А если могут, то это мертвые языки. «Для существования человека нужны другие люди, для народности — другие народности». А для языка — другие языки, — можно продолжить эту справедливую мысль Потебни.

Давно уже иностранные слова пишутся у нас с маленькой буквы, потому что многие из них давно уже нам родные, свои и не нуждаются в специальном почете.

Языки между собой не враждуют, как враждуют порой те, которые на них говорят. Языки убедительно показывают, насколько общение взаимно обогащает (хотя стремиться-то нужно к общению, а не обогащению).

Со времени вавилонского столпотворения, для того чтоб договориться, нужно знать много языков. Это — трудно. Но — возможно. Пример тому — профессор Корш, которого профессор Ключевский называл секретарем при вавилонском столпотворении.

УЛИЦА ВЕНЕЛИНА

В болгарском городе Габрово я шел по улице Юрия Венелина, русского филолога, уроженца закарпатского села Великая Тибава. Этот человек написал первую грамматику болгарского языка.

Это могло бы показаться обидным Болгарии: вокруг столько болгар, а болгарскую грамматику пишет человек, приехавший из России. Но Болгария не обиделась. Она запомнила этого человека. И назвала его именем улицу, да еще, может быть, не одну.

Историк, этнограф, языковед. Русский, украинский, болгарский. Как легко это сочетается в одном человеке! Без вражды, без желания возвыситься, возобладать — русского над украинским, украинского над болгарским. В хорошем деле нет инородцев, важно не откуда ты, а куда, к чему ты идешь.

Болгария считает своим Юрия Венелина. И Украина, и Россия его считают своим. А уж о Закарпатье и говорить нечего — ведь он здесь родился. Другой же век проживает, а его считают чужим — не только в своей стране, но даже в родной деревне.

Хорошо бы об этом подумать при жизни, потому что потом может не хватить времени.

ДОКТОР МНОГИХ НАУК

«Морозову осталось жить несколько дней», — докладывал тюремный врач за 62 года до смерти Морозова.

Дней Морозову предстояло много. Уже и от тюремщиков его не осталось следа, хотя условия, в которых жили они, больше годились для жизни, чем одиночная камера Шлиссельбургской крепости. Но разве условия — это все? В самых человеческих условиях можно прожить свиньей, а можно в самых нечеловеческих условиях остаться человеком.

Тридцать лет заключения Николая Морозова — это горы не только прочитанных, но и написанных им томов: по математике, физике, химии, астрономии, лётному делу, истории, это стихи, это четыре тома воспоминаний…

Для кого-то много — для Морозова мало. Едва выйдя на волю после двадцатипятилетнего заключения в Шлиссельбургской крепости, он пишет «Звездные песни», за которые попадает в Двинскую крепость.

Он теоретически предсказал существование инертных газов, выдвинул идею о сложном строении атома, о синтезе элементов и использовании внутриатомной энергии… По представлению Менделеева, за труд «Периодические системы строения вещества» Морозову без защиты была присуждена степень доктора наук. О нем это было сказано точно: не доктор НАУКИ, а доктор МНОГИХ НАУК.

Для кого-то много — для Морозова мало. Он пишет «Начала векторной алгебры», «Принцип относительности и абсолютное», книгу «Вселенная»… В память о нем малая планета № 1210 названа Морозовией…

Выпускник Шлиссельбургской крепости не оправдал надежд своего «университета». Он стал доктором многих наук, среди которых, однако, не было науки подавления человека.

Для кого-то много — для Морозова мало. Он, конечно, не мог остаться в стороне от борьбы за реформу русской орфографии. Он пишет язвительную статью, в которой отвечает противникам реформы, не знающим, как по новой орфографии отличать мир — вселенную от мира с немцами: «…а как же вы отличаете свою голову от лошадиной, когда обе пишутся совершенно одинаково?»

Если человек, просидевший тридцать лет в разных крепостях, не считает орфографию мелочью, значит, она действительно не мелочь.

Если человек, изучивший в тюрьме почти все европейские

языки, не утратил интереса к русской орфографии, значит, она действительно представляет интерес.

И если он считает, что реформы требует жизнь, то кому же это и знать, как не ему, дожившему до 92-х лет, вперекор чахотке, цинге, тюрьме, трем войнам и другим помехам?

Он умер в 1946 году, спустя год после Победы. Раньше он не мог умереть. Такие люди, как он, умирают только после победы…

СОВРЕМЕННИКИ

Академик Соболевский, ученик Фортунатова, отличался и от своего учителя, и от Шахматова, своего, так сказать, соученика (поскольку и Шахматов был учеником Фортунатова). Соболевский не понимал, как эти академики могут запросто общаться с неакадемиками, вести с ними разговоры на равных, хотя о каком равенстве может идти речь, когда один академик, а другой не академик?

Талантливый ученый, крупнейший знаток истории русского языка Алексей Иванович Соболевский имел свои слабости, которые порой одерживали победу над его силой. Придя на заседание комиссии по реформе русской орфографии и увидев, как Фортунатов и Шахматов запросто беседуют с преподавателями русского языка средних учебных заведений, Соболевский тут же покинул заседание. Об этом вспоминает бывший на этом покинутом заседании современник Соболевского В. И. Чернышев, в то время преподаватель училища, а впоследствии крупный ученый.

Отношения между предками и потомками просты, наиболее сложны отношения между современниками. В сущности, современники — это земляки, только во времени, а не в пространстве. Это близкие люди, и между ними ведутся ближние бои, обычно самые жестокие. И чем ближе люди, тем труднее между ними бои…

Прошлое — как черно-белое кино: в нем обычно всего два цвета. А современность многоцветна, в ней бесчисленное количество цветов, а потому больше возможных противоречий.

Противоречия — главная примета жизни. «А что он не в полном разуме, в том я свидетельствуюсь сочиненною им… грамматикою». Это сказано о грамматике Ломоносова. Крепко сказано, но не нужно негодовать. Это сказал живой человек, в котором, по его собственному выражению, «пылали и пылают страсти». Это сказал Александр Петрович Сумароков.

Сейчас они все расставлены по пьедесталам, а в то время ходили по земле. А на земле выражаются не так, как на пьедесталах. Они были современниками.

> «Языка нашего небесна красота
> Не будет никогда попранна от скота».

Это уже Ломоносов — о третьем современнике,

Тредиаковском.

Резко, даже грубо, но если учесть пылание страстей, которые пылают не зря, а во славу родной российской словесности… Тогда многое можно понять. И сколько бы мы ни становились на сторону Ломоносова против Сумарокова или на сторону Сумарокова против Тредиаковского, нам никогда не приблизиться к ним настолько, насколько они были близки между собой, несмотря на свою вражду… Таково преимущество современников.

«Были врали и при жизни твоей, но было их мало и были они поскромнее; а ныне они умножились за грехи своих прародителей; и так пишут они, что бы им и стен стыдиться надлежало…» Так жалуется Сумароков своему бывшему живому врагу, а ныне покойному другу Михаилу Васильевичу Ломоносову.

Сколько они перьев изломали в спорах о родной российской грамматике! И сколько перьев придется изломать после них — в другие времена, другим современникам! Но время объединит всех «пылавших страстями» и болевших душой об одном.

Таково удивительное свойство времени: оно не только разделяет нас, но и объединяет.

ДВА УДЕЛА

Ну, добро бы был какой чиновник, канцелярист, а то ведь человек, «ученый по званию», может быть, даже — широко мыслящий (правда, в узком кругу). И вдруг — на тебе! Непозволительно, говорит, ставить рядом поговорки: «у него руки долги» (то есть, власти много) и «у него руки длинны» (он вор). А то как бы кто-нибудь не перепутал эти понятия!

Этот «ученый по званию» человек читал в рукописи сборник Даля «Пословицы русского народа». Что делать, не звание делает человека настоящим ученым и даже не сама «по себе ученость, а, помимо учености, характер, способность служить истине даже тогда, когда от нее удобнее отвернуться.

Видно, к таким же, широко мыслящим в узком кругу, относился оренбургский военный губернатор Перовский, у которого член-корреспондент Российской академии Даль служил чиновником особых поручений. Перовский был просвещенный человек, состоял в дружбе с писателями и даже получил от Пушкина в дар «Историю Пугачева». Но в ответ на просьбы облегчить участь Шевченко тот же Перовский говорил, что о Шевченко лучше забыть. История, впрочем, не вняла совету военного губернатора: Шевченко она запомнила, а о Перовском — забыла.

Как свидетельствует история, многие из тех, которые широко мыслили в узком кругу, в широком кругу мыслили очень и очень узко. Хотя история свидетельствует и о другом. Пример тому — родная племянница оренбургского военного губернатора и родная дочь министра уделов Софья Перовская.

(Слово удел имеет два значения: оно обозначает владение, и оно же обозначает судьбу. Можно быть министром владений, но нельзя быть министром судеб. Каждый человек сам хозяин своей судьбы, пример тому — Софья Перовская, дочь министра уделов).

СТАРОЕ НОВОЕ УЧЕНИЕ

В 1864 году в русском языкознании произошли три события, из которых пока было известно только одно: умер Востоков. Тот Востоков, который пришел в этот мир из неизвестности, не зная ни матери своей, ни отца, а ушел из него в известность, в незабываемость, в бесконечную память еще не рожденных времен. Тот Востоков, который был лишен дара речи, но всю жизнь занимался языком (не речами, а языком) и о котором было сказано: «Язык тебе не додан смертных, но дан язык богов!» Тот Востоков, на могиле которого было сказано, что в качестве члена Общества любителей словесности, наук и художеств он за двадцать лет пропустил не более двух-трех заседаний…

Два события, свершившиеся, но не ставшие известными в 1864 году, — рождение Николая Яковлевича Марра и Алексея Александровича Шахматова.

Мы в институте отдавали предпочтение Шахматову, хотя по программе должны были отдавать предпочтение Марру. Марр был создателем яфетической теории — «нового учения» о языке, Институт языка и мышления носил имя Марра, в научном кружке студенты изучали произведения Марра, хотя в Марре им было непонятно все — от его рождения у двадцатилетней грузинки и восьмидесятилетнего шотландца, которые не знали общего языка, до созданного им «нового учения». Именно это, последнее, требовалось от нас по программе.

Марр был студентам непонятен, и они подозревали, что он непонятен и преподавателям. Преподаватели, однако, это скрывали и, как могли, излагали Марра, внутренне тоскуя по Фортунатову, Шахматову, Потебне, а также незабываемому Бодуэну.

Внезапно вспыхнула полемика, после которой Марра вовсе перестали изучать, а принялись изучать лишь его опровержение. Студентов немного шокировало, что тот же преподаватель, который читал им спецкурс по Марру, теперь читал им спецкурс против Марра.

У Николая Яковлевича Марра оказалась бурная посмертная жизнь, значительно более бурная, чем досмертная.

Впоследствии, уже в школе, мне не раз хотелось рассказать своим ученикам о Марре, удивительном ученом, знавшем почти семьдесят языков, сделавшем немало удачных открытий, — не считая, конечно, «нового учения», которым он хотел угодить времени, сам этого времени не понимая.

Биографы Марра писали, что до признания «нового учения»

Марра он жил в научном и общественном одиночестве. Он жил в одиночестве и после признания, ибо был поднят на такую высоту, на которой рядом с ним ни для кого не нашлось места. А теперь, когда все вокруг замолчало, он особенно одинок среди своих современников, оттеснивших его в памяти потомков…

Мне так много хотелось рассказать о Марре, но что я знал о нем? Того, что мне в институте рассказывали, я был не в силах понять, а того, что я мог бы понять, мне, к сожалению, не рассказывали.

БОЛЬШАЯ ФОРТУНАТОВСКАЯ

Фортунатовская улица короче своего названия: на ней всего тридцать пять домов. У первого номера, на углу Фортунатовской и Лечебной, — стол с двумя скамейками для любителей шахмат и домино, а также вечерних посиделок. Черемуха. Неужели это Москва 1980 года? В современном городе так легко забыть, что Черемушки происходят от черемухи…

Фортунатовская улица — словно продолжение расположенного неподалеку Измайловского парка. Самый старенький дом — самый маленький, одноэтажный, но его возвышает одно обстоятельство: в домике помещается конструкторское бюро.

Большинство домов — жилые. На Фортунатовской улице хорошо жить. Пройдя ее из конца в конец, я встретил только одну машину, да и то вросшую в землю, с отвинченными фарами и всем, что удалось унести.

Есть на Фортунатовской улице и завод, но какой! Завод «Малыш», выпускающий игрушки. А по соседству с ним — чтоб сразу уж все развлечения! — улица Зверинецкая…

Да, на Фортунатовской улице хорошо жить. Особенно если вспоминать, что Фортунатов был создателем Московской лингвистической школы. Он дал имя Москвы целой лингвистической школе, почему бы Москве не дать его имя одной, пусть даже небольшой, своей улице? И почему бы за этими столиками под черемухами не собираться нашим языковедам, как собирались их коллеги на квартире у Фортунатова? Тогда у него была квартира, а теперь — целая улица…

Нет, это улица не его. И название ее — в честь другого Фортунатова. Инженера, принимавшего участие в застройке этого района.

Хороший был инженер. И район он построил хороший. Так что за улицу беспокоиться нечего — она носит достойное имя.

Но немножко обидно за Филиппа Федоровича Фортунатова: такая маленькая улочка — и та не его.

И все же у него есть улица. Она проложена им в отечественном языкознании, по ней идут его ученики, она тянется уже сто лет и еще неизвестно, сколько будет тянуться…

НАСЛЕДИЕ БОДУЭНА

Нет, немилостивой была судьба к Бодуэну. Больше семи лет отдал он работе над словарем Даля, дополнял его, уточнял и ничего этим не заслужил, кроме неприятностей. Реакционная критика не могла ему простить прогрессивных политических взглядов, нашедших свое отражение в работе над словарем, и обвинила его в том, что он «испортил» Даля.

Добрая слава лежит, худая слава бежит. И добежала эта слава от реакционных критиков до прогрессивных издателей, спустя почти двадцать лет работавших над новым изданием «Словаря». Не помогло даже вмешательство Горького («Не вижу — почему нужно исключить Бодуэна де Куртенэ?»), и словарь вышел в неисправленном виде. «Самое обидное, что та же история повторилась совсем недавно, при повторном переиздании», — высказывалось в печати сожаление спустя еще двадцать лет. Его можно повторить и сейчас, спустя еще двадцать лет, когда осуществляется новое переиздание «Словаря» Даля.

Добрая слава лежит, худая слава бежит. Никто уже и не помнит толком, в чем она состоит, эта слава, но где-то маячит в памяти: что-то такое было… Проверять, поднимать архивы, какие-то книжки читать… Давайте лучше воздержимся. Воздержавшуюся голову меч не сечет.

И выходит «Словарь» Даля опять и опять, игнорируя семилетнюю работу Бодуэна…

Бодуэну всегда не везло. Уже через много лет после его смерти одна из бомб второй мировой войны угодила в Бодуэна, вернее, в то, что осталось от него на земле: во время бомбежки уничтожена библиотека немецкого языковеда М. Фасмера. Погибли рукописи Фасмера, которые ему потом пришлось много лет восстанавливать, а вместе с ними погиб архив Бодуэна де Куртенэ, вернее, остаток архива, хранителем которого являлся Фасмер. (Часть архива погибла еще во время переезда Бодуэна в Варшаву, «…достойно внимания, — пишет А. А. Леонтьев, — что при этом пропало все наиболее ценное в научном отношении, следовательно, расхищение велось людьми, сведущими в филологии»).

Богатейшее наследие потомка французских королей, польского и русского ученого, погибло в Германии, в которой оно нашло приют в самое неподходящее время.

Архив Бодуэна де Куртенэ, рукопись многотомного «Этимологического словаря русского языка» Фасмера… Бомба упала в Германии, но она уничтожила кусочек России…

ГОДЫ

Самый неблагоприятный год не может быть окончательно неблагоприятным. Такова уж этимология, таково происхождение слова ГОД.

Когда-то ГОД означал: желаемое, благоприятное время.

И не потому, что раньше не было трудных лет, их было побольше, чем сейчас, но, как видно, по тем временам, они считались благоприятными. Тем более, что ведь ГОД состоял из НЕДЕЛЬ, то есть, из таких дней, когда ничего НЕ ДЕЛАЛИ. А складывались ГОДЫ в ВЕКА, которые обозначали силу, здоровье. Отсюда и ЧЕЛОВЕК пошел: от силы, здоровья. Первоначально человек был задуман как здоровый человек.

Вот потому-то ГОДЫ и считались благоприятными. И о них говорили:

— Плохой год, но благоприятный.

— Ужасный год, но благоприятный.

Это уже потом, когда стало полегче жить, появились неблагоприятные годы. А раньше, по тем временам, все годы считались благоприятными.

Беспросветными, но благоприятными.

Безысходными, но благоприятными.

И даже ПОГОДЫ были хорошими, потому что у них в корне — ГОД, то есть желаемое, благоприятное время.

РАЗВИЛКА ВО ВРЕМЕНИ

У фантастов есть понятие: развилка во времени. Это два будущих при одном настоящем. В действительности у человека будущих значительно больше, и его поведение в настоящем не что иное, как выбор будущего. Из всех этих будущих осуществляется только одно, а остальные навсегда останутся неосуществленными. Но это хорошо, что они есть — хотя бы в возможности. Чувствуешь себя увереннее, зная, что от тебя зависит выбор.

Если он от тебя зависит…

Что может быть несчастней будущего, которое никогда не станет настоящим, навек останется недоступным, как недоступен уходящий от нас горизонт?

Слово война этимологически родственно слову вина. Это непременно чья-то вина, если у человека отнято будущее…

Язык, давший бессмертие смертному человеку, помогает ему ступить за горизонт, за ту черту, за которой — но чьей-то вине или по войне — его присутствие на земле переходит в его отсутствие. Но с тех пор как существует членораздельная речь, членораздельная мысль, его отсутствие не будет таким пустым и безнадежным. Все на земле умирало бесследно, пока не появился язык, преодолевший границы смерти…

И прошлое — самое далекое — живет. Прочитанное сегодня, оно в нашем настоящем живет, и на его закрытых глазах рождается будущее…

Впрочем, для прошлого в этом не много радости. Потому что ни радоваться, ни печалиться прошлое не умеет…

Потебня рассказывает о пятилетнем Алеше, который, когда ему очень не хотелось уезжать из Харькова, воскликнул:

— Бедный Харьков!

Это очень по-детски, но не только по-детски. Просто взрослые умеют скрывать свои чувства. Они боятся показаться нескромными и потому не высказывают вслух сожаления о городе, который остается без них, о жизни, которая остается без них… Бедная жизнь! Как она будет без них?

ЛЕКЦИЯ О ПОТЕБНЕ

В актовом зале Харьковского университета перед началом публичной лекции профессора Овсяннико-Куликовского распространилась весть о смерти профессора Потебни. Ее пытались скрыть от лектора, ученика Потебни, чтобы не испортить ему публичную лекцию, но плохую весть разве удержишь?

Дмитрий Николаевич Овсяннико-Куликовский начал свою публичную лекцию. Тема ее была далекой от того, что сейчас переполняло зал, тема была даже несколько отвлеченной… Но за ней все время стоял конкретный человек. Тот, единственный, неповторимый человек… Каждый человек неповторим, но одних повторять не хочется, других повторять необязательно, а есть такие, неповторимость которых ощущается как личная боль даже людьми незнакомыми и чужими.

Он пришел в этот университет в 1851 году, а сейчас был 91-й. Сорок лет — это много даже для университета, а для человека — это целая жизнь… Но понадобится еще тридцать лет, прежде чем к Потебне придет настоящее признание… И тогда о нем заговорят люди, далекие от его науки, но близкие ему в чем-то более важном… «…человека характеризует не знание истины, а стремление, любовь к ней, убеждение в ее бытии». «Истина, добро, красота входят узкими вратами…» — и это сближает входящих в эти врата…

Лекция была о другом, но мысли эти в ней ощущались. И, может быть, они вдохновили впоследствии лектора на трехтомный труд под названием «История русской интеллигенции», — вдохновили те, еще недавно живые, а сегодня ушедшие, ставшие мыслью…

Русские интеллигенты… Откуда в них эта способность — уходя в иной мир, оставлять на земле свою душу, передавать ее живущим как эстафету негаснущего огня? Продолжаться — в помыслах и делах живых, в их борьбе, в их страданиях?.. Слово интеллигенция вошло в русский язык в 60-х годах прошлого века, но, еще не называясь никак, русская интеллигенция достаточно себя зарекомендовала. А начавши так называться, попала в европейские словари в качестве особого понятия: «Русская интеллигенция».

Потебня, Фортунатов, Шахматов…

Все они умерли на рассвете, почти в один и тот же час…

Почему люди чаще умирают на рассвете?

Они умирают на рассвете нового дня, чтобы хоть одной ногой

ступить в этот день. В этот будущий день. Уходя в прошлое, хоть одной ногой ступить в будущее…

СТО ЛЕТ ФОРТУНАТОВА

Сто лет — с 1814 по 1914 — вместили в себе две жизни и одну мечту. В 1814 году родился Федор Николаевич Фортунатов, мечтавший стать ученым-филологом и ради этого окончивший тринадцати лет гимназию и девятнадцати — университет со степенью кандидата… Но от этой мечты пришлось отказаться. Мечту отца осуществил его сын — Филипп Федорович Фортунатов, замечательный лингвист, основатель Московской лингвистической школы.

«Жаль, что этот глубокомысленный ученый не печатает всех своих трудов, — сожалел академик И. В. Ягич, — по статьям его непосредственных учеников видно, что лингвистические воззрения Фортунатова, известные из вторых рук, могли бы во многом дополнить и поправить выводы западноевропейской науки».

Он печатал меньше, чем знал. Другие печатают больше, чем знают.

Он добился больших успехов в области сравнительно-исторического языкознания, но после его смерти они не получили развития — в условиях господства «нового учения о языке». А тем временем западноевропейская наука ушла вперед, и достижения Фортунатова оказались пройденным этапом.

Но он не знал этого. Он умер в 1914 году — в разгаре борьбы за реформу русской орфографии, в разгаре многих незавершенных работ, умер счастливым человеком…

Только в сыне фортуна улыбнулась отцу.

Хоть раз в сто лет, но все-таки она улыбается.

РЯДОМ С ПРОШЛЫМ

Четверть века не входил я в класс к моим ученикам, четверть века не внушал им от имени великой нашей Науки, что переносить нужно по слогам, что безударные гласные проверяются ударением, что приставки ПРЕ- и ПРИ- различают не по звучанию, а по значению, как очень многое в нашей жизни.

Прилагательное оглушительная прилагается к существительному тишина, несмотря на явное смысловое противоречие. Но это его не смущает. Отказавшись от одного смысла, прилагательное рождает новый, неожиданный смысл. ОГЛУШИТЕЛЬНАЯ ТИШИНА… Это самая тихая тишина. И именно эту, высшую степень тишины передает громоподобное прилагательное оглушительная…

Может быть, это было интересно моим ученикам…

Прилагаясь вопреки смыслу, прилагательное создает новый смысл, который зачастую богаче и глубже обычного. Поэтому прилагательные так охотно прилагаются к разным словам. В этом, в сущности, и заключается жизнь слова — в его способности приспосабливаться к различным контекстам и выступать в самых различных значениях. Особенно это относится к прилагательным, которым на роду написано прилагаться к другим словам и даже согласовываться с ними…

Но встречаются прилагательные, которые не желают приспосабливаться к различным контекстам, а прилагаются к одному-двум словам, не более. Например, прилагательное «посажёный». Или «названый». Посажёным бывает либо отец, либо мать, названым — либо брат, либо сестра…

Верность первоначальному смыслу. Можно ее осуждать, называть неумением жить, нежеланием считаться с другими контекстами, с новыми контекстами, которые нам предлагает время. Но ее можно понять…

Я возвращаюсь к своему первоначальному смыслу, к своему далекому контексту, со времени которого прошло четверть века. За это время немало произошло перемен. «По-прежнему» стали писать через черточку, а раньше писали слитно. «Не хватает» пишут только раздельно, а когда-то писали и слитно (в значении «недостает»).

Только в своей жизни заметны расстояния, а в прежних жизнях они незаметны. И за эти четверть века я нисколько не удалился от Востокова и Буслаева, от Шахматова и Бодуэна де Куртенэ. Каким бы далеким ни было прошлое, оно всегда рядом с настоящим. И даже грамматик Аристофан Византийский,

биографию которого я тщетно пытался разыскать, входит ко мне из второго или третьего века до нашей эры, как будто он здесь, за дверью, — только переступить порог…

И никому сейчас не заметно, что Востоков старше Шахматова на всю свою жизнь, которая была достаточно долгой. Они — вне притяжения времени. Они — на вечные времена.

Это не беда, что их не все знают. Если человека спустя сто лет знает хоть одна живая душа, значит, он жив по-прежнему, как бы ни писалось «по-прежнему» — через черточку или слитно. И значит, его не хватает этому времени, этому новому времени. Не хватает в смысле «недостает».

ЮМОР ПЫТЛИВОЙ МЫСЛИ

Первым и главным отличительным признаком талантливости писателя (а тем более того, кто работает в такой сложной сфере литературы, как сатира и юмор) является его стилевое своеобразие.

Стать «балалаечником» в многоголосом «хоре» современных юмористов не трудно, а вот заслужить общественное признание и читательскую любовь нелегко.

Феликс Кривин добился этого признания и читательской признательности с самых первых своих шагов на тропе отечественной сатиры потому, что творчество его обладает именно таким своеобразием, о котором сказано выше. Он наделен от природы хорошим чувством юмора, но юмор у него особый, я бы назвал его юмором мысли. Обладая к тому же завидной эрудицией во многих отраслях знания, Феликс Кривин сочиняет свои притчи, басни в прозе, маленькие юмористические историйки и сатирические миниатюры, и его персонажи — звери, рыбы и даже предметы неодушевленные — совершают поступки и ведут диалоги, которые нужны автору, чтобы внушить читателю добрые мысли и добрые чувства.

Феликс Кривин серьезный писатель, но серьезное дело нравственного воспитания он делает весело, остроумно и изящно — своими художественными средствами.

Я давно уже слежу за литературной работой Феликса Кривина, люблю его творчество и, открывая каждую его новую книгу, знаю, что закрою ее без разочарования на последней странице.

Уверен, что и эта новая книга талантливого сатирика доставит его читателям и почитателям такое же удовольствие, какое доставила она мне.

Леонид ЛЕН